# ВИРГИЛІЕВЫ
# ГЕОРГИКИ.

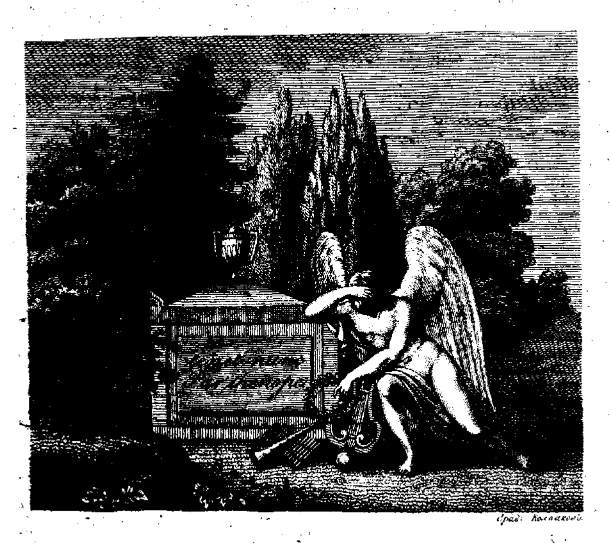
Molle atque facetum
Virgilio annuerunt gaudentes rure Camœnæ.

*Horat.*

# ВИРГИЛІЕВЫ

# ГЕОРГИКИ

*Переводъ А. Р....*



Грав: Колпаковъ.

МОСКВА,
*въ Типографіи Августа Семена.*
1821.

Печатать дозволяется съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска въ публику, представлены были въ Цензурный Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Цензурнаго Комитета, другой для Департамента Министерства Духовныхъ дѣлъ и Народнаго просвѣщенія, два экземпляра для Императорской публичной Библіотеки и одинъ для Императорской Академіи Наукъ. Февраля 3 дня 1821 года. Книгу сію разсматривалъ Ординарный Профессоръ, Коллежскій Совѣтникъ и Кавалеръ

АЛЕКСѢЙ МЕРЗЛЯКОВЪ.

# РОССІЙСКОЙ

# АКАДЕМІИ

Съ должнымъ уваженіемъ любителя отечественной Словесности

посвящаетъ

Переводчикъ *Раичъ*.

# РАЗСУЖДЕНІЕ

## О ДИДАКТИЧЕСКОЙ ПОЭМѢ.

Sint Mæcenates, non deerunt, Flacce, Marones (1).

Можетъ быть особенному стеченію обстоятельствъ, благодѣтельному для молодаго Стихотворца, который прежде на свирѣли Ѳеокритовой пѣлъ

Забавы пастуховъ и жребій ихъ щастливый,

обязаны мы Георгиками. Безъ Мецената Виргилій, скромный—недовѣрчивый къ собственнымъ силамъ, можетъ быть не отважился бы на поприще столь многотрудное.

Tua, Mæcenas, haud mollia jussa.
Te sine nil altum mens inchoat, — (2)

говоритъ Мантуанскій пастухъ Августову царедворцу—своему покровителю . . .

Я люблю воображать тѣ минуты, когда въ добродѣтельной душѣ Мецената блеснула пер-

---

(1) Пусть будутъ Меценаты, возникнутъ и Мароны.
(2) Твой взоръ — и мысль родитъ и пѣсни возвышенны.

вая мысль — пробудить въ соотечественникахъ прежнюю любовь къ земледѣлію; когда мысль сію сообщаетъ онъ Поэту, умѣющему все облекать въ прелестные покровы; когда оба вмѣстѣ, одушевленные патріотизмомъ, развиваютъ планъ будущаго творенія, которое въ свое время увѣнчалось щастливымъ успѣхомъ, и возвратило селамъ прежнюю ихъ славу:

Rediit cultus agris.

Я почти увѣренъ, что нѣкоторые стихи, еще доселѣ не потерявшіе первобытной свѣжести, есть слѣдствіе впечатлѣній, врѣзавшихся въ чувствительномъ сердцѣ Мецената при первой мысли о Георгикахъ.

Non ullus aratro,
Dignus honos; squalent obductis arva colonis,
Et curvæ rigidum falces conflantur in ensem, — (1)

думалъ онъ самъ съ собою, и мыслію остановился на Поэзіи.

Брутъ и Кассій обманулись въ разсчотахъ; закоренѣлыя болѣзни не терпятъ средствъ насильственныхъ. Другъ Августовъ, кроткій,

---

(1) Селяне изгнаны, осиротѣли кущи,
Безъ славы дремлетъ плугъ, на полѣ тернъ и плющи;
Зубчатые серпы раскованы въ мечи.

исполненный благоволенія къ человѣчеству, истину сію запечатлѣлъ въ душѣ своей прежними опытами, и обратился къ другимъ, легчайшимъ и, можетъ быть, дѣйствительнѣйшимъ средствамъ: онъ убѣдилъ Виргилія показать соотечественникамъ тотъ источникъ, изъ котораго предки ихъ черпали струи жизни не блистательной, но спокойной и обильной прочными благами.

— Secura quies et nescia fallere vita,
Dives opum variarum (1).

Въ Георгикахъ видите, вы не одно желаніе Поэта—ослѣплять читателя живописными картинами и льстить воображенію; творецъ ихъ предполагалъ еще другую, важнѣйшую цѣль — пользу и благородные политическіе виды. Щастливы Поэты, дѣйствующіе на благо общественное, щасливы народы, имѣющіе такихъ Поэтовъ!

Если съ сей точки зрѣнія будемъ смотрѣть на Дидактическую Поэзію; то увидимъ, что число истинныхъ Дидактиковъ столь же ограниченно, какъ число писателей, отличившихся на поприщѣ Эпопеи или Драмы.

(1) Удѣлъ его (земледѣльца) покой; измѣны чуждый бытъ
Природы для него сокровищь не щадитъ. Георг. П. II.

Neque si quis scribat uti nos
Sermoni propiora, putes hunc esse Poëtam.
Ingenium cui sit, cui mens divinior, atque os
Magna sonaturum, des nominis hujus honorem (1).

говоритъ Горацій.

Utile dulci(2)есть, нѣкоторымъ образомъ,общій законъ для всѣхъ родовъ Поэзіи; но съ тѣмъ различіемъ, что прочіе роды ея главною цѣлію предполагаютъ удовольствіе: въ Дидактическихъ твореніяхъ напротивъ того удовольствіе подчиняется пользѣ. Въ семъ отношеніи Дидактическую поэзію можно сравнить съ Архитектурою.

«Зданіе безъ украшеній, говоритъ Винкельманъ, подобно человѣку здоровому, но бѣдному. Украшенія въ зданіяхъ служатъ успокоеніемъ, отдохновеніемъ для ума и зрѣнія. Онѣ должны сообразаться съ главною и частною цѣлію; относительно къ первой онѣ суть нѣчто постороннѣе; относительно къ послѣдней — необходимое требованіе вкуса. Это одѣжда при-

---

(1) Того нельзя еще почесть Поэтомъ, кто, подобно мнѣ, пишетъ слогомъ почти разговорнымъ. Только тотъ достоинъ сего названія, кто обладаетъ *геніемъ*, творческимъ умомъ и даромъ слова, могущаго вѣщать *великое*.

(2) Полезное съ пріятнымъ сочетать.

крывающая наготу.» Тоже можно сказать касательно Поэзіи Дидактической. Различіе въ однихъ представительныхъ знакахъ.

Архитекторъ сообразно съ предназначеніемъ зданія избираетъ тотъ или другой орденъ; Дидактическій писатель даетъ своему творенію ту или другую форму. Отселѣ различные роды Поэзіи Дидактической: здѣсь развиваютъ теорію Нравственности, Наукъ, Искусствъ и проч.; тамъ судятъ поступки людей и исправляютъ ихъ болѣе или менѣе язвительными насмѣшками; индѣ бесѣдуютъ съ ними какъ съ отсутствующими друзьями о предметахъ — достойныхъ вниманія Поэта—Философа и разборчиваго вкуса Музъ. Отселѣ Дидактическая Поэма, Сатира, Посланіе.

Не касаясь послѣднихъ, предложу здѣсь краткую теорію Поэмы Дидактической, основанную на правилахъ и наблюденіяхъ, почерпнутыхъ изъ Виргиліевыхъ Георгикъ.

Обширность предмета и экономія въ средствахъ, расположеніе, слогъ и посторонніе украшенія—вотъ главныя точки, съ которыхъ постепенно разсматривать будемъ Дидактическую или Догматическую Поэму.

Есть предметы, которые своею обширностію съ перваго взгляда кажутся самыми благо-

пріятными для писателя; но обладающій истиннымъ талантомъ, никогда не обольстится сею мнимою выгодою; сфера предмета слишкомъ пространная или не можетъ быть разсматриваема съ постоянной точки зрѣнія, или, требуетъ великаго усилія и утомляетъ самыя легкія крыла Генія. Заключающіяся въ ней картины, даже самыя привлекательныя, или теряются изъ виду въ туманахъ отдаленія; или заслоняя одна другую, лишаютъ насъ удовольствія — съ непринужденнымъ вниманіемъ разсматривать ихъ прелести и наслаждаться ими вполнѣ.

Умѣть найти средину, и плыть, по выраженію Виргилія, не теряя изъ виду береговъ — in manibus terræ — во всѣхъ дѣлахъ человѣческихъ есть достояніе мудрѣйшаго. Делиль укоряетъ Лукреція за выборъ предмета слишкомъ обширнаго и самаго неопредѣленнаго. Укоризна, можетъ быть, основательна; но не обращается ли она на самаго критика, какъ на догматическаго писателя? Его *Три Царства Природы*, его *Воображеніе* болѣе ли имѣютъ опредѣленности, менѣе ли обширны? Первая Поэма объемлетъ всю поверхность, проникаетъ въ самую внутренность шара земнаго; вторая заключаетъ въ сферѣ своей цѣлый міръ физическій и нравственный, дѣйствительный и даже воз-

можный. Еще повторимъ: умѣть найти средину, есть достояніе мудрѣйшаго.

Виргилій, завидовавшій предшественнику своему:

Felix qui potuit rerum cognoscere causas (1),

не рѣшился послѣдовать его примѣру; онъ слишкомъ былъ скроменъ и хорошо зналъ мѣру своихъ силъ и важность предпріятія.

Non ego cuncta meis amplecti versibus opto (2).

Онъ вездѣ совѣтовался съ тонкимъ вкусомъ и, скромный предметъ, скромнаго писателя древности, не затруднялъ его ума, не утомлялъ его воображенія. Онъ ставитъ васъ на самой выгодной сценѣ, и водитъ взоры ваши то по волнующимся нивамъ веселыхъ полей, то по безмятежнымъ хижинамъ сельскимъ, то по садамъ, горящимъ пурпуромъ плодовъ, то по смѣющимся лугамъ, усѣяннымъ тучными стадами, то по холмамъ ароматнымъ, оглашаемымъ томнымъ жужжаніемъ пчелъ. Онъ водитъ взоры ваши отъ предмета къ предмету, и—они неутомлены; они наслаждаются, и жаждутъ новыхъ картинъ.— Чародѣй—Поэтъ непринужденнымъ, легкимъ, пріятнымъ образомъ перено-

---

(1) Щасливъ, кто мыслію небесъ проникнувъ своды,
Таинственны пути изслѣдовалъ Природы!

(2) Не весь Природы храмъ моей предметъ цѣвницы.

ситъ васъ въ отдаленные края міра, указываетъ на вершины древъ Индійскихъ, недосягаемыхъ пернатыми стрѣлами.

— Ubi aëra vincere summum
Arboribus haud ullae jactatu potuere sagittæ (1).

Любуется вмѣстѣ съ вами померанцемъ, возвращающимъ

Слетѣвшій запахъ розъ отъ устъ полудебелыхъ;

или Китайскими лѣсами, гдѣ

По чернымъ кудрямъ древъ разстлался шолкъ златой.

Вы насытили зрѣніе богатствами Востока; Поэтъ возвращаетъ васъ на прежнюю сцену, и дома—у себя открываетъ предъ вами еще болѣе прелестей. Онъ на родинѣ—и новый пламень, и новое удовольствіе во взорахъ его, во взорахъ вашихъ.—Здѣсь все привлекательно!

— Neque Medorum, sylvæ ditissima, terra,
Nec pulcher Ganges, atque auro turbidus Hermus,
Laudibus Italiæ certent (2).

Въ другое время восходя съ вами на холмы Ликея, усѣяннаго многочисленнымъ стадомъ, онъ нечувствительно сводитъ васъ въ безбрежныя долины Ливійскія,

(1) За Индомъ возстаютъ дубравы—исполины,
Недосягаемы стрѣлами ихъ вершины.

(2) Но гордой Мидіи душистые лѣса,
Но пѣнистый Гангесъ—великихъ рѣкъ краса,
И Гермъ вращающій въ потокѣ черномъ злато . . . .
Твоей, Италія, хвалы не помрачатъ.

Гдѣ дальній небосклонъ скрываетъ отъ очей
Разсѣянны въ степяхъ убѣжища людей;

отселѣ на легкихъ крылахъ воображенія переноситися въ отечество зимы, гдѣ

Печальныя стада печальной стороны
Подъ кровомъ день и ночь срѣтать осуждены;

и разнообразя картины, разнообразитъ вашй удовольствія.

Такъ истинный Поэтъ—догматикъ избираетъ предметы, коихъ предѣлы ни тѣсны, ни слишкомъ обширны; соразмѣряетъ средства съ цѣлію и свободно дѣйствуетъ въ знакомой ему сферѣ; ne quid nimis— есть всегдашнее постоянное его правило.

Благоразумный писатель въ кругу своихъ дѣйствій тоже, что разсчотливый хозяинъ, который при посредственномъ состояніи располагаетъ и пользуется достояніемъ своимъ лучше богатыхъ, но расточительныхъ вельможей, всегда нуждающихся и часто обремененныхъ долгами. Экономія столькоже важна и необходима въ сочиненіяхъ, какъ и въ домостроительствѣ; гдѣ ее нѣтъ, тамъ обнаруживается ложный блескъ суетности.

Овидій, болѣе остроумный нежели чувствительный, nimius ingenii sui amator, въ Дидактической Поэмѣ своей Fasti, увлекаетъ, обво-

рожаетъ читателя смѣющимися картинами, щасливо приведенными эпизодами, игривыми описаніями, занимательнымъ разсказомъ, остроумными примѣненіями, сатирическими чертами, богатымъ разнообразіемъ предметовъ; но какъ часто переступаетъ онъ границы, предписываемыя благоразумною экономіею; какъ часто становится расточительнымъ! Онъ не насыщаетъ, но пресыщаетъ. Излишество есть почти обыкновенная погрѣшность всѣхъ Овидіевыхъ твореній. Рожденный съ пламеннымъ, богатымъ воображеніемъ, гибкій, остроумный, онъ не хочетъ разстаться съ мыслію до тѣхъ поръ, пока не истощитъ ее совершенно; онъ не хочетъ предоставить читателю удовольствія — многое угадывать самому и собственнымъ воображеніемъ дорисовывать картины предметовъ.

Не такъ поступаютъ истинные художники. — Виргилій, котораго безъ сомнѣнія можно почесть единственнымъ образцомъ догматическихъ Стихотворцевъ, умѣетъ щадить наше самолюбіе, и даже льстить ему. Читая Георгики, особенно нѣкоторыя отступленія и описанія всегда превосходныя, какъ-то: Весну, Корцирскаго старца, Вѣкъ Юпитера, Пожаръ виноградниковъ, Праздникъ Вакха, Похвалу Италіи и проч. готовъ, кажется, упрекнуть творцу ихъ за излишнюю бережливость и какое-то опа-

сеніе—доставить намъ удовольствіе продолжительнѣйшее; но вникнувъ въ цѣлое твореніе, въ составныя его части, и обративъ вниманіе на предположенную имъ цѣль, мы видимъ, что онъ дорожитъ не своимъ богатствомъ, но нашимъ удовольствіемъ. Онъ не пресыщаетъ, но насыщаетъ насъ.

Опредѣливъ сферу предмета, назначивъ постоянную точку зрѣнія, приготовивъ средства, писатель Догматической Поэмы располагаетъ ихъ въ такомъ порядкѣ, который цѣлой массѣ творенія даетъ ходъ быстрый, живой, и устремляетъ все къ одной цѣли. Нигдѣ талантъ художника не обнаруживается въ такомъ блескѣ, какъ въ расположеніи. Подобно Оратору, поражающему противника доводами всегда постепенными, Дидактикъ отъ началъ простыхъ, обыкновенныхъ переходитъ къ изслѣдованіямъ сложнымъ, утонченнымъ, почерпнутымъ изъ глубокихъ наблюденій и нечувствительно возвышаетъ до нихъ читателя. Такъ вѣтръ, касаяся Эоловой Арфы, начинаетъ прелюдіею, которая, кажется, мало обѣщаетъ слуху; но усиливая дыханіе, онъ вливаетъ въ нее душу, и по временамъ извлекаетъ изъ струнъ ея краснорѣчивую мелодію, потрясающую весь составъ нашего сердца.

Расположеніе и происшекающая ошъ него стройносшь разливаюшъ на предмешы яркой, благошворной свѣшъ; показывая ихъ со всѣхъ сшоронъ и пришомъ ошдѣльно и посшепенно, онѣ умножаюшъ наше удовольсшвіе.—Разсшавьше въ каршинной галлереѣ образцовыя и посредсшвенныя произведенія живописи безъ порядка или въ порядкѣ превранномъ: какое впечашлѣніе произведушъ онѣ на зришелей? Смѣшенное, неопредѣленное, въ кошоромъ не могушъ они дашь себѣ ошчешу.

*Lucidus ordo* во всѣхъ швореніяхъ вкуса есшь необходимое правило. Съ какою шочносшію умѣлъ слѣдовашь ему Виргилій! Разсмошрише ходъ его Георгикъ: онъ вездѣ просшъ, нашураленъ, посшепененъ; Поэма начинаешся плугомъ оканчиваешся— смершію Эвридики и Орфея—шоржесшвомъ Поэзіи, едвали не единсшвеннымъ во всей древносши.

Non fumum ex fulgore, sed ex fumo dare lucem
Cogitat (1).

Расположеніе, сшройносшь и порядокъ предполагаюшъ не одну ясносшь и посшепенносшь; они шребуюшъ особеннаго искуссшва въ пере-

---

(1) Не дымъ изъ молніи—изъ дыму свѣшъ раждаешъ, перев. А. Ѳ. Мерзл.

ходахъ. Есть роды сочиненій, которые иногда отвергаютъ сіе требованіе. Горацій презрѣлъ его въ своей Піитикѣ; Лирикъ въ минуты пламеннаго восторга не переходитъ, но молніею перелетаетъ отъ предмета къ предмету. Писатель Догматической Поэмы не въ правѣ позволить себѣ такую смѣлость; основавъ твореніе свое на началахъ разума, онъ вездѣ обязанъ слѣдовать строгимъ его законамъ; воображеніе приходитъ на помощь только тамъ, гдѣ предметы сами призываютъ его; но и тогда Поэтъ — Дидактикъ, на минуту отторгнутый отъ своего предмета, посредствомъ щастливаго оборота нечувствительно обращается къ нему снова. Такъ Виргилій отъ описанія бѣдствій, обрушившихся надъ Римомъ по смерти Цезаря, умѣлъ воспользоваться представившимся ему обстоятельствомъ и — легкимъ, едва примѣтнымъ оттѣнкомъ, соединилъ отступленіе съ работами поселянъ.

*Scilicet et tempus veniet cum finibus illis*
Agricola, incurvo terram molitus aratro,
Exesa inveniet scabra rubigine pila, и проч. (1)

---

(1) Пріидутъ времена, когда поселянинъ
Облегтійся на плугъ, въ могилахъ сихъ долинъ
Покрыты ржавчиной мечи найдетъ и стрѣлы...

Вообще у Виргилія видно необыкновенное искуство въ переходахъ. Предыдущее съ послѣдующимъ большею частію соединенъ онъ союзомъ,. который занимаетъ очень мало мѣста, и между тѣмъ ускоряетъ ходъ и придаетъ движеніе слогу. Мы въ подобныхъ случаяхъ прибѣгаемъ къ оборотамъ не всегда щастливымъ.

Ut pictura Poësis.

Выше сказали мы, что въ Дидактической Поэзіи, какъ и въ Архитектурѣ, украшенія — есть необходимое требованіе вкуса относительно къ частной цѣли. Это одежда, прикрывающая наготу.

Дѣйствительно Дидактическая Поэзія, почти совершенно чуждая права — творить по образцу, предначертываемому воображеніемъ, не достигнетъ ни главнаго, ни частнаго назначенія, если не представится намъ въ одеждѣ очаровательной. Научая она не забываетъ доставлять намъ удовольствіе.

Omne tulit punctum, qui miscuit utile dulci,
Lectorem delectando, pariterque monendo (1).

---

(1) Пѣвецъ! будь совершенъ; смѣшай цвѣты и терны;
Полезенъ, сладокъ. знай учить и забавлять. Перев. А. Ѳ. Мерзлякова.

Мы съ большею жадностію слушаемъ уроки, если передаютъ ихъ уму нашему посредствомъ воображенія. Хотите ли вы Дидактическому творенію придать болѣе занимательности? Пусть каждый стихъ вашъ будетъ — или чувство, или мысль, или образъ, или картина; или музыка. Дѣйствуя на умъ и сердце въ одно и тоже время, вы поддержите вниманіе читателя и нечувствительно перельете въ душу его истины даже самыя отвлеченныя.

Così all' egro fanciul porgiamo aspersi
Di soave licor gli orli del vaso:
Succhi amari ingannato intanto ei beve,
E dall' inganno suo vita riceve (1).

Для большой части людей скука тягостнѣе невѣжества. Удовольствіе блеска, часто суетнаго предпочитаютъ они удовольствію мудрости, иногда пасмурной.

Omnia enim stolidi magis admirantur amantque,
Inversis quæ sub verbis latitantia cernunt:
Veraque constituunt, quæ belle tangere possunt
Aures, et lepido quæ sunt fucata sonore. Lucret (2).

---

(1) Такъ больному младенцу подносимъ мы сосудъ, умастивъ края сладкою влагою; обманутый—онъ пьетъ горькіе соки, и обманъ возвращаетъ ему жизнь.

(2) Есть люди, . . . . . . для которыхъ пріятная гармонія и блескъ замѣняютъ самую истину.

Чѣмъ менѣе предметъ занимателенъ по внутреннему основанію; тѣмъ болѣе требуетъ прелестей выраженія и постороннихъ украшеній. Къ первымъ относится слогъ со всѣми оттѣнками, описанія и отношенія или примѣненія; къ послѣднимъ Эпизоды. Первыя входятъ въ составъ всѣхъ Дидактическихъ сочиненій; послѣдніе преимущественно занимаютъ мѣсто въ Догматической Поэмѣ.

Периклесъ каждое утро просилъ въ молитвахъ у боговъ не мудрости блистательной, но прелести слова, дабы ни одинъ звукъ, излетѣвшій изъ устъ его, не оскорбилъ слуха Аѳинянъ. —

Есть случаи, въ которыхъ простое выраженіе чувствованія, безъ всякихъ украшеній, сильно дѣйствуетъ на сердце, потрясаетъ его и исторгаетъ у насъ слезы. — Слова Минина: «*Заложимъ женъ и дѣтей и выкупимъ отечество*», всегда останутся краснорѣчивыми и для насъ—его соотечественниковъ—и для всѣхъ, достойныхъ имѣть отечество. Но гдѣ нѣтъ краснорѣчія въ чувствованіи, поэзіи въ предметѣ; тамъ прелесть слова бываетъ важнѣе самой мудрости —

Ut pictura, poësis erit, quæ si propius stes,
Te capiat magis; et quædam, si longius abstes.
Hæc amat obscurum, volet hæc sub luce videri (1).

Слогъ прозаическій отъ піитическаго разграниченъ иногда одною чертою, иногда неизмѣримымъ пространствомъ. Первый есть точное выраженіе мыслей, послѣдній требуетъ особеннаго, весьма не многимъ извѣстнаго искусства — отливать привлекательныя формы и творить образы предметовъ всегда живые, движущіеся, смѣющіеся, игривые, очаровательные. Поэтъ — Геній умѣетъ все возвышать до самаго себя. — Въ глазахъ мудреца міръ и всѣ части онаго до самыхъ атомовъ — *велики*, до самыхъ пресмыкающихся — *прекрасны*; ибо входятъ въ составъ *цѣлаго — великаго, прекраснаго;* одно только развращенное сердце человѣка многое обезобразило во вселенной. Поэтъ Дидактикъ есть, въ нѣкоторомъ отношеніи, мудрецъ; но онъ говоритъ толпѣ, зараженной предразсудками, слѣдовательно долженъ соразмѣряться съ степенью ея понятій и чувствованій. Одни предметы представляетъ онъ въ полномъ свѣтѣ и со всѣхъ возможныхъ сторонъ,

(1) Стихи, какъ живопись: — одно изображенье
Плѣняетъ насъ вдали, другое въ приближенье;
Одно подъ тѣнь поставъ, умножь другому свѣтъ.

Перев. А. Ѳ. Мерзлякова.

на другіе набрасываетъ покровъ, болѣе или менѣе прозрачный, иные ставитъ въ тѣни, въ нѣкоторомъ отдаленіи и всегда по перспективѣ тонкаго взора и нѣжнаго вкуса.

Hæc amat obscurum; volet hæc sub luce videri.

Лукрецій изъ сновидѣній отрока составляетъ отвратительныя картины; Овидій съ намѣреніемъ ищетъ въ описываемыхъ имъ предметахъ такой стороны, отъ которой отражаются на сердце искры постыдныхъ желаній; нѣкоторые изъ новѣйшихъ писателей въ угожденіе толпѣ, живущей одною чувственностію, veluti pecora, quæ natura prona atque ventri obedientia finxit, представляютъ иногда изображенія, самыя оскорбительныя для цѣломудреннаго слуха и благороднаго вкуса. Виргилій, жившій въ вѣкѣ утонченнаго разврата, сохранилъ въ душѣ своей священный огнь Весты и согрѣлъ имъ свои творенія. Сверхъ сего онъ обладалъ неподражаемымъ искусствомъ — обыкновенныя и даже, по предразсудкамъ нашимъ, низкія вещи, облекать въ прелестные покровы, или передавать ихъ въ звукахъ музыкальныхъ. Глыбы, лежащія по браздамъ полей, принимаютъ у него истинный отблескъ Поэзіи.

Terræ
Pingue solum primis extemplo a mensibus
Fortes invertant tauri, glebasque jacentes
Pulverulenta coquat maturis solibus æstas.

Стручья на градахъ щепчутъ съ вѣтрами и пріятно льстятъ вашему слуху.

Tristisque lupini
Sustuleris fragiles calamos sylvamque sonantem.

Подъ кровами селянъ въ домашнихъ ихъ занятіяхъ въ ненастное время, или въ зимніе вечера, видите вы прелестныя Фламандскія картины:

Зимою по ночамъ въ уютномъ уголкѣ
Досужій селянинъ при тускломъ ночникѣ
Сидитъ, и факелы изъ красной точитъ ели;
Межь тѣмъ прелестная хозяйка у кудели
Поётъ—и долгій трудъ при пѣсняхъ не тяжелъ.

Хотите ли видѣть образецъ легкости, быстроты, движенія слога, и вы вездѣ найдете его у Мантуанскаго Поэта, особенно въ предметахъ, по дѣйствію своему требующихъ сихъ качествъ. Описываетъ ли онъ рысталище — и стихи его бѣгутъ, такъ сказать, ровнымъ шагомъ съ конями:

Jamque humiles, jamque elati sublime videntur
Aëra per vacuum ferri, atque assurgere in auras:
Nec mora, nec requies; at fulvæ nimbus arenæ
Tollitur (1).

---

(1) Напрягшись борзые, по долу прилегли,
То вдругъ подъемлясь вверьхъ на крыліяхъ Зефира,
Несутся въ пустотѣ бездоннаго эѳира,
И пышутъ и дрожатъ и съ ребръ клубится дымъ,
И облакомъ пескомъ взвивается златымъ.

Слогъ для Дидактика есть самый надежный якорь, безъ котораго не достигнетъ онъ желанной пристани. У Французовъ цѣлыя сотни Дидактическихъ Поэмъ претерпѣли безъ него кораблекрушеніе. У насъ Мессія, Плоды Наукъ и проч. извѣстны по одному только названію и притомъ весьма немногимъ.—Лукреціева Поэма *de rerum Natura*, странная въ своемъ основаніи— ибо излагаетъ нелѣпую систему Эпикура,— большею частію славы своей обязана слогу.

Древніе въ семъ отношеніи были щастливѣе новѣйшихъ. Сильный и нѣжный, гибкій и музыкальный языкъ ихъ удовлетворялъ всѣмъ требованіямъ писателя. Виргилій уступающій иногда обожателю Эпикуровой системы—въ силѣ, равняющійся въ живописи и превосходящій въ другихъ качествахъ слога, часто оставляетъ кисть, беретъ лиру и, такъ сказать, прислушиваясь къ дѣйствію описываемаго имъ предмета, заимствуетъ у него звуки и—отъ живыхъ струнъ разливается волшебная гармонія. Удивляясь дѣятельности пчелъ, онъ сравниваетъ ихъ съ Циклопами, кующими въ глубокихъ пещерахъ Этны молніеносныя стрѣлы и вы слышите удары млатовъ:

Illi inter sese magna vi brachia tollunt
In numerum, versantque tenaci forcipe ferrum (1).

(1) Тамъ раскаленную вращая сталь щипцами,
Съ могучаго плеча разъ—въ разъ бьютъ молотами.

Изображая бѣдственныя предзнаменованія, угрожавшія Риму по смерти Цезаря, потрясаетъ слухъ вашъ завываніемъ волковъ:

Altæ
Per noctem resonare lupis ululantibus urbes (1).

Описывая протоки, сводимые земледѣльцемъ съ темя горъ на жаждущія поля, онъ плѣняетъ васъ журчаніемъ струй, тихо перебирающихся чрезъ камни и песокъ.

Ecce supercilio clivosi tramitis undam
Elicit: illa cadens raucum per levia murmur
Saxa ciet, scatebrisque arentia temperat arva (2).

Удовлетворивъ чувствамъ эстетическимъ, онъ хочетъ, кажется, дѣйствовать на самое обоняніе, и слогъ его, если смѣю такъ выразиться, становится благоуханнымъ. Онъ переноситъ васъ къ любимому своему предмету, къ пчеламъ, занятымъ работою въ ульяхъ, и вы чувствуете ароматы, излетающіе изъ искрометныхъ сотовъ;

---

(1) И завыванія объятыхъ нощи мглою
Волковъ, проникли въ градъ . . . .

(2) . . . Онъ сводитъ съ темя горъ животворящій токъ:
Благотворитель нивъ чрезъ камни и песокъ
Перебираяся, журчитъ между браздами,
И тощія поитъ прохладными водами.

Fervet opus redolentque thymo fragrantia mella (1).

Сила, живопись, гармонія, легкость, живость, быстрота, движеніе смѣняя другъ друга, придаютъ Дидактической Поэмѣ прелесть разнообразія, вливаютъ въ нее душу и возвышаютъ тонъ ея до другихъ родовъ Поэзіи.

Rura mihi et rigui placeant in vallibus amnes;
Flumina amem sylvasque . . . .

«Ни гдѣ Природа не являлась мнѣ въ такой прелести, какъ въ Георгикахъ; никогда не восхищался я столько прелестію Георгикъ, какъ при сравненіи ихъ съ Природою», говоритъ Делиль.—И сею прелестію обязаны они точности картинъ, срисованныхъ съ Природы, или, что все равно, описаніямъ, на которыхъ любитъ отдыхать наше вниманіе и повѣрять ихъ съ подлинникомъ.

Достоинство Піитическихъ описаній зависитъ отъ выбора предметовъ, точки зрѣнія, благопріятной минуты, щастливыхъ противуположностей и наконецъ отъ тѣхъ отношеній, которые краснорѣчиво говорятъ нашему сердцу.

---

(1) Работа ихъ кипитъ—и медъ, горящій златомъ
Вкругъ дышетъ розовымъ и тминнымъ ароматомъ.

Природа для всѣхъ одна, но не для всѣхъ и не во всѣ времена одинакова. Древніе смотрѣли на нее въ отдаленіи, самомъ благопріятномъ для воображенія, и сквозь прозрачный, облекавшій ее покровъ; новѣйшіе разсматриваютъ ее вблизи и, такъ *сказать*, *вооруженными глазами*. Одни, описывая предметы, представляютъ взорамъ вашимъ живыя, смѣющіяся, привлекательныя картины и еще чаще статуи; другіе рисуютъ ландшафты и пейзажи часто мертвые. Самое прекрасное мѣстоположеніе безъ существъ живыхъ, особливо безъ человѣка не можетъ доставить намъ удовольствія продолжительнаго; мы хочемъ во всемъ и вездѣ видѣть самихъ себя. Древніе не любили Природы бездушной, и — воображеніе ихъ населило ее живыми существами. Въ ручьѣ видѣли они Наядъ; подъ корою древа билось для нихъ сердце Дріады; въ долинахъ сплетались въ хороводы Нимфы. Отъ сего-то описанія древнихъ всегда кратки и живы; имъ не нужно было искать безчисленныхъ оттѣнковъ для описываемаго предмета; имъ стоило только олицетворить его и читатель видѣлъ предъ собою дышущіе образы — spirantia signa. Прочтите Виргиліеву небесную Географію:

Hic vertex nobis semper sublimis и проч. (1)

---

(1) Надъ нами свѣшится небесъ лазурь бездонна и проч.

Предметъ, по видимому, не обѣщаетъ Поэзіи —

Ornari res ipsa negat; Manil.

но Стихотворецъ скрасилъ, оживилъ его существами Миѳологическими.

Миѳологія древнихъ была неистощимою сокровищницею для Поэтовъ. Многіе расточали богатства ея во вредъ своимъ твореніямъ. Виргилій, жаловавшійся на подобныя злоупотребленія: *omnia jam vulgata* — иногда разнообразилъ свои описанія щастливыми противуположностями: такъ изобразивъ Ливійское лѣто, онъ ставитъ подлѣ него картину Скиѳской зимы; иногда придаетъ предметамъ извѣстную степень чувствованій и страстей: такъ одушевленные виноградные побѣги, надежные на твердыя опоры и на собственныя силы, *дерзаютъ презирать* порывы вѣтровъ.

Кому неизвѣстенъ эскизъ его сада въ четвертой пѣсни, гдѣ кисть Поэта — живописца съ такимъ искусствомъ изобразила и *гордящійся кудрями акантъ* и *обнимающійся съ древами плющь*, и *задумчивый нарцисъ*? Кто не восхищался картиною Пожара виноградниковъ, и описаніемъ болѣзней животныхъ? Тамъ удивляетъ васъ необыкновенное движеніе слога и жизнь, дышущая во всѣхъ предметахъ; здѣсь выборъ обстоятельствъ самыхъ занимательныхъ и не-

подражаемое искусство—придавать животнымъ чувствованія и страсти человѣческія. Говоря о недугахъ, поразившихъ коня, любимца славы и тельца—сподвижника земледѣльцевъ, онъ самъ, кажется, растроганъ до слезъ.

Описаніе для воображенія Поэта есть камень преткновенія. Не всему должно придавать чувствованія и страсти, не все можно олицетворять.

Est modus in rebus, sunt certi denique fines (1),
Quos ultra citraque nequit consistere verum. Horat.

Часто прекрасное отъ безобразнаго, высокое отъ смѣшнаго разграничивается одною только чертою. *Дарвень* Англинскій Стихотворецъ, въ Поэмѣ своей *Любовь Растѣній* все оживилъ, все олицетворилъ, и—образы его не имѣютъ никакого дѣйствія; отношенія принужденныя, выисканныя превращаются въ смѣшное.

Non satis est pulchra esse poëmata, dulcia sunto. Hor. (2)

Развивая постепенно Теорію Догматическихъ твореній, мы приближились къ тѣмъ качествамъ, которыя болѣе всего придаютъ ей зани-

(1) Всему есть мѣра, все имѣетъ свои границы, и далѣ и ближе которыхъ совершенство изчезаетъ.

(2) Исправность въ правилахъ не дастъ еще вѣнца . . . .
*Лишь чувство насъ живитъ, лишь чувство правитъ нами.*
Перев. А. Ѳ. Мерзлякова.

мательности и истиннаго достоинства. Я говорю объ отношеніяхъ или примѣненіяхъ предметовъ къ человѣку и эпизодахъ.

Образы, картины, описанія, прелести слога со всѣми оттѣнками очаровываютъ воображеніе, но не оставляютъ въ немъ глубокихъ впечатлѣній; отношенія овладѣваютъ имъ и надолго оставляютъ въ немъ слѣды. Онѣ попеременно пробуждаютъ въ душѣ нашей воспоминанія, размышленія, желаніе, раскаяніе, движеніе радости, мечтательность, сострадание, умиленіе, энтузіазмъ,—словомъ всѣ чувствованія, которыя можетъ вдохнуть Природа и щастливо употребить Поэзія.—Такъ произведеніе Архитектуры является во всемъ блескѣ и доставляетъ двойное удовольствіе вкусу, когда при наружной отдѣлкѣ внутренность его украшена индѣ картинами, имѣющими *мѣстное отношеніе*, индѣ статуями въ приличныхъ мѣстахъ разставленными.

Кардиналъ Александръ Альбани, просвѣщенный любитель Искуствъ, желая украсить одну изъ залъ загороднаго своего дворца, велѣлъ изобразить въ ней различные предметы изъ Римской Исторіи съ примѣненіемъ ихъ къ сельской жизни и— въ сихъ Пейзажахъ представлены были: Сципіонъ Африканскій въ загород-

номъ домѣ въ ту самую минуту, когда нападаютъ на него разбойники и бросаются къ ногамъ его при одномъ словѣ побѣдителя Аннибалова; въ другомъ мѣстѣ—Консулъ и Ораторъ Квинтъ Гортензій, поливающій яворы сада своего близь Рима; тамъ Цицеронъ и Помпей у Лукулла на незванномъ обѣдѣ въ Аполлоновой залѣ; далѣе Виргилій, читающій Энеиду предъ Августомъ и Ливіею въ загородномъ ихъ дворцѣ и проч.

Подобныя примѣненія придаютъ Догматической Поэмѣ неизъяснимую прелесть; онѣ потрясаютъ струны сердца нашего всегда пріятнымъ образомъ, и пробуждая въ памяти цѣлый рядъ идей, расширяютъ сферу нашего удовольствія.

Animus quod perdidit, optat,
Atque in præterita se totus imagine versat (1).

Petronius.

Никто, кажется, лучше Виргилія не умѣлъ постигнуть тайны — посредствомъ отношеній въ одно и тоже время дѣйствовать на умъ и воображеніе. Совѣтуетъ ли онъ земледѣльцу

---

(1) Мы жалѣемъ о потеряхъ и любимъ въ мечтаніяхъ ожидать минувшее.

заниматься выборомъ сѣмянъ, обѣщающихъ надежный посѣвъ, щастливую жатву; и вы видите примѣненіе къ ходу міра Нравственнаго и Физическаго:

—Sic omnia fatis
In pejus ruere ac retro sublapsa referri (1).

Описываетъ ли зоны, разграничивающія небо, и—человѣкъ не забытъ:

Has inter mediamque duæ *mortalibus ægris*
Munere concessæ Divûm (2).

Говоритъ ли о тельцахъ—сподвижникахъ земледѣльца, о времени ихъ любви, ихъ трудовъ,—и вы слышите жалобу на скоротечность удовольствій человѣческихъ, на скучную старость, сопровождаемую болѣзнями:

Optima quæque dies miseris mortalibus ævi
Prima fugit: subeunt morbi tristisque senectus;
Et labor, et duræ rapit inclementia mortis (3).

---

(1) Всему здѣсь суждено — возвыситься, блеснуть,
И вновь къ ничтожеству пріять обратный путь.

(2) . . . И двѣ (зоны) гдѣ тихій свѣтъ и легкій мракъ не чужды;
*Гдѣ смертные живутъ и обѣ руку ихъ нужды.*

(3) Отъ жизни первые златые дни летятъ,
За ними по слѣдамъ болѣзни посѣтятъ,
И старость скучная, — и вѣстница Плутона
На берегъ насъ зоветъ печальный Ахерона.

Иногда оставляетъ онъ на предметахъ, имъ описываемыхъ, отпечатокъ доброты сердечной:

Когда болѣзней рой и тяжко бремя лѣтъ
Въ конѣ угаситъ огнь и силы больше нѣтъ;
Спокой его; *умѣй щадить почтенну старость.*

Иногда изъ наставленій, которыя преподаетъ онъ поселянину, вытекаютъ назидательные уроки для нравственной жизни всякаго человѣка. Совѣтуя пересаживать виноградныя лозы въ такомъ состояніи, въ какомъ росли онѣ на родной землѣ, онъ прибавляетъ:

Adeo in teneris consvescere multum est!
Привычки юности — основа цѣлой жизни.

Делиль, называющій себя ученикомъ Мантуанскаго Поэта въ своихъ *Садахъ* и другихъ Поэмахъ, *болѣе описательныхъ, нежели дидактическихъ*, хотѣлъ, по примѣру учителя своего, отношеніями скрасить свои творенія; но успѣхъ не всегда соотвѣтствовалъ его желаніямъ. Въ немъ истинное чувство часто замѣняется *сентиментальностію*, столь вредною для Поэзіи. Надобно имѣть всю нѣжность, всю чувствительность души Виргиліевой, въ которой человѣкъ и Природа отражались съ удвоенною прелестію; и тогда отношенія, пріятно

трогающія сердце, сами раждаться будутъ подъ перомъ писателя.

Varius Virgiliusque
Animæ quales neque candidiores
Terra tulit. Horat (1)

Любители *Прекраснаго* въ Искуствахъ и Нравственности ощущаютъ двойное удовольствіе при чтеніи Георгикъ: они плѣняются прелестными покровами предметовъ и еще болѣе — прекрасною душою Виргилія, которая отсвѣчивается отъ нихъ подобно тихому лунному сіянію, пробуждающему въ сердцѣ мечтателя кроткое чувство кроткой добродѣтели . . .

Sed fugit interea, fugit irreparabile tempus,
Singula dum circumvectamur (2).

Молнія блеснетъ и мгновенно изчезнетъ въ неизмѣримомъ пространствѣ эѳира, оставивъ по себѣ болѣе или менѣе глубокое впечатлѣніе въ душѣ нашей сообразно съ расположеніемъ ея. Вотъ дѣйствіе отношеній въ твореніяхъ Догматическихъ!

---

(1) Варій и Виргилій — рѣдкій образецъ
Дышущихъ добромъ сердецъ.

(2) Куда . . . . . . несется мысль крылата?
Часы бѣгутъ, летятъ и нѣтъ для нихъ возврата.

Правда, нѣжныя сердца помнятъ мѣста въ Виргиліевыхъ Георгикахъ, гдѣ Поэтъ говоритъ о своей милой Мантуѣ; онѣ погружаютъ читателя въ сладкую задумчивость, напоминая ему его собственную жизнь и ясную зарю молодости:

— Hoc est,
Vivere bis, vita posse priore frui; — Mart. (1)

но рожденные для наслажденій, почерпаемыхъ изъ источника Поэзіи, еще съ большимъ удовольствіемъ останавливаются на тѣхъ мѣстахъ, которыя испещрены цвѣтами береговъ Кастальскихъ:

— Là corre il mondo, ove più versi
Di sue dolcezze il lusinghier Parnasso (2).

Я говорю объ Эпизодахъ. Они въ твореніяхъ догматическихъ тоже, что въ Архитектурѣ разныхъ орденовъ колонны, которыя не поддерживаютъ, но украшаютъ зданія, придавая имъ видъ, — или величія, или нѣжности, или благородной простоты, сообразно съ предполагаемою цѣлію.

---

(1) Наслаждаться минувшимъ—значитъ—жить двойною жизнію.

(2) *Люди стремятся туда, гдѣ очаровательный Парнассъ болѣе расточаетъ прелестей своихъ.*

Эпизоды — собственно піитическая сторона Дидактики — размѣщенные по правиламъ тонкаго вкуса, вливаютъ въ твореніе душу и возвышаютъ тонъ ея иногда до вдохновенной Оды, иногда до Элегіи, дышущей кроткими чувствованіями сердца, иногда до самой Эпической Поэмы. Такъ Виргилій послѣ описанія игръ, забавляющихъ весною чернь Аѳинскую и Римскую, останавливается у жертвенника Ленеева, и исполненный благоговѣнія, взываетъ:

*Придите — воспоемъ*
*Отечественный гимнъ Подателю отрады!*

Въ другомъ мѣстѣ, въ изліяніи благородной души своей, въ полнотѣ сердца невиннаго, ищущаго прочныхъ благъ на лонѣ Природы, мечтаетъ о щастіи селъ:

O ubi campi,
Sperchiosque et virginibus bacchata Lacænis
Taygeta! o qui me gelidis in vallibus Hæmi
Sistat, et ingenti ramorum protegat umbrâ (1)?

---

(1) Гдѣ Сперхій? гдѣ Тайгетъ, во дни священныхъ Оргій
Въ сердца Спартанскихъ дѣвъ вливающій восторги?
О! кто на мшистый Гемъ меня перенесетъ,
И тѣни надъ главой прохладныя совьетъ? . . . .

Уроки о пчеловодствѣ оканчиваетъ онъ превосходнымъ, неподражаемымъ Эпизодомъ, въ которомъ видна волшебная кисть живописца Драматическаго и Эпическаго.

Эпизоды съ одной стороны служатъ отдохновенiемъ для разума, съ другой — практическимъ повторенiемъ уроковъ. Такъ Виргилiй послѣ описанiя трудовъ, которыхъ требуетъ обработыванiе полей, переноситъ насъ въ вѣкъ Сатурновъ, —

въ златыя времена,
Когда безпечныя народовъ племена
Путей среди лѣсовъ и горъ не пролагали
*И раломъ никогда полей не раздирали* (1),

потомъ къ возрожденiю Искуствъ,

Когда сдружилися сыны безпечной нѣги
Съ искусствомъ и трудомъ,

и невольно обращаетъ наше вниманiе къ первой бороздѣ, проведенной по безпечному полю неопытными волами, къ первой нивѣ, заструившейся на долинахъ, подернутыхъ прежде безплоднымъ тернiемъ.

Коснувшись садовъ и цвѣтниковъ, описываетъ завидную участь Корцирскаго старца, щастливаго малымъ своимъ огородомъ —

---

(1) Элег. Тиб. перев. Батюшк.

Regum æquabat opes animis — (1)

и заставляя забыть на минуту призраки суетной жизни, переноситъ воображенiе наше подъ кровы сельскiе, въ безмятежныя жилища дѣтей Природы.

Tantum de medio sumptis accedit honoris! . . .

Horat. ars Poët.

Не распространяюсь болѣе о правилахъ Догматической Поэмы; онѣ, смѣю сказать, всѣ содержатся въ Виргилiевой Поэмѣ, подобно рѣкамъ, соединеннымъ у чертоговъ Кирениныхъ въ общемъ водохранилищѣ: не почитаю нужнымъ говорить о достоинствѣ Георгикъ; оно опредѣлено учителями здраваго вкуса и утверждено вѣками.

— Molle atque facetum

Virgilio annuerunt gaudentes rure Camœnæ (2).

говоритъ Горацiй.

---

(1) Владѣнья бѣднаго богатыми дарами —

Некупленнымъ добромъ — равнялся онъ съ царями.

(1) Сельскiя Музы надѣлили Виргилiя и нѣжностiю вкуса и прелестiю слога.

Во всѣ времена заслуживали они особенное удивленіе не по одной только изящности слога, но и по важности, по благороднымъ политическимъ видамъ. — Древніе, по крайней мѣрѣ Греки и тѣ изъ Римскихъ писателей, которыхъ смѣло можно назвать истинными жрецами Аполлона, лучше насъ постигали назначеніе Поэзіи — Она нераздѣльна была у нихъ съ Религіею и Политикою, и содѣйствовала высокимъ ихъ намѣреніямъ. Для нихъ была она посредницею неба и земли, для насъ — переродилась въ своенравное дитя, часто дѣйствующее безъ цѣли, для одной суетности.

---

# ПОГРѢШНОСТИ

| Стр. | стихъ. | *Напечатано:* | *Читай:* |
| --- | --- | --- | --- |
| 91 | 3 | валится | клубится |
| 104 | 12 | мрачную | мрачну |
| 110 | 17 | извиспый, | извитый, |
| 147 | 3 | буривый, | бурливый, |

# ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

# ВИРГИЛІЕВЫ

# ГЕОРГИКИ.

## ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

Я славлю, Меценатъ, оратаевъ труды,
Подъ щастливой звѣздой отверстыя бразды
И вязъ, сдружившійся съ лозою винограда,
Надзоры табуновъ и воспитанье стада
И домовитыхъ пчелъ заботливый народъ.
Свѣтила красныя, въ безмѣрности высотъ
Водящія и дни и мѣсяцы, и годы
По вѣчнымъ чертежамъ вседвижущей Природы!
И ты, Царица нивъ, и ты, о Вакхъ младой!
Коль вашей къ смертному щедроты даръ благой -

И класы тучные въ поляхъ златогорящи,
И гроздною фіалъ амврозіей кипящій;
Вы, боги мирныхъ селъ, и вы, о Нимфы горъ!
Придите, сплетясь въ единый красный хоръ!
Вамъ пѣсни гласъ моей, о Фавны и Дріады!
И ты, предъ взорами соперницы Паллады,
Изведшій изъ земли божественнымъ жезломъ
Красиваго коня, надменнаго челомъ!
И ты, Зевеса дщерь, на холмы горделивы,
Мироносящія воззвавшая оливы!
И ты, Кирены сынъ, роскошный гость дубравъ,
О юный богъ! кому пасутся триста кравъ,
Снѣго-образною блестящихъ бѣлизною
На Цейскихъ берегахъ, ущедренныхъ травою;
И ты великій Панъ, священный стражъ овецъ!
Когда заботъ твоихъ начало и конецъ
Любимый твой Меналъ, сойди съ холмовъ Ликея
На скромный гласъ Пѣвца! и ты, о сынъ Целея!
Повѣрившій браздамъ впервые сѣмена;
И ты, на старчески пріявшій рамена

Печальну ваїю младаго кипариса —

Сильванъ — Ленея другъ — на зовъ мой улыбнися!

Вы, Силы горнія — весь сонмъ боговъ, богинь —

Лелѣятелей нивъ — питательницъ долинъ,

На землю жаждущу дождей сводящихъ токи, —

Приникните съ небесъ на подвигъ мой высокій!

И ты, котораго священный сонмъ боговъ

Въ предѣлы ждетъ свои — въ надзвѣздный край міровъ;

Кому безсмертными предызбраны селенья

Невѣдомыя намъ — земнаго чадамъ тлѣнья;

Отъ миртовъ матери украшенный вѣнцомъ,

Благоволишь ли быть градовъ и селъ отцомъ, —

И смертный божество почтитъ твое дарами,

Оратай воззоветъ къ тебѣ предъ алтарями;

Восхощешь ли пріять моря подъ свой покровъ, —

И взыдетъ предъ тебя молебный гласъ пловцовъ;

Тебѣ и Ѳулы сынъ въ краяхъ далекихъ свѣта

Колѣнопреклоненъ возноситъ дань обѣта;

Тебѣ и дщери длань, и волны всѣ морей —

Все царство влажное — предастъ Ѳетида съ ней.

Иль въ свѣтломъ образѣ созвѣздія младаго
Ты хощешь къ намъ блистать въ дни лѣта золотаго,
И гибки рамена сжимаетъ Скорпіонъ,
Да на горахъ небесъ воздвигнется твой тронъ.
Пускай у нѣжности Церериной отъята,
Забыла родшую для Тартара Геката;
Пускай Эллады сынъ возноситъ похвалой
Элизія поля, прохладу и покой, —
Твое владычество горѣ—не въ безднахъ Ада;
Тамъ ужасъ царствуетъ—ты чадъ земныхъ отрада.
О Цезарь! улыбнись на подвиги Пѣвца,
И путь мой озари веселіемъ лица,
Да мирный селянинъ въ избыткѣ восхищенья
Алтарь твой окропитъ слезою умиленья!...

Едва съ сѣдыхъ холмовъ сольется хладный токъ,
И глыбы разрѣшитъ весенній вѣтерокъ;
Пусть блещетъ на поляхъ браздой отерто рало,
И стонетъ подъ ярмомъ до ночи волъ усталой.
Претерпитъ ли земля, взоранная тобой,
Двукраты зимній хладъ, двукраты лѣтній зной, —

Пріятные плоды отъ нивы златордяной
Расторгнутъ житницы въ дни осени румяной.

Ввѣряешь ли браздамъ впервые сѣмена, —
Да будетъ для тебя нечуждою страна,
И вѣтровъ путь знакомъ, и неба измѣненья;
Какъ стертыя съ лица земнаго поколѣнья
Дружили съ плугами отечественный край,
И чѣмъ онъ ихъ дарилъ, заранѣ испытай . . .
Здѣсь легкій вѣтерокъ съ веселой шепчетъ нивой,
Тамъ зрѣетъ виноградъ, здѣсь макъ цвѣтетъ лѣнивой,
Тамъ пурпуромъ плодовъ красуются древа,
Здѣсь стелется ковромъ несѣянна трава,
Гангеса берега пылаютъ чистымъ златомъ,
На Тмолѣ дышетъ Эвръ шафраннымъ ароматомъ,
Аравіи сыны — безцѣнный ѳиміамъ,
Халивы — ярку сталь ввѣряютъ кораблямъ,
Эвксинъ бобровъ поитъ безчисленны станицы,
Въ Эпирѣ статныя родятся кобылицы.
Самой Природою начертанъ сей законъ
Отъ древнихъ міра дней, когда Девкаліонъ

Разсѣялъ камней градъ въ поляхъ осиротѣлыхъ,
Отколѣ смертныхъ родъ жестокихъ и дебелыхъ.

Долину, тучностью исполненну, весной
Предай на тяжкій трудъ воловъ четѣ младой,
Пусть глыбы влажныя изсякутъ зноемъ лѣта;
Песчано-зыбкій слой другаго ждетъ привѣта,
Надъ нимъ чуть легку длань съ тяжелымъ плугомъ свѣсь
Приникшему челомъ Аркасу отъ небесъ:
Или — тамъ плевелы надъ класами возстанутъ,
Здѣсь нивы тощія до времени увянутъ.

Пріявши дань съ полей, позволь имъ отдохнуть,
Двѣнадцать кратъ лунѣ свершившей въ небѣ путь,
Дай лону отвердѣть при нѣжущей ихъ лѣни;
Или открой его для новыхъ порожденій:
Гдѣ овощи въ строяхъ широкихъ грядъ росли,
Гдѣ стручья съ шопотомъ склонялися къ земли,
И къ стеблю чуждому ласкалась чечевица;
Тамъ златомъ пусть горитъ волнистая пшеница:
Но бойся повѣрять ее браздамъ полей,
Взлелѣявшимъ овесъ для пиршества коней,

Для нѣжныхъ тканей ленъ и сномъ дарящи маки, —
Къ признательной землѣ неблагодарны злаки,
Иль озимью смѣняй пригодно ихъ густой
И, не стыдясь, поля изсякшія, покрой
Избытками у стойлъ скопившагося ила, —
И въ нѣдрахъ новая прострется жизнь и сила,
И пепломъ насыти пріятымъ отъ горнилъ;
Но если грудь земли твой острый плугъ щадилъ;
Тогда безъ страха ей повѣрь младое сѣмя,
И плодъ сторицею воздастъ въ благое время.

Иные, пламенникъ надъ жатвою склонивъ,
Останки блѣдные горѣвшихъ злакомъ нивъ
Потокамъ предаютъ огней рдяно-багровымъ,
И землю тощую питаютъ сокомъ новымъ;
Или изъ нѣдръ ея паровъ исторгнувъ ядъ,
Амврозіей росы прохладною поятъ;
Или закрывъ пути въ отверсты прежде жилы,
Даютъ противъ стихій необоримы силы;
Тогда и дышущій морозами борей
И солнца острый лучь и дождь ничто для ней.

Постыдной лѣни врагъ — оратай домовитый
Раздранныя поля, рядами глыбъ покрыты,
Терзаетъ граблями и острой бороной;
Или съ терпѣніемъ надъ прежней бороздой
Проводитъ новыя неутомимымъ раломъ,
И, полный властелинъ въ своемъ удѣлѣ маломъ,
Къ покорности его желанной приучивъ,
Награды вѣрной ждетъ отъ рукъ Царицы нивъ.

Просите у боговъ, селяне домовиты!
Въ дни лѣтніе дождей на жатвы даровиты,
Зимою инеевъ, сребрящихся въ поляхъ;
Они питаютъ плодъ, сокрытый въ бороздахъ,
Они обиліемъ надъ Мизіею вѣютъ,
И злато на поля Гаргары тучной сѣютъ.

Любитель мирныхъ селъ въ трудахъ неутомимъ;
Разливъ по бороздамъ потокомъ дождевымъ
Златыя сѣмена — надежду жатвъ веселыхъ,
Онъ палицей дробитъ громады глыбъ дебелыхъ,
И отъ сокровищницъ сосѣдственной рѣки
Сзываетъ въ свой удѣлъ послушны ручейки;

Или, какъ блекнетъ все въ долинахъ испещренныхъ,
Въ полуденны часы лучами раскаленныхъ,
Онъ сводитъ съ темя горъ животворящій токъ;
Благотворитель нивъ чрезъ камни и песокъ
Перебираяся, журчитъ между браздами,
И тощія поитъ прохладными водами.
То нивы молодой, засѣвшей по браздамъ,
Избытки—предаетъ пасущимся стадамъ,
Чтобъ тучныхъ стебельковъ погибельная сила
Въ дни зрѣлости къ землѣ её не преклонила;
То жаждущимъ пескомъ засѣянны бразды
Дождливой осенью спасаетъ отъ воды.

Но можноль на земли ничтожнымъ чадамъ праха
Надеждѣ ввѣриться обманчивой безъ страха?
Къ чему труды селянъ, къ чему труды воловъ,
Когда и вредный злакъ и ближнихъ тѣнь лѣсовъ
И блатъ Стримонскихъ гость—журавль ненасытимый
Для поля мирнаго враги непримиримы?
Здѣсь новы суеты... Природы Властелинъ
На вѣчный трудъ обрекъ тебя, поселянинъ!

Царь неба и земли — Онъ самъ полей работы
У смертныхъ водворилъ и, пробудивъ заботы,
Изъ царства своего изгналъ позорну лѣнь;
Тогда возникъ искуствъ незаходимый день.
Дотоль невѣдомо воламъ дебелымъ рало,
Почившей въ праздности земли не раздирало,
Не знали смертные столповъ и рубежей,
Все было пополамъ, пріятое съ полей,
Роскошныхъ благами и нѣгою свободы.
Но щастье оцвѣло съ младенчествомъ Природы; —
Смиренныхъ агницъ вождь — трепещущій овенъ —
Алчбѣ сѣдыхъ волковъ корыстью обреченъ;
И жалы черныхъ змій изъ росъ испили яды,
Въ лазоревыхъ моряхъ воздвиглись волнъ громады,
Пріятный отъ небесъ въ горнилахъ огнь угасъ;
Самъ Дій съ печальныхъ древъ янтарный мёдъ отрясъ,
И рѣки изсушилъ, виномъ кропивши бреги;
Тогда сдружилися сыны безпечной нѣги
Съ искуствомъ и трудомъ, и въ потѣ и въ пыли
Воздѣланны поля, имъ снѣди извели;

Изъ горъ безжизненныхъ — изъ мертвой камня жилы
Изъятый огнь, возлегъ на хладныя горнилы;
Пловецъ повѣрилъ челнъ невѣрности морей,
Изчислилъ сонмы звѣздъ, измѣрилъ эмпирей;
Разставлены силки для жителей эѳирныхъ,
Раздался выжлятъ лай въ дубравахъ прежде мирныхъ;
На гибель воружась неосторожныхъ рыбъ,
Широки невода разсѣкли влажну зыбь,
На чуткихъ воротахъ затворы зазвенѣли,
Зубчатая пила раздрала крѣпки ели.
Чего не побѣдитъ неутомимый трудъ,
Когда и сердца скорбь и нужды насъ гнѣтутъ?
Уже священный лѣсъ Додоны молчаливой
Не насыщалъ дѣтей Природы сиротливой;
Тогда Церера къ нимъ простерла щедру длань, —
И плугъ изъ нѣдръ земли извелъ желанну дань.
Но блага новыя — и новыя заботы! . . .
Тамъ зыблетъ быстрый вѣтръ лѣнивые осоты,
Тамъ куколей шумитъ и травъ безплодныхъ лѣсъ,
Тамъ чужду влагу пьётъ завистливый овесъ,

Тамъ класы ржавчина снѣдаетъ золотые,
Тамъ дружный тернъ сковалъ плоды полей младые. . .
Мужайся, другъ труда! ты царь послушныхъ селъ:
То съ граблями знакомь родительскій удѣлъ,
То вѣтви отрѣшай, ліющи мракъ на нивы,
То бранью вооружись на стаи птицъ лѣнивы,
И жертвой чти боговъ—подателей дождей;
Или на золото сосѣдственныхъ полей
Вотще завистный взоръ прострешь въ мученьяхъ глада,
Тогда дубравный плодъ — одна тебѣ отрада.

Но дорогъ каждый мигъ—вниманье обратимъ
Къ орудіямъ селянъ—къ доспѣхамъ полевымъ.
Прими отъ дебрей въ дань для рала вязъ надменный,
Отъ горна сошники, искусствомъ изощренны,
Грохочущій лотокъ изъ липы изсѣки,
Изъ дуба изведи скрыпучіе возки,
Щебещущи цѣпы и грабли говорливы;
Кошницы соплети изъ лозъ покорной ивы.

Ты ищешь вѣрныхъ благъ подъ кровомъ сельскихъ Ларъ?
Почти доспѣхи сѣлъ—они Цереры даръ.

Избравши вязъ прямой въ тѣни лѣсовъ зеленой,
На корнѣ юному дай рала видъ согбенной,
Ни силы не щади, ни крѣпости руки;
Внизу отъ двухъ сторонъ пристроивъ сошники,
Простершіеся вверьхъ широкими краями,
Высоку жердь, осьмь кратъ измѣренну стопами,
На темѣ укрѣпи опорой для воловъ.
Заботливый зоветъ заранѣ изъ лѣсовъ
И липу для ярма и букъ свѣтло-бѣлесый,
У плуга назади вращающій колесы,
И взноситъ ихъ на кровъ, гдѣ вьется зизый дымъ.

Есть тысящи другихъ заботъ, издревлѣ имъ
Безцѣнные часы посвящены досуга;
Почтенье къ нимъ! — они полей достойны друга.
Неповоротливый изъ края въ край катокъ
Вращая, уровняй для нивъ созрѣвшихъ токъ,
И вяжущимъ его напой растворомъ мѣла,
Чтобъ рухлая земли поверхность отвердѣла;
Или въ разсѣлинахъ и травы прорастутъ,
И жадный рой червей найдетъ себѣ пріютъ,

И чуждый свѣта кротъ построитъ новоселье,
И мышь совьетъ гнѣздо въ покойномъ подземельѣ,
И житницы и домъ заложитъ муравей,
Провидящій недугъ и нужды хилыхъ дней.

Едва дохнетъ Зефиръ—весны благовѣститель —
И, нивъ, засѣянныхъ надеждою, блюститель,
Къ орѣшинѣ склони вниманіе очей;
Смотри, когда цвѣтовъ обласкана семьей,
Нагнулась, и окрестъ благоуханьемъ вѣетъ, —
Въ плодахъ пророчицы надежда поля зрѣетъ;
Но если тучный листъ кругомъ ее облёкъ, —
Соломой тощею устелешь въ осень токъ.

Иные съ овощей обманчивы покровы
Отъявъ, и силу имъ и жизнь давали новы,
Съ зародышемъ плодовъ въ сосудахъ подруживъ
Селитру бѣлую и черный сокъ оливъ,
Бывали сѣмена, заботливое око
Хранило ихъ—и чтожь? измѣною жестокой
Неблагодарныя платили за труды;
Перёродясь, они не обѣщаютъ мзды;

Но если ждешь ее, отличныя добротой
Погодю отдѣляй съ удвоенной заботой. . .
Всему здѣсь суждено — возвыситься — блеснуть,
И вновь къ ничтожеству пріять обратный путь.
Такъ въ легкомъ челнокѣ весломъ вооруженной
Пловецъ, сражается съ волною раздраженной;
Еще надежда съ нимъ, и берегъ недалёкъ, —
Ослабилъ длань — и въ хлябь умчалъ его потокъ.

Умѣй читать горѣ, гдѣ блещётъ Амалтея
И чада вкругъ нее младыхъ снѣговъ бѣлѣя;
Сіяетъ искрами Драконъ въ полночной часъ,
И смотрится въ водахъ нахмуренной Аркасъ;
Созвѣздія вожди селянамъ неизмѣнны,
Какъ опытнымъ пловцамъ чрезъ воды разъяренны —
Чрезъ бурный Геллеспонтъ — летящимъ въ край отцовъ.
Когда съ явленіемъ Астреиныхъ вѣсовъ
И бдѣнье и покой и свѣтъ и мрачны тѣни
Раздѣлятъ пополамъ часы своихъ владѣній;
Оратай! подстрекай недремлющей рукой
Дебелаго вола надъ зыбкой бороздой;

Разсыпь по ней дождемъ ячмень и лёнъ янтарный
И сномъ дарящій макъ — къ землѣ неблагодарный;
Спѣши, доколь еще ненастіе вдали,
Доколѣ нѣдръ оно не охладитъ земли,
И кротко тучи спятъ, нависши надъ главою.
Бобы грядамъ повѣрь съ ожившею весною.
Когдажъ въ сіяніи лилейной бѣлизны
Телецъ, блеснувъ челомъ съ заоблачной страны,
Злато-горящими откроетъ годъ рогами,
И Сиріусъ предъ нимъ съ палящими огнями
Падетъ, — и — на поляхъ любиму снѣдь коней —
Сподвижниковъ труда — трилиственникъ разсѣй;
И просомъ одожди хребетъ земли взоранный.
Плѣняетъ ли твой взоръ пшеницы плодъ избранный
И класовъ золото — сокровище селянъ; —
Доколѣ не сойдутъ Плеады въ океанъ,
И радужный вѣнецъ любовницы Тезея
Горѣ не возблеститъ, отъ солнца пламенѣя, —
Твой день не наступилъ, — надежды годовой
Землѣ не повѣряй насильственной рукой.

Иные сѣяли, Природу упреждая,
Когда на небесахъ еще блистала Мая; —
И класы тощіе имъ дань отъ нивъ была.
Пріемлютъ ли твои послушныя поля
Приманчивый горохъ и дружну чечевицу;
Пожди, доколь Аркасъ угрюмую зѣницу
Сквозь мглу осеннюю простретъ на дольній край;
Тогда безъ трепета браздамъ её ввѣряй.

Двунадесять свѣтилъ, покорныхъ волѣ Феба
Владѣютъ въ глубинахъ измѣреннаго неба.
Облегшія кругомъ боговъ надзвѣздный градъ
Алмазны поясы въ пяти грядахъ лежатъ:
Единая огнемъ отъ солнца вѣчнымъ рдѣетъ,
И въ день раскалена и въ полночь не хладѣетъ;
И двѣ, гдѣ міра ось концами возлегла,
Сковалъ лазурный ледъ, одѣла тучей мгла;
И двѣ, гдѣ тихій свѣтъ и легкій мракъ не чужды,
Гдѣ смертные живутъ и объ руку ихъ нужды;
Горѣ искривленной вращается стезёй
По манію вождя созвѣздій свѣтлый строй.

Къ предѣламъ Скиѳіи, къ кремнистому Рифею
Громады гордыхъ горъ простерлись надъ землею;
Ливійскую страну, кипящую пескомъ,
Равнины облежатъ смиренныя кругомъ;
Надъ нами свѣтится небесъ лазурь бездонна;
Тамъ—низу—черный Стиксъ—такъ царство тьмы и стона;
На Сѣверѣ Драконъ — стражъ древній Гесперидъ, —
Потокомъ огневымъ Калисту облежитъ
И сына горестной — бѣгущихъ океана;
Тамъ — гласъ твердитъ молвы — на Югѣ — бездыханна
И безразсвѣтна нощь, надъ ней безбрежна тѣнь;
Иль Фебъ отъ насъ туда оцвѣтшій сводитъ день;
Когда жь Аврора здѣсь въ вѣнцѣ встаетъ перловомъ,
Тамъ Гесперъ заблеститъ на западѣ багровомъ.

Не тщетно вопрошать ты будешь, земледѣлъ!
Очами зоркими заоблачный предѣлъ
И звѣздъ бродящихъ сонмъ; они укажутъ время,
Когда ввѣрять землѣ надежду жатвы — сѣмя,
И веслами дробить валы морскихъ пучинъ,
И сосны гордыя съ любимыхъ имъ вершинъ

Могучими сводитъ ко брегу раменами,
И годы измѣрять научатъ временами....

Ліется ль хладный дождь, — и добрый земледѣлъ
Подъ кровомъ — близъ жены — не бѣгаетъ отъ дѣлъ;
Не тратя ясныхъ дней на сельскіе доспѣхи,
Онъ ихъ въ ненастіе готовитъ безъ помѣхи,
И снаряжаетъ бытъ, когда ему досугъ:
То косу точитъ онъ, то отбиваетъ плугъ,
То липу мягкую долбитъ на легки челны,
То мѣтитъ онъ стада и закромъ хлѣба полный,
То коши ёмкія плететъ изъ гибкихъ ивъ,
То мелитъ въ жерновахъ плоды богатыхъ нивъ,
То вилы онъ остритъ, то колья на ограду,
То лозы для опоръ готовитъ къ винограду.

Есть много для селянъ другихъ работъ — они
Не возбраняются и въ праздничные дни;
Какіе смертнаго или боговъ уставы
Силки имъ запретятъ развѣшивать лукавы,
И къ жаждущимъ браздамъ прокапывать ручьи,
И земли обводить оградами свои,

На полѣ новомъ жечь кусты лѣсовъ терновыхъ,
И блѣющихъ стада въ струяхъ купать здоровыхъ?
Тогда навьючившій лѣнивaго осла
Досужій селянинъ исходитъ изъ села
Съ плодами дикихъ грушь, съ избытками елея
И съ сыромъ лакомымъ — младыхъ снѣговъ бѣлѣя;
Въ замѣнъ изъ города для мельницы своей
Привозитъ жернова и смолу для осей.
Луна свершая путь по небу горделиво
Выводитъ день за днемъ то скорбной, то щастливой;
За нею пятый въ слѣдъ враждебный для трудовъ
Течетъ — се день, когда для трепета боговъ
Родился блѣдный Оркъ и, вѣчный ужасъ ада,
Угрюмы Фуріи, и вы, Титана чада!
Гіасъ и Бріарей, возникли отъ земли,
И въ дерзкихъ замыслахъ вселенну потрясли,
Трикраты Пеліонъ и Оссу возносили
На сѣнолиственный Олимпъ — но средь усилій
Трикраты богъ боговъ карающую длань
Простеръ — и горы въ прахъ, и смолкла въ громахъ брань.

Въ десятый день вола, отъятаго отъ стада
Покорности учи, и лозы винограда
Безъ страха вверь землѣ и льняну ткань станамъ;
Девятый къ чуждымъ путь пріявшему странамъ
Щастливъ, — но возстаетъ для хищниковъ съ бѣдою.

Пусть идетъ все въ трудахъ извѣстною чредою:
Однимъ опредѣли передразсвѣтный часъ,
Другимъ, какъ въ сумракѣ зарница занялась;
Въ *ночи* отраднѣе и класы жать росисты,
И травы принимать на косу шелковисты.
Зимою по ночамъ въ уютномъ уголкѣ
Досужій селянинъ при тускломъ ночникѣ
*Сидитъ,* и факелы изъ красной точитъ ели,
Межъ тѣмъ прелестная хозяйка у кудели
Поетъ — и долгій трудъ при пѣсняхъ не тяжелъ,
*Или варитъ* въ котлѣ изъ сотовъ добрыхъ пчелъ
Напитокъ лакомый на пиршество завѣтно,
И зимни вечера уходятъ непримѣтно.

Въ дни лѣтніе блестятъ надъ нивою серпы,
И скачутъ *по снопамъ тяжелые* цѣпы;

Работамъ полевымъ златое время года,
Зимою отъ трудовъ оратаю свобода.
Тогда, заботы чуждъ, подъ томнымъ свистомъ вьюгъ,
На пиршество созвавъ друзей радушный кругъ,
Домашнее вино цѣдитъ въ бокалы полны.
Такъ путники морей, преплывъ далеки волны,
На мирномъ берегу отеческой земли
Цвѣтами радости вѣнчаютъ корабли.
Тогда, досугу радъ, хозяинъ хлопотливый
Струящійся елей изводитъ изъ оливы,
Пріемлетъ въ дань плоды отъ миртовъ молодыхъ,
Отъ лавра гордаго и дубовъ вѣковыхъ,
Покроетъ ли мятель сугробами поляны,
И мразы наведутъ мосты на рѣку льдяны:
То ставитъ онъ силки и сѣти журавлямъ,
То съ пращею бѣжитъ за серной по полямъ,
То зайцамъ рыщетъ въ слѣдъ по утренней порошѣ,
И радостный къ женѣ идетъ съ тяжелой ношей,

Но зимнею порой свободнаго отъ дѣлъ
Какой ждетъ осенью оратая удѣлъ,

Когда и красный холмъ и роща обнажится,
И ранѣе на нихъ ночная тѣнь ложится;
Иль влажною весной, какъ нива, молокомъ
Упитанна младымъ, играетъ съ вѣтеркомъ?
И часто, какъ жнецы надъ жатвою знакомой
Вязали хрупкою сухой ячмень соломой —
Въ дни лѣта, я видалъ бунтъ вѣтровъ роковой;
Они погибельной промчавшися грядой,
Созрѣвши нивъ плоды съ корнями исторгали;
Спираясь вихрями, по воздуху летали
И класы тощіе и легкій стебелёкъ.

Порой нисходитъ водъ неизмѣримый токъ,
Тогда опираяся подъ сводомъ тучи горнимъ,
Вращаютъ сонмы бурь, чреватыхъ ливнемъ чёрнымъ . . .
Все тихо, воздремалъ предустрашенный міръ . . .
Но вдругъ вспылалъ — упалъ обрушенный эѳиръ,
И, хлынувъ дождь, труды воловъ и нивы злато
Пожралъ, и наводнилъ изсякнувшее блато;
Въ высокихъ берегахъ безмолвныхъ прежде рѣкъ
Со стономъ грозный полкъ растущихъ водъ протекъ,

Кипящій воетъ понтъ подъ пѣною летучей.
Самъ Дій, облекшійся чернобагровой тучей
Горящей вержетъ громъ десной . . . земля дрожитъ,
Объятый ужасомъ пустынный звѣрь бѣжитъ
И — сердце смертнаго боязнью потряслося . . .
ОНЪ молнію на высь Родона и Атоса
Послетъ—ихъ гордость—въ прахъ и дождь густой съ небе
И воютъ берега и стонетъ дальній лѣсъ.
На нивахъ ищущій и славы и возмѣздій
Заранѣ наблюдать учись пути созвѣздій,
Сатурна хладнаго кругообразный слѣдъ
И сына Маина непостоянный свѣтъ.
Но первый сердца долгъ — въ восторгѣ умиленья
Блюстителямъ полей обѣты и моленья!
Повѣявшей веснѣ, на дерновый алтарь
Неси Царицѣ нивъ благоговѣнья даръ:
Тогда краснѣе боръ, душистѣе долины,
Тогда тучнѣй овны и ароматнѣй вины;
Тогда пусть юношей и дѣвъ игривый рой
Церерѣ принесетъ моленіе благой.

Ты самъ богинѣ въ честь рукою благодарной
Кипящее вино и медъ струей янтарной
И тучное млеко на жертвенникъ излей;
Пусть жертва радостна вокругъ твоихъ полей
Трикраты обойдетъ съ благовѣстящимъ взоромъ,
И юноши за ней и дѣвы стройнымъ хоромъ,
Благоговѣйный гимнъ богинѣ воспоютъ,
Но минетъ блескъ весны и лѣта дни придутъ;—
Ты вновь, доколь къ серпамъ не преклонялись класы,
Вели молебные вознесть Церерѣ гласы
И дубами вѣнчать зелеными главы,
И въ пляскѣ сельской мять шелковый пухъ травы.

Луна, свершая путь въ воздушномъ океанѣ,
И вѣдро и дожди пророчитъ намъ заранѣ
И вѣтры, по своимъ ведущіе слѣдамъ
Убійственный морозъ; тогда пастухъ стадамъ
Указываетъ путь подъ кровы безмятежны.
Готовъ ли Эвръ возстать и — бури неизбѣжны,—
Вздымаются валы на пѣнистыхъ моряхъ,
И вторитъ гулъ глухой въ отзывныхъ берегахъ.

И томный слышенъ шумъ и стонъ на высяхъ горныхъ;
И вздрогнувши листы въ дубравахъ шепчутъ чёрныхъ;
На быстромъ кораблѣ пловца погибель ждётъ,
Когда станицами нырки, слетая съ водъ,
При кликахъ радости на мирный брегъ садятся,
И птицы волнъ морскихъ у пристани стадятся,
И блатъ пернатыя, изшедъ изъ камышей,
Крылами шумными пронзаютъ эмпирей,
И въ страхѣ съ чадами забыты ими гнѣзды.

Порой предтечи бурь — огнегорящи звѣзды
Съ небесной высоты свергаются стрѣлой,
За ними длинною простершись полосой
Во мракѣ ночи слѣдъ бѣлѣетъ искрометной;
Порою вѣтерокъ подъемлясь перелетной,
По воздуху кружитъ солому и листки,
Иль въ вихрѣ носитъ пухъ надъ зеркаломъ рѣки.
Но если молнія на сѣверѣ віется,
И грома гулъ глухой по небу разольется;
Тогда глубоки рвы наполнятся дождемъ,
Внимательный пловецъ надъ шаткимъ кораблемъ

Преклонитъ и совьетъ увлаженно вѣтрило,
И — прозорливому не будетъ хлябь могилой.
Нависнувшимъ дождямъ, высоко отъ земли
Станицей дружною несутся журавли,
Склоняся на хребты загнутыми рогами,
Волы вбираютъ вѣтръ широкими ноздрями,
И рѣетъ ласточка надъ токомъ тихихъ водъ,
Нагнувшись радуга надъ моремъ, влагу пьётъ
И древніе враги отчаянной Латоны
Унылымъ берегамъ переливаютъ стоны,
Прилѣжный муравей пробитою тропой
Торопится носить запасы въ закромъ свой,
Слетая враны съ пастьбъ великими полками,
Дробятъ ѳеира зыбь и сѣютъ шумъ крылами.

Смотри, какъ стаи птицъ Каистровыхъ луговъ,
Богатой Азіи, приморскихъ береговъ
То въ волны острыми ввергаются носами,
То пухъ раменъ кропятъ жемчужными росами,
То въ глубь знакомую ныряетъ рѣзвыхъ строй. . .
Какъ весело тогда плескаться имъ водой!

Далеко отъ подругъ — мрачна — уединённа,
Расхаживаетъ вдоль по берегу ворона,
И полнымъ голосомъ на землю дождь зовётъ,
Въ вечерній дѣва часъ, оставивъ хороводъ,
Жужжаще веретено у пряслицы вращаетъ,
Тогда ненастіе ночникъ ей предвѣщаетъ:
То, вспыхнувъ, затрещитъ горящій въ немъ елей,
То стихнетъ вдругъ, и свѣтъ — тусклѣе и тусклѣй.

Кто стройный ходъ постигъ таинственной Природы,
Провидитъ и въ дождяхъ дни красные погоды;
Тогда пространныя обляжетъ небеса
Горящихъ ярко звѣздъ лилейна полоса,
Возставшая Луна за тучами не дремлетъ,
И свѣтлости лучей у брата не заемлетъ,
Подъ сводами небесъ въ дыханьи вѣтерка
Рунообразныя не ходятъ облака,
Подруга Цеикса трепещущія крыла
На солнце не простретъ, животное — другъ ила —
Не треплетъ съ визгами развязанныхъ сноповъ,
Туманы облекутъ безмолвный рядъ холмовъ,

И пѣсни въ сумракѣ надъ кровлею печальной
Зловѣщая сова не вторитъ погребальной,
И Низосъ горестный, несущій месть за ковъ—
За локонъ роковой пурпуровыхъ власовъ,
Высоко носится по влажному эѳиру,
И Сциллѣ рѣетъ въ слѣдъ, и нѣтъ у кровныхъ миру,
Трепещущая дщерь искривленной стезей
Несется отъ врага, неистовый за ней,
И слышенъ шумъ, — она, собравъ послѣдни силы,
Летитъ — и робкую спасаютъ легки крилы.

Веселостію дней грядущей обаянъ
Трикраты каркаетъ протяжнымъ гласомъ вранъ,
И, часто радостью объятъ непостижимой,
Надъ колыбелію взвивается любимой,
Бьетъ крыльями листы гостепріимныхъ древъ;
Пріятно для него, когда замолкнетъ ревъ
Погибельной грозы и воющіе громы,
Увидѣть милыхъ чадъ, увидѣть кровъ знакомый.
Не духъ пророчества въ вѣщателѣ живетъ,
Не свыше даръ ему предвѣденія, нѣтъ!

Но хлада и тепла и влаги измѣненье,
Зефира вѣянье и Эвра дуновенье,
Порою разрѣдятъ воздушный океанъ,
Порою дымчатый прострутъ надъ нимъ туманъ;
Оттолѣ существа, — живая часть вселенной —
Мѣняются въ душѣ съ ѳирною измѣной,
Оттоль пернатыхъ пѣснь въ дубравахъ и садахъ,
Оттолѣ по лугамъ веселіе въ стадахъ,
Оттолѣ тигра ревъ и вои волка дики
И врана чернаго торжественные крики.

Ни быстрый солнца бѣгъ, ни скромный ходъ луны
Въ заоблачныхъ путяхъ безмѣрной глубины
Вниманья зоркаго погодой не обманетъ.
Пусть ночи тихій свѣтъ на дольній міръ проглянетъ,
Но если Цинтію въ сіяніи младомъ
Одѣнутъ облака сгущенныя кругомъ;
Тогда надъ сушею и зеркальной водою
Прольется черный дождь широкою грядою;
Пылаетъ ли у ней отъ дѣвственныхъ ланитъ
Румяный цвѣтъ — и Эвръ на утро возшумитъ.

Обляжетъ ли ее въ четвертый день восхода
Сребристый свѣтъ, — и дня грядущаго погода
Разсыплетъ яркій блескъ играющихъ лучей,
И вмѣстѣ оцвѣтетъ съ сопутницей ночей;
Воздремлетъ въ небѣ громъ и бури притаятся,
Спасенные пловцы въ восторгѣ прослезятся
У мирной пристани, и кончивъ долгій путь,
Поборникамъ — богамъ обѣты воздадутъ.
И солнце, исходя изъ ранняго тумана,
И погребаяся въ пучинахъ океана,
Пророчитъ близкихъ дней веселіе и мракъ;
Подъемлетъ ли оно изъ облакъ мутныхъ зракъ,
Покрытый пятнами и вполы обнаженный, —
На утро Эвръ и Нотъ возстанетъ дерзновенный,
И блеющимъ стадамъ и нивамъ золотымъ
И виноградникамъ погибельный младымъ.
Когда лучи его у западнаго края
Сгущенны облака безплодно раздирая,
Бросаютъ въ дольній міръ едва примѣтный свѣтъ,
Или съ шафраннаго Аврора возстаетъ

Титонова одра — блѣдна — унылы взоры —
Увы! тогда вотще для гроздій всѣ опоры;
По кровлямъ застучитъ — заскачетъ крупный градъ
И запустѣнья день придетъ на вертоградъ.

Вниманье къ солнцу всё, когда въ странахъ эѳира
Кончая путь, къ краямъ течетъ подземнымъ міра!
Смотри — горящія чела его черты
Пріемлютъ временемъ тьмочисленны цвѣты,
Предвѣстники дождей — бродящіе лазури,
Огнебагровый цвѣтъ пророчитъ грозны бури;
Сольетсяль съ голубымъ — и вѣтръ и токъ дождей
Съ опустошеніемъ промчится надъ землей:
Тогда во мглѣ ночей не ввѣрюсь океану,
И вервій отрѣшать отъ берега не стану;
Горитъ ли чистый свѣтъ съ десницей молодой,
Иль въ часъ, какъ блескъ его мерцаетъ за горой, —
И утру ясному уступятъ мраки нощи,
И свѣтлый Аквилонъ жемчуги свѣетъ съ рощи.

Отколѣ тучи Эвръ безводныя ведётъ,
Что Гесперъ огневый, что влажный мыслитъ Нотъ,

Великій вождь свѣтилъ откроетъ вамъ, селяне!
Кто Солнце обличитъ всезрящее въ обманѣ?
Растущи мятежи, кровавый зракъ войны
И тайны замыслы предъ нимъ обнажены.
По смерти Цезаря во знаменіи зримомъ
Оно съ отчаяннымъ дѣлило скорби Римомъ.
Тогда сіяніе горящаго чела
Черно — багровая завѣса облекла,
И нечестивый вѣкъ ждалъ непробудной нощи.
Тогда и ревъ морей и шепчущія рощи
И вѣщихъ стаи птицъ и завыванья псовъ
Пророчили бѣды за царственную кровь.
Коль кратны зрѣли мы, какъ пещь расторгшись Этны
Огнистые шары и камни искрометны
Клокочущимъ столпомъ вращала на поля!
Со страхомъ Германа безстрашная земля
Горѣ внимала трескъ кроваваго метталла,
И Альповъ высота надменныхъ трепетала;
И гласъ безмолвныя дубравы оттекалъ
Великій, въ сумракѣ сквозь тонку мглу мелькалъ

Призраковъ блѣдный полкъ, и —къ ужасу Природы—
Разверзлася земля, остановились воды
И звѣри прорекли . . . и, страждуща о насъ,
Во храмахъ скорбна мѣдь слезами залилась,
И мраморны боговъ покрылись потомъ лики;
Кипящій Эриданъ—владыка рѣкъ великій—
Вращая шумныхъ водъ необозримый валъ,
Безпечныя стада со стойлами пожралъ
И нивы юныя и дебри вѣковыя,
И землю всѣ бѣды постигли роковыя! . . .
Тогда вотще искалъ дрожащій взоръ жрецовъ
Небесной благости во внутреннихъ тельцовъ;
Не воду кладези—точили кровь струёю,
И завыванія, объятыхъ нощи мглою
Волцовъ, проникли въ градъ, по стогнамъ разлились;
Подъ небомъ молніи безоблачнымъ вились,
И страхомъ сонмъ кометъ горѣ сверкалъ брадатый.

Увы! еще не спятъ несытые булаты!
Еще лить кровныхъ кровь не утомилась длань!
Еще Ѳракіи брегъ узрѣлъ Квиритовъ брань!

Вторицей рокъ судилъ, да крови нашей токи
Долины утучнятъ Эмаціи широки!
Пріидутъ времена, когда поселянинъ
Облегшійся на плугъ, въ могилахъ сихъ долинъ
Покрыты ржавчиной мечи найдетъ и стрѣлы,
И грабли застучатъ о шлемы опустѣлы,
И, гробы древни срывъ, великихъ холмъ костей
Увидитъ съ ужасомъ недвижимыхъ очей.

Поборники Римлянъ — отеческіе Боги,
Ты, Веста, царственны хранящая чертоги!
И ты, Квиринъ, во дни погибельныхъ времянъ
Блюдите Цезаря для щастья согражданъ!
Еще ли кровію, средь нашихъ стогнъ пролитой,
Лаомедоново нечестіе не смыто?
Нѣтъ! съ завистью Олимпъ взираетъ къ намъ съ высотъ,
Доколь нечуждъ твоихъ, о Цезарь нашъ! заботъ
Растлѣнный міръ, во злѣ погрязнувшій глубокомъ,
Гдѣ спитъ законъ, гдѣ честь смѣшалася съ порокомъ,
И преступленія безстыдное чело
Въ оттѣнкахъ доблестей всѣ виды приняло . . .

Селяне изгнаны, осиротѣли кущи,

Безъ славы дремлетъ плугъ, на полѣ тернъ и плющи,

И стонутъ стаи совъ вкругъ мертвыхъ селъ въ ночи,

Зубчатые серпы разкованы въ мечи;

Тамъ Пароы возстаютъ, тамъ Германовы чады,

Тамъ, узы разорвавъ, сосѣдственные грады

На родину мою несутъ оружій страхъ,

Свирѣпствуетъ Арей во всѣхъ земли концахъ.

Такъ кони бурные шумящей колесницы

Исторгшись изъ забралъ по манію десницы

Летятъ — и окрылясь кипящимъ жаромъ силъ,

Не слушаютъ вождя, не чувствуютъ удилъ.

---

# ПѢСНЬ ВТОРАЯ.

# ПѢСНЬ ВТОРАЯ.

Я нивы пѣлъ — горѣ созвѣздій стройный ходъ;
Отселѣ гроздіямъ — смирителямъ заботъ
И рощамъ пѣснь моя, и вамъ, древа лѣнивы,
Рукой Тритоніи лелѣемы оливы! . . .
Приди, Леней! все здѣсь въ твоихъ цвѣтетъ дарахъ:
И осень для тебя на долахъ и горахъ
Пурпурный виноградъ роскошно расточила,
И пѣнится вино изъ жаднаго точила.
Приди, и, разрѣшивъ сандаліи, со мной
Божественны стопы младымъ виномъ омой!
И ты, моя краса и слава и опора,
Приди, о Меценатъ! и свѣтлостію взора
На подвигѣ меня великомъ окрыли,
И челнъ мой проведи въ желанный край земли.
Не весь Природы храмъ моей предметъ цѣвницы,
Не смертнымъ всѣ дѣла могущей пѣть Царицы;

Предъ ней бы онѣмѣлъ, безплодно воскрылясь,
И стоязычныхъ устъ неутомимый гласъ.
Приди, и паруса предъ зримыми брегами
Носясь, — безвредные достигнутъ цѣли съ нами.
Не краснымъ вымысламъ, не блещущей мечтѣ,
Но истинѣ мой гласъ — прелестной въ наготѣ.

Природа, изводя изъ матерняго лона
Садовъ и дебрей чадъ, не равно благосклонна:
Тамъ смертныхъ чуждая и длани и заботъ,
Свободная семья тѣнистыхъ древъ растётъ,
Ракита мягкая и блѣдножелты ивы
Одѣли берега и блаты молчаливы,
Здѣсь тополь на поляхъ сребристый возстаетъ;
Другія отъ сѣменъ пріемлютъ жизни цвѣтъ:
Таковъ плодомъ каштанъ иглистымъ надѣленный,
Таковъ столѣтій сынъ Юпитеру священный,
Таковъ Додонскій дубъ — таинственникъ небесъ.
Тамъ разрастается отъ корня цѣлой лѣсъ:
Такъ вишни раннія и вязы вѣковые
И гордый Феоомъ лавръ въ дни жизни молодые

Безпечно нѣжатся въ родительской тѣни.
Сей путь рожденія Природа искони
Отверзла имъ; ея вседвижущая сила
Священные лѣса и рощи возрастила.

Есть роды древъ, имъ жизнь — искуства даръ благой;
Оно отъемля ихъ внимательной рукой
Отъ нѣжныхъ матерей, знакомитъ съ браздами;
Оно, отторгнувъ вѣтвь зубчатыми пилами,
Четверогранный колъ изводитъ изъ нее,
И ввѣренный землѣ, младое бытіе
Грядущею весной пріемлетъ одинокой;
Тамъ древа хилаго при старости глубокой
Живая лѣторосль, склоненная дугой,
Ложится выею подъ глыбою сырой;
Тамъ съ почкою ростокъ, отъ темя отдѣленной,
Садовникъ браздѣ ввѣряетъ углубленной...
Дивитесь чудесамъ! — изсохшій пень оливъ
На части малыя разтерзанный, оживъ,
Струистыми къ землѣ ласкается корнями;
Тамъ древо чуждыми спѣсивое кудрями

Стоитъ, заемною любуясь красотой;
Тамъ рдѣютъ яблоки на грушѣ полевой,
Здѣсь яркимъ золотомъ горятъ на тернѣ сливы.
    Ты вѣрныхъ ищешь благъ, поселянинъ щастливый! —
Учись работамъ сёлъ отъ юности твоей,
За каждымъ деревцомъ ухаживать умѣй,
И вкусу нѣжному и взору въ обаянье
Лѣсному дай плоду садовъ образованье;
И тѣснымъ уголкамъ признательной земли
Въ безпечной лѣни спать безъ пользы не вели;
Пусть гроздами хребетъ красуется Исмара,
И тѣни льётъ Табурнъ Минервы полный дара.
    Древа, пріемля жизнь безъ чуждаго труда,
Для прихоти пировъ не возрастятъ плода;
Но горды тѣнію, въ нихъ сила не скудѣетъ;
Сама Природа ихъ какъ нѣжна мать лелѣетъ.
Привьешь ли вѣтви къ нимъ, заятыя въ садахъ,
Иль новый дашь пріютъ въ воздѣланныхъ браздахъ, —
И, власти покоривъ безцѣнную свободу,
Онѣ мѣняютъ видъ и дикую породу; —

Велишь — и данницы отягчены плодомъ;
Велишь — и отпрыски на корнѣ молодомъ,
Разсаженные въ строй отъ матери далёко
Въ пространствѣ луговинъ, возносятся высоко;
А прежде мрачна тѣнь родительскихъ вѣтвей
Животворящій свѣтъ скрывала отъ дѣтей.

Древа отъ сѣмени подъемлются лѣниво,
Потомству отдыхать въ тѣни ихъ горделивой . . .
Придутъ ли дряхлости и разрушенья дни, —
Тогда, переродясь, и прежній сокъ они,
И прежніе плоды — красу пировъ — забудутъ;
И скудной пищею алчбѣ пернатыхъ будутъ;
Онѣ безпечному не обѣщаютъ мзды,—
Зови ихъ изъ лѣсовъ неволею въ бразды,
И дай имъ новое въ садахъ образованье,
О нихъ заботы всѣ, къ нимъ зоркое вниманье.
Есть роды древъ, для нихъ вотще тяжелый трудъ:
Оливы, безъ корней разсаженны, цвѣтутъ;
Веселый виноградъ, склонившійся дугою,
Исходитъ изъ-подъ глыбъ, обласканный семьёю,

Отъята мирта въивъ отъ рождшаго вдали
Износитъ гибкій станъ изъ чуждыхъ нѣдръ земли;
Переселенные кусты орѣшинъ дики
И Хаонійскій дубъ и ясени велики
И тополь сребреный — Ираклію священъ —
И пальма, льющая пришельцамъ влажну тѣнь
И — бурей на моряхъ свидѣтельницы — ели
Живутъ въ садахъ, забывъ родныя колыбели;
Привитая миндаль на вишнѣ полевой
Спѣсиво клонится на тонкій станъ главой;
Съ безплодныхъ яворовъ рвутъ яблоки румяны;
Съ вершины буковой глядятся внизъ каштаны;
На дикомъ ясенѣ бѣлѣетъ груши цвѣтъ,
Подъ вязомъ ила другъ плоды дубовъ грызетъ.

Два средства — прививать — искуство начертало:
Гдѣ почка изъ коры пробиться хочетъ алой,
И ткани разорвавъ, младой развить листокъ,
Тамъ древа чуждаго въ разрѣзъ кладутъ ростокъ.
И липовой его обводятъ пеленою;
Иль срѣзавъ цѣльною покрыты пни корою

И клена остреемъ открывъ пути въ сердца,
Садовыя въ среду влагаютъ деревца, —
И скоро, тѣнію обласкано зеленой,
Восходитъ дерево, величіемъ надменно,
И простираяся главою къ облакамъ,
Дивится не своимъ и вѣтвямъ и плодамъ.

Одно семейство древъ пріемлетъ разны виды,
Различенъ образъ ивъ и кипарисовъ Иды,
Младаго лотоса и вязовъ вѣковыхъ,
Олива, расплодясь, не узнаётъ родныхъ;
Такъ цвѣтъ и облики ея потомковъ разны!
На тѣхъ красуются плоды кругообразны,
Съ тѣхъ протяженные глядятся сквозь вѣтвей,
Тѣ — горьки ягоды изводятъ на елей.
И груши по семьямъ земля образовала:
Тѣ шаромъ свѣсились, тѣ въ образѣ фіала;
Покорны яблони, которымъ Алкиной
Изъ дебрей въ садъ велѣлъ переселиться свой,
И образъ при дворѣ и нравы измѣнили,
И соки чуждые наполнили ихъ жилы.

На семьи виноградъ веселой раздѣлёнъ:
У чадъ Гесперіи дружится съ вязомъ онъ,
Въ Лесбосѣ, — огневымъ румянцемъ пламенѣя,
Вкругъ сановитыхъ пальмъ віется Метимнея,
На влажныхъ берегахъ Мереотійскихъ блатъ,
На Ѳазѣ, гдѣ пески зыбучіе горятъ,
Блистаетъ, облеченъ въ покровъ дымчато-бѣлый;
Тотъ, осень упредивъ, приноситъ грозды зрѣлы,
Тотъ, въ пепельной изведъ одеждѣ тучный плодъ,
Прозрачно-тонкій сокъ съ точилъ въ сосуды льётъ,
Упившихся языкъ связующій и ноги;
Аргосскій виноградъ, живущій годы многи,
Обильною селянъ амврозіей даритъ. —
Кто Ретскаго вина всю власть изобразитъ?
Фалернъ — одинъ Фалернъ въ пирахъ его сильнѣя. —
Ты жаждешь крѣпкихъ винъ? — на холмыAmминея,
Взойди, предъ нимъ ничто и Тмолъ и самъ Фаней. —
Забуду ли тебя, отрада нашихъ дней,
Веселіе боговъ — напитокъ искрометный
Родоса! и тебя!, . . но роды винъ несчетны.

Кто Ливіи пески зыбучи сосчиталъ,
Когда віясь Зефиръ, въ степи ихъ возметалъ;
Чей умъ постигъ число валовъ кипящихъ въ море,
Когда сердитый Эвръ и Нотъ съ пучиной въ споре?

Не каждый край земли, не всякой уголокъ,
Не всемъ древамъ даетъ животворящій сокъ:
Ракита кудрями потоки осенила,
Строй ольхъ у блатъ стоитъ, покрытыхъ мглою ила,
Безплодны ясени дебелыхъ рядъ корней
Простерли по горамъ межъ огненныхъ кремней,
Брега лелеютъ миртъ, для гроздій холмъ — отрада,
Для тисса колыбель въ краю суровомъ хлада.
Во всехъ земли концахъ, где смертныхъ только родъ,
Съ заботой пополамъ отраду жизни пьетъ, —
У чадъ Аравіи, въ златомъ краю Востока,
Въ холодной Скиѳіи — у Истрова потока, —
Вездѣ есть родина сенистымъ деревамъ:
Гебенъ чернеется Гангеса по брегамъ,
Панхейски долы пьютъ дыханье ѳиміама;
Съ слезами Іорданъ сливается бальзама;

Гдѣ Нилъ въ седьмь отраслей изъ урны воду льётъ,
Тамъ вѣчно — юнаго аканта шепчетъ плодъ;
Тамъ сребренымъ руномъ дубравы обложенны
Даютъ пушисту прядь на ткани драгоцѣнны;
Въ невѣдомыхъ странахъ — въ краю зари младой —
По темнымъ кудрямъ древъ разстлался шелкъ златой;
За Индомъ возстаютъ дубравы — исполины,
Недосягаемы стрѣлами ихъ вершины.

Въ душистыхъ Мидіи смѣющихся лѣсахъ
Есть древо, въ золотыхъ блестящее листахъ,
Янтарно-темный плодъ наполненъ остротою,
Онъ вѣрный врачь, когда безжалостной рукою
Жестоки мачихи съ отравой поднесутъ
Нещастнымъ сиротамъ убійственной сосудъ,
И чары въ немъ смѣшавъ и гибельныя травы.
Все дерево — какъ лавръ гордится величавый,
Всѣ отблески его, осанка, цвѣтъ и станъ,
И запахъ лишь вокругъ далёко разліянъ,
Отличіе межь нимъ и древомъ Аполлона;
Листамъ его порывъ нестрашенъ Аквилона,

И крѣпокъ на вѣтвяхъ плодоносящій цвѣтъ;
Мастикой дышущій — онъ снова отдаетъ
Слетѣвшій запахъ розъ отъ устъ полудебѣлыхъ,
И тяжкое цѣлитъ удушье престарѣлыхъ.
 Но гордой Мидіи душистые лѣса,
Но пѣнистый Гангесъ — великихъ рѣкъ краса —
И Гермъ, вращающій въ потокѣ черномъ злато,
Но Бактръ — но Индіи сокровища богатой,
И нѣгой дышущей Панхеи ароматъ,
Твоей, Италія, хвалы не помрачатъ.
Не страшные волы Колхиды златорунной,
Далеко мещущи ноздрями пламенѣ бурной,
Широкія поля воздѣлали твои;
Не зубы по браздамъ засѣяны зміи;
На нивахъ не шумѣлъ ни шлемовъ рядъ пернатый,
Ни копій лѣсъ — нѣтъ! намъ дары твои богаты: —
Веселыя стада, оливные сады,
Массійское вино и полные плоды.
Здѣсь бранносный конь, воспитанный тобою,
По стонущимъ полямъ несется вихремъ къ бою;

Здѣсь бѣлоснѣжные, измытые твоей,
Божественный Клитумнъ, священною струей,
Дебелые волы, ведомые къ божницамъ,
Торжественнымъ вождей предыдутъ колесницамъ;
Здѣсь вѣчная весна, облегшая холмы,
Роскошно нѣжитъ насъ средь лѣта и зимы;
Здѣсь блеющихъ стада двукратно въ годъ чреваты,
И каждый годъ древа плоды даютъ двукраты; —
Но тигровъ лютыхъ нѣтъ, и львовъ невѣдомъ страхъ,
И яды льющій злакъ, не стелется въ лугахъ,
Не вьется по землѣ чудовищь Лернскихъ стая,
Чешуйчатымъ хвостомъ песокъ перегребая.
Кто прелести твои, Италія, сочтётъ?
Тамъ грады пышные — трудовъ великій плодъ,
Здѣсь рядъ твердынь нависъ надъ дикими скалами,
Тамъ слышенъ шопотъ рѣкъ подъ древними стѣнами;
На сѣверъ и на югъ два моря возлегли,
И плещутъ озера въ объятіяхъ земли:
Здѣсь тихоструйный Ларъ небесъ рисуетъ своды,
Тамъ ропщущій Бенакъ крутитъ, какъ море, воды . . .

Кто дастъ искуство мнѣ, да кистію моей
Безбѣдны пристани изображу морей
И спящій водоемъ, гдѣ смертныхъ дивна сила
И море и Лукринъ съ Аверномъ подружила,
Гдѣ вѣтръ разноситъ ревъ Тирренскихъ волнъ, когда
Оплоты гонятъ вспять испуганныхъ стада! . . .
Въ твоихъ, Италія, хранилищахъ подземныхъ
Сокровища горятъ металловъ драгоцѣнныхъ:
Здѣсь мѣдью и сребромъ богаты рудники,
И съ золотомъ въ рѣкахъ мѣшаются пески.
Ты Марзовъ извела побѣдоносны войски,
Тобой воспитаны булатомъ страшны Волски,
Лигуръ — покоя врагъ, Сабиновъ грозна рать;
Ты нашихъ Деціевъ, ты Сципіоновъ мать,
И, доблестей примѣръ, твои Камиллы чада,
Твой Цезарь сынъ — твоя хвала, Римлянъ отрада,
Который, сѣя страхъ Евфрата по брегамъ,
Знамена водрузилъ въ залогъ спасенья намъ.
Привѣтствую тебя, великая плодами
Сатурнова земля, великая вождями!

Тебѣ мой скромный гласъ! Тебѣ труды полей—
И слава и краса отъ юности твоей;
Отверзшій токъ святый, я первый на цѣвницѣ
Пою Аскрейску пѣснь Тебѣ, земель Царицѣ!

За мною на поля, заботливый, во слѣдъ!
На почвы бросимъ взоръ, на силы ихъ и цвѣтъ,
На плодъ, питаемый въ ихъ нѣдрахъ благодатныхъ.
Удѣлъ имъ не одинъ: на холмахъ ароматныхъ,
Гдѣ глина вязкая, огнистые кремни
И тощій лѣсъ кустовъ сдружились искони,
Пріятно жить древамъ Паллады многолѣтнымъ;
Тамъ часто видимы по скатамъ, чуть примѣтнымъ,
Оливы дикія, засѣвшія кругомъ,
И поле мрачнымъ ихъ усѣяно плодомъ.
Долина, тучная животворящимъ сокомъ,
Въ вѣнцѣ душистыхъ травъ встающая высокомъ,
Куда съ холмовъ стремимъ восторга полный взоръ,
Которой въ дань несутъ съ вершинъ сосѣднихъ горъ
Потоки шумные благословенье ила,
Которая на югъ лице свое склонила,

И ненавистную согбеннымъ сошникамъ
Корнисту папороть изводитъ по мѣстамъ —
Къ заботамъ рукъ твоихъ признательна долина
И грозды возраститъ и дастъ кипящи вина,
Въ фіалахъ золотыхъ сверкающи струей,
Когда обѣты мы творимъ у алтарей,
Когда священный гимнъ съ цѣвницъ Тирренскихъ льется
И тучный ѳиміамъ надъ жертвою віется.

Пасешь ли агницъ ты веселыя стада,
Или тельцовъ, иль козъ, губительницъ плода, —
На пасмвы тучныя, на брегъ Галеза красный —
Къ Таренту ихъ веди, и на поля нещастны,
У милой Мантуи отъятыя моей,
Лелѣющей стада сребристыхъ лебедей
На лонѣ Минція подъ шопотомъ осоки, —
Все дышетъ нѣгой тамъ, и свѣтлые потоки,
И мягкая трава, и сладостная тѣнь,
И прелести долинъ; что долгій лѣтній день
Похититъ у луговъ, усѣянныхъ стадами,
То краткая ночь отдастъ — прохладная росами.

Но тамъ, гдѣ полный силъ простерся чернозёмъ,
И крѣпкій стонетъ волъ подъ тягостнымъ ярмомъ,
И глыбы рухлыя ложатся надъ браздою, —
Цереры возблестятъ дары своей чредою,
Взмужалые тельцы оттолѣ повлекутъ
На медленныхъ осяхъ благословенный трудъ;
И тамъ, гдѣ лѣни врагъ — оратай, въ гнѣвѣ правый,
Повергъ безъ славы вѣкъ изжившія дубравы —
Сѣкирой воруженъ — тяжелу длань занесъ —
Пернатыхъ древній градъ грохоча — дикій лѣсъ
Упалъ — онѣ изъ гнѣздъ — взвились подъ облаками, —
Тамъ класы полные взыграютъ съ вѣтерками.

Кремнистые хребты покатистыхъ долинъ
И низки ландыши и низкій розмаринъ
На добычи пчеламъ изводятъ небогаты;
Поля, гдѣ рухлый мѣлъ и камень ноздреватый
Безъ жизни вѣки спятъ, и пищу и пріютъ
Въ віющихся норахъ однимъ зміямъ даютъ;
Гдѣ стелется туманъ, исторгшися, летучій,
И дыма носятся сребороволнисты тучи,

Гдѣ пьетъ земля и вновь въ эѳиръ лїетъ пары,
Гдѣ вѣчной зелени простерлися ковры,
Гдѣ сталь не ржавѣетъ искривленнаго плуга;
Тамъ вѣрный ждетъ успѣхъ полей щастливыхъ друга,
Тамъ кудри матери оливы озлатятъ,
Тамъ съ вязомъ молодой сдружится виноградъ,
Тамъ класы тучные весельемъ заструятся,
Тамъ рѣзвыя стада сторицей расплодятся.
Такъ радостно цвѣтутъ и Капуи луга,
И край Неаполя и Кланїя брега.

На избранны поля вниманье и заботу
Заранѣ обращай, изслѣдуй ихъ доброту;
Въ нихъ силы не одни, измѣрить ихъ умѣй:
На землю рухлую склоняетъ взоръ Леней,
Дебелу обреки трудиться подъ браздами;
Но прежде испытай: окинувши очами
Равнину дикую, простерту предъ тобой,
Широкимъ заступомъ глубокїй ровъ изрой,
И землю, изъ родныхъ исторгнуту объятїй,
Въ родную глубь низринь и попирай стократы.

Ты кончилъ долгій трудъ, и — сирые края
Недремлюща стопа оставила твоя, —
И опытъ указалъ на тучны паствы стада,
И на привѣтливы жилища винограда.
Но если силой стопъ въ объятіи родномъ
Пріюту нѣтъ землѣ — она встаетъ холмомъ, —
Предай ее на трудъ четѣ воловъ дебелой, —
И нивою бразды покроются веселой.

Смотри — тамъ дальнюю облегъ равнину слой
Съ разлитой горечью и соли остротой,
Она не мать плодамъ, и нивы не прославитъ,
И гроздамъ имени въ потомствѣ не оставитъ.
Но какъ узнать ее? — подъ кровлею твоей
Доспѣхи древніе и сада и полей
Хранятся — дымные — и лейка, и корзины
Сплетенныя изъ ивъ; пріятою съ равнины
Землей, широкіе наполни ихъ края,
И влагою напой изъ свѣтлаго ручья.
Перебираяся межъ тѣсными путями,
Вода проникнетъ дно и выступитъ слезами;

Пріятная въ уста въ нихъ горечь разольетъ,
И на забвеніе равнину обречетъ.

Земля, и тучностью и силами богата,
Не сыплется пескомъ въ согбенной длани сжата,
Но жидкою смолой ложится вкругъ перстовъ.
На влажной возстаетъ — веселіе луговъ —
Высокая трава . . . къ чему безплодны силы,
Къ чему тщеславіе? увы! тамъ стебель хилый
На скорбь оратаю износитъ класъ пустой . . .
Двѣ глыбы съ двухъ полей взвѣсь опытной рукой;
Въ ихъ тягости сокрытъ залогъ доброты вѣрной.
Поля, одѣтыя поверхностію черной,
Не трудно угадать по виду одному;
Но чуждыя тепла ни взору твоему
Не скажутъ о себѣ, ни дланямъ любопытнымъ,
Лишь плющи по тропамъ віющіеся скрытнымъ
И тиссы горькіе, въ плодахъ носящи ядъ,
И сосны — тайнѣ ихъ глубокой измѣнятъ.

Ты хочешь населить удѣлъ свой виноградомъ, —
И землю осуши, и глыбы сипящи рядомъ

Въ летучій прахъ разбей, и въ холмы собери,
И вѣтрамъ дай лобзать съ зари и до зари;
Они, и хладъ зимы, и заступъ изощрённой
Для сочнаго плода земли смягчаютъ лоно.
Врагъ лѣни дремлющей, доколѣ изъ родныхъ
Объятій не исторгъ кусты деревъ младыхъ,
Отыщетъ уголокъ для нихъ, какъ прежде, милой, —
И разлученные съ страной отчизны силой,
Въ чужбинѣ для себя и пищу и пріютъ
И ласки матери безъ матери найдутъ . . .
И часто легкій знакъ на нѣжныя ихъ ткани
Кладутъ садовника заботливыя длани;
По немъ узнаетъ онъ, отколѣ теплый Югъ
Отрадой къ нимъ дышалъ, отколѣ ждали вьюгъ,
И какъ ихъ разселить въ странѣ чужой отчизны; —
Привычки юности — основа цѣлой жизни.

Гдѣ лучше гроздамъ жить, какой милѣй имъ край,
Равнины, иль холмы, — заранѣ испытай; —
На тучныхъ ли поляхъ укажешь имъ жилища, —
Толпой сели, ихъ ждетъ неистощима пища;

На скаты ли зовешь пригорковъ и холмовъ,
Или на долъ, — дай видъ простертыхъ имъ рядовъ.
Видалъ ли ты, когда полки готовы къ бою,
Идущи на врага великою войною,
Въ отверстомъ полѣ битвъ развивши длинный рядъ,
Расходятся въ строи, оградами стоятъ,
Земля волнуется сіяньемъ грозныхъ стали;
Еще кровавы къ нимъ минуты не слетали;
И ходитъ Марсъ въ рядахъ сомнительной стопой?
Такъ грозды раздѣли и тамъ и здѣсь тропой,
Не тщетной роскоши, не взору въ угожденье,
Нѣтъ! юны пришлецы вступивъ въ свое владѣнье,
И незаемный сокъ съ избыткомъ равнымъ пьютъ,
И гибки рамена свободнѣе прострутъ.

Умѣй ихъ водворить въ подземной колыбели;
Иная для ракитъ, иная глубь для ели,
Иная молодымъ Ленеевымъ лозамъ,
Для нихъ отрадна жизнь по легкимъ бороздамъ;
Величественный дубъ главою сводовъ неба,
Стопами дальнихъ безднъ касается Эреба,

И тщетны свисты вьюгъ и ливня шумъ надъ нимъ,
И въ спорѣ всѣхъ стихій стоитъ неколебимъ . . .
Уходитъ день за днемъ, и смерти часъ украдкой
Не жданный къ намъ слетитъ, и вѣкъ похититъ краткой
А онъ — покоитель и чадъ и ихъ отцёвъ —
Посмѣевается стадамъ сѣдыхъ вѣковъ,
И вдаль могучими простершись раменами,
Тѣнистыми облекъ свой гордый станъ кудрями.
Смирителей заботъ на западъ не склоняй;
Для нихъ отраднѣе востока ясный край;
И жадныхъ не вводи орѣшинъ въ вертограды,
И болѣе корнямъ отъ заступа пощады,
И вѣтви не снимай съ побѣговъ молодой;
Далеко отъ земли вознесшейся главой;
Съ землею раздружась не подружится снова;
И съ садомъ не знакомь оливы пня лѣснова ;
Порою близъ него расклавшіе огонь
Безпечны пастухи, отходятъ въ даль — а онъ —
Украдкой — притаясь подъ влажною корою,
Перебирается, совѣтуясь съ порою,

Сбираясь съ силою, восходитъ до листовъ,
И — грозно первый трескъ раздался межь кустовъ . . .
Еще мгновенie — и на вѣтвяхъ губитель,
И всею овладѣлъ вершиной побѣдитель,
И быстрымъ пламенемъ объялъ широкiй лѣсъ,
И —бурей воющiй подъ сводами небесъ,—
Волнами черными вращаетъ дымъ смолистый . . .
Но горе новое, коль вихрь порыва свисты
На темя древъ нагналъ и свился въ темный шаръ,
И вѣтры, тамъ и здѣсь шумя, крутятъ пожаръ;
Тогда спасенья нѣтъ, тогда конецъ надеждѣ !
Покрытый пепломъ садъ не разцвѣтетъ, какъ прежде ,
Губитель лишь его — лѣсной оливы пень —
Возстанетъ средь могилъ — увидитъ новый день.

Рѣшитъ ли кто меня браздамъ повѣритъ лозы
Въ тѣ дни, когда Борей низводитъ къ намъ морозы?
О нѣтъ! тогда зимой окованы поля ,
И соковъ сжатая не дастъ корнямъ земля.
Урочно время ихъ, какъ юною весною
На сребреныхъ крылахъ излучистой стезёю

Врагъ долгихъ черныхъ змій у топкихъ вьется блатъ;
*Или* какъ надъ горой повѣетъ первый хладъ,
Какъ лѣто оцвѣтетъ, пернатыхъ смолкнутъ гимны,
Но солнцевъ конь еще на врагъ не ступитъ зимній.

Весной юнѣетъ лѣсъ подъ зеленью листовъ,
Земля вздымается и жизни жаждетъ вновь,
Весною ждетъ она сѣмянъ плодотворенья;
Тогда эѳира богъ отъ горняго селенья
Въ объятія спустясь супруги молодой,
Животворящей съ ней сливается душой,
И сыплетъ жизнь во всемъ — и въ ливняхъ благодатныхъ,
И въ солнечныхъ лучахъ, и въ вѣтрахъ ароматныхъ;
Въ смѣющемся лугу и въ зелени лѣсовъ
Дремавшая зимой пробудится любовь;
Тогда дробится пѣснь въ кустарникѣ пернатыхъ;
Дыханѣе зефировъ надъ долами крылатыхъ,
Разверзнувъ жизненной ихъ лоно теплотой,
Вливаетъ нѣжный сокъ эѳирною росой;
И зелень, не боясь, на свѣтъ проглянетъ новой,
И гроздовой лозѣ не страшенъ вѣтръ суровой

И ливня чернаго въ багровыхъ тучахъ видъ, —
И почки разовьетъ и вѣтви расширитъ.

Такъ міру юному, изникшему впервые
Изъ безднъ небытія, сіяли дни златые;
Великій рядъ годовъ, измѣны чуждыхъ, текъ,
И на земли гостилъ весны щастливый вѣкъ,
И Эвръ не оскорблялъ дыханьемъ хладнымъ міра,
Когда пернатыхъ полкъ изъ чистаго эѳира
Впервые жизнь испилъ; жестокій родъ людей
Изъ жёскихъ нѣдръ земли изникъ среди полей
И звѣри въ тьмѣ лѣсовъ и звѣзды въ тверди юной.
Творенье нѣжное лишь зефиръ тихоструйной
И кроткій неба взоръ и сладостный покой
Лаская, могъ сдружить съ невѣрною землёй.

Повѣривши браздамъ прививки и побѣги,
Кругомъ ихъ илъ усѣй для пищи и для нѣги,
И насыпью земли со всѣхъ сторонъ укрой,
Иль щебнемъ огради и раковинъ стѣной;
Лобзаемые тамъ зефиромъ и водами,
Они веселыми возносятся главами.

Полюбятъ *ли* они гостепріимный край, —
Все болѣ — болѣ ихъ землею усыпай,
И заступомъ ее повременно тяжелымъ
Дроби въ летучій прахъ, или тельцамъ дебелымъ
Съ горящимъ сошникомъ межъ нихъ изъ строя въ строй
Вели переходить веселою четой. —
Готовь опоры имъ — пріявшимъ новы силы:
Тамъ легки тростники и раздвоенны вилы,
Тамъ крѣпки ясени и гибки лозы ивъ;
Къ нимъ юныя главы и рамена склонивъ,
Дерзаютъ презирать жестоки бурь порывы,
И всходятъ по вѣтвямъ на вязы горделивы. —
И въ нѣжномъ возрастѣ, когда съ младыхъ вѣтвей
Едва прольется тѣнь, пощадой ихъ лелѣй,
И въ дни безпечности, когда собравшись съ силой,
Они прострутся вверхъ съ свободой дѣтству милой,
Не прикасайся къ нимъ погибельнымъ серпомъ;
Безплодный листъ сними внимательнымъ перстомъ,
И тѣни проясни; когдажъ побѣги смѣлы
Гордяся мужествомъ, обнимутъ вязъ дебелый, —

Обрѣжь имъ рамена и кудри остриги,—
А прежде имъ серпы — жестокіе враги;—
Тогда лишь покори владычеству ихъ стали,
Какъ роскошью листовъ гордится вредной стали.
Защитой имъ изъ ивъ ограду сплети; —
Младымъ — не опытнымъ всѣхъ бѣдствій не снести;
И дики буйволы и агницы игривы
И жадные тельцы и козы прихотливы
Безкровныхъ не щадятъ, ихъ зеленью плѣнясь.
Кипящій лѣта зной, зимы свирѣпый мразъ —
Тотъ землю жёскую огнями разсѣкая,
Тотъ цѣпи льдистыя на долы налагая, —
Отраднѣе лозамъ; не сыты зубы стадъ
Раздравъ ихъ нѣжну ткань, вливаютъ въ жилы ядъ.
За грозды мститель Вакхъ, ему предъ алтарями
Льютъ алу кровь козла, увитаго цвѣтами.
Козелъ на зрѣлищахъ Цекроповыхъ племенъ
Наградою пѣвцамъ Ленея обреченъ,
Когда Аѳиняне веселою толпою
На мягкіе луга стекаются весною,

И чаши винъ кипятъ, лiющи шумный смѣхъ,
И, рѣзвясь, легкихъ рой чрезъ скользскiй скачетъ мѣхъ.
Въ избыткѣ радости, въ примѣръ сынамъ Эллады,
Въ Сатурновой землѣ угасшей Трои чады
Подъ страшной маскою изъ буковой коры
Бѣгутъ, торопятся на празднество игры,
И тѣшатъ зрителей нескладными стихами,
И раздается смѣхъ межь шумными толпами;
Но часъ — и гимнъ гремитъ тебѣ, веселый Вакхъ!
И вѣтромъ зыблется твой образъ на древахъ;
Отъ благости очей дары текутъ богаты
На долы красные и на холмы покаты;
Все жизнiю цвѣтетъ, гдѣ богъ приникъ челомъ.
Хвала ему и честь! придите — воспоёмъ
Отечественный гимнъ подателю отрады,
И въ радости свершимъ священные обряды;
Сюда и чаши винъ и юнаго козла,
И внутренность его съ кроваваго жезла
Орѣшины лѣсной преклонимъ предъ огнями,
И взыдетъ ѳимiамъ надъ жертвой облаками!

Докучный виноградъ отъ селянина ждётъ
Неутомимыхъ рукъ, недремлющихъ заботъ:
Тамъ землю разодрать окрѣплую трикраты,
Тамъ заступомъ разбить бразды травой объяты,
Тамъ отпрыски отнять у вѣтви молодой...
Такъ годъ, вратясь кругомъ, идётъ своей чредой
И съ нимъ оратая труды неистощимы;
Посмотришь — и сады съ уборами своими
Простились до весны; съ Гиперборейскихъ скалъ
Повѣялъ Аквилонъ и прелесть ихъ умчалъ . . .
Имъ сонъ — а селянинъ, рожденный для работы,
На слѣдующій годъ простеръ свои заботы:
То вѣтви острою снимаетъ онъ косой,
То съ старымъ пнёмъ роднитъ прививокъ молодой.
Трудись, поселянинъ! съ тобой твоя награда,
И первый землю взрой, и первый съ винограда
Сухія вѣтви снявъ, предай на снѣдь огню,
И первый навози костры опоръ къ плетню;
Но грозды собирай созрѣвшіе — послѣдній.
Два раза подъ лозой кустятся травы вредны,

Два раза тѣнь ее обходитъ на бѣду;
Готовься тамъ и здѣсь къ тяжелому труду.
Хвали, но не желай обширнаго удѣла,
Богатъ лишь тотъ, гдѣ все рука создать умѣла.
По влажнымъ берегамъ болота и рѣки
Сбирай младой ивнякъ и звонки тростники,
Подъ тѣнію лѣсовъ кустарники терновы.
Все ждетъ твоихъ трудовъ, вездѣ заботы новы!
Но спитъ уже коса, подвязанъ виноградъ;
Ты въ радости поёшь, вступивъ въ послѣдній рядъ . .
Не дологъ отдыхъ твой, не радуйся, усталой;
Тамъ заступъ ждетъ тебя, тамъ дремлющее рало . . .
Созрѣвшимъ гроздіямъ и горе и труды
Забыты — но смотри — изъ тучь глядятъ бѣды.

Покойнѣе стократъ воздѣлывать оливы;
Для нихъ не нуженъ серпъ и грабли говорливы,
Когда однажды лишь сдружилися съ землей,
И вѣтеръ прожужжалъ безбѣдно межь вѣтвей;
Лишь заступомъ открой дорогу имъ къ *жилищу*,
И сами въ немъ найдутъ для цѣлой жизни пищу.

А плугъ изнѣжитъ ихъ и сочны дастъ плоды:
Сзывайте мира чадъ, оратаи, въ сады.

И яблони, едва въ подземной колыбели
Собраться съ силами и возмужать успѣли,
Надежды на себя и чуждыя заботъ, —
Теряются главой въ безмѣрности высотъ;
И дикія древа встаютъ собою сами,
Гордясь красой плодовъ межъ темными лѣсами;
У рѣкъ и топкихъ блатъ на снѣдь козамъ возникъ
Кустами круглыми питательный лозникъ;
Тамъ ризой круглый годъ зеленою одѣта, —
Во мракѣ ночи намъ подательница свѣта, —
Возноситъ гордый станъ на высяхъ горъ сосна . . .
Ихъ жизнь свободная безъ нашихъ рукъ красна . . .
И все на пользу намъ; съ младой вѣтлы и съ ивы
Стада зеленой листъ снимаютъ прихотливы,
Въ вѣтвистой ихъ тѣни — прохлада пастухамъ,
Въ цвѣтахъ сребристый воскъ и медъ златый пчеламъ,
А лозы гибкія — садовъ и нивъ ограда . . .
Неизъяснимая и прелесть и отрада —

Увидѣть буками волнуемый Циторъ
И ель Нариціи на дикихъ высяхъ горъ;
Пріятно видѣть лѣсъ въ объятіяхъ Природы,
Гдѣ смертный оскорбить не смѣлъ его свободы.

Не рдѣющи плодомъ Кавказскихъ рощи скалъ,
Гдѣ воемъ воя вѣтръ, съ вѣковъ не умолкалъ,
Другіе смертному несутъ дары; тамъ ели
Нисходятъ въ лоно водъ съ кремнистой колыбели,
Тамъ кедръ и кипарисъ въ чертогъ превращены,
Тамъ, волнъ игралища, ладьи оснащены,
Оттолѣ рѣзвые возки и колесницы,
Оттоль скрыпуча ось и колесо и спицы.
Смотри,— тамъ вязы льютъ прохладну тѣнь съ листовъ,
Тамъ копій лѣсъ возникъ изъ корновыхъ кустовъ;
У Іорданскихъ водъ исходитъ лукъ изъ тисса,
Изъ миртовъ тучи стрѣлъ кровавыя взвилися;
И липа мягкая и бѣлоцвѣтный букъ
Въ прелестныхъ образахъ исходятъ изъ—подъ рукъ,—
Искуство и рѣзецъ чего не образуетъ?—
Тамъ ольха легкая въ рѣкахъ бразды рисуетъ,

Тамъ дубы древніе подъ уплою корой
Неутомимыхъ пчелъ покоятъ шумный рой . . .
И что съ дарами Вакхъ предъ благами дубравы? . . .
Не разъ онъ зажигалъ свѣтильники кровавы:
Не онъ ли смертію Центавровъ укротилъ;
Не имъ ли Фолъ погибъ въ пылу кипящихъ силъ;
Не онъ ли страшному Гилею за фіаломъ
Могилу указалъ въ потокѣ крови аломъ? . . .
Щастливъ поселянинъ — цѣнитель благъ своихъ —
Далекій бранныхъ бурь; — ему отъ браздъ густыхъ
Признательна земля на столъ неприхотливый
Сокровища ліетъ благословенной нивы,
Не въ пышныхъ жить ему чертогахъ суждено,
И утромъ шумною кліентовъ полкъ волной
Не изрыгается широкими вратами,
Безцѣнныхъ камней блескъ не свѣтитъ межъ столпами,
И нѣтъ Коринѳскихъ вазъ и утварей златыхъ,
На тканяхъ пурпуры не рдѣются простыхъ,
И ядъ не льется въ снѣдь съ приправой утонченной; —
Но скука не зайдётъ къ нему подъ кровъ смиренной:

Удѣлъ его — покой, измѣны чуждый бытъ
Природы для него сокровищъ не щадитъ;
Тамъ дышетъ нѣгой долъ, тамъ гротъ прохладой мрачной,
Тамъ — въ зелени бреговъ — ручей журчитъ прозрачной,
По холмамъ выжлятъ лай, въ долинѣ стада ревъ,
И тихій вѣетъ сонъ подъ тѣнію деревъ.
Подъ кровами селянъ всѣ жизни блага прочны;
Тамъ крѣпки юноши и дѣвы непорочны,
Тамъ чистыя сердца горятъ у алтарей,
Тамъ свято чады чтутъ отцёвъ и матерей;
И Правда, возносясь съ лица земли — уныла
Въ надзвѣздный міръ, у нихъ въ послѣдній разъ гостила.

О Музы — сладость дней — услышьте мой обѣтъ!
Я вашимъ былъ жрецомъ отъ первыхъ жизни лѣтъ,
Къ вамъ сердца жаръ, къ вамъ духъ стремился окрыленный;
Отверзите небесъ пути мнѣ сокровенны:
Чей перстъ недремлющій свѣтила движетъ тамъ;
Кто звѣзды приковалъ огнисты къ небесамъ,
Кто Солнцу и Лунѣ взлагаетъ черну ризу;
Что грознымъ трепетомъ колеблетъ землю низу,

Какою силой понтъ вздымается, ревётъ
И рветъ брега и вновь ложится въ свой оплотъ;
За чѣмъ свѣтило дня зимой спѣшитъ въ пучины,
И поздо лѣтомъ ночь нисходитъ на долины? . . .
Когдажь не мой удѣлъ расторгнуть сей покровъ,
И сердцѣ пылкое обляжетъ хладна кровь, —
О дайте подышать отрадою свободы
На лонѣ мирныхъ селъ, въ объятіяхъ Природы!
На свѣтлыхъ берегахъ, въ зеленой древъ тѣни
Безвѣстный — проведу златые щастьемъ дни.
Гдѣ Сперхій? . . . гдѣ Тайгетъ, во дни священныхъ Оргій
Въ сердца Спартанскихъ дѣвъ вливающій восторги?
О! кто на мшистый Гемъ меня перенесетъ,
И тѣни надъ главой прохладныя совьетъ? . . .

Щастливъ, кто, мыслію небесъ проникнувъ своды,
*Таинственны пути изслѣдовалъ Природы*,
Неумолимый Рокъ, зіяющій Авернъ
И страхи всѣ попралъ — гнѣтущи жалку чернь;
Стократъ блаженъ и тотъ, кто, съ дѣтской простотою
Плѣняяся до слезъ Природы красотою,

Къ богамъ невинныхъ селъ съ мольбой возводитъ взоръ,
Къ тебѣ, великій Панъ, и къ вамъ, о Нимфы горъ!
Ни Ликторовъ толпа, ни царски діадимы,
Ни братьевъ за корысть раздоръ непримиримый,
Ни Даковъ заговоръ на области Римлянъ,
Ни чуждыхъ гибель царствъ, ни жребій согражданъ
Похитить у него спокойствія не можетъ,
Желанье благъ чужихъ въ немъ сердца не тревожитъ,
И къ братіямъ своимъ онъ состраданья чуждъ;
Подъ кровомъ сельскихъ Ларъ нѣтъ роскоши, нѣтъ нуждъ;
Отъ древъ имъ привитыхъ, отъ нивъ имъ угрбженныхъ
Пріемля дань, онъ токъ проводитъ дней блаженныхъ;
Не знаетъ ябѣды, отъ тяжебъ удалёнъ,
И въ слухъ не возгремитъ безжалостный законъ.

Иные пѣнятъ хлябь кипящей смертью влаги,
И смерть несутъ въ мечахъ на царственные праги;
Тотъ, сѣя страхъ, занесъ на родину булатъ,
И старцевъ кровь ліетъ и нераздвѣтшихъ чадъ,
За чѣмъ? чтобъ пить изъ чашъ отъ камней драгоцѣнныхъ
И спать на пурпурѣ, на ложахъ позлащенныхъ;

Иной, корысти рабъ, сокровища копитъ,
И у скупыхъ замковъ на стражѣ вѣкъ дрожитъ;
Одинъ, витійствуя, похвалъ сбираетъ дани,
Другой въ театрѣ ждетъ отъ всѣхъ рукоплесканій;
Тотъ, братій кровію булатъ насытивъ свой,
На чуждую страну мѣняетъ кровъ родной.
Оратай, оперщись на плугъ свой искривлённой,
Надеждѣ годовой земли вскрываетъ лоно;
Одинъ — питаетъ онъ отчизну, чадъ младыхъ,
И стадо и воловъ — сотрудниковъ своихъ;
Ему досугу нѣтъ, доколѣ годъ текущій
Всѣ блага не сзовётъ къ его смиренной кущи: —
Младое племя стадъ, обиліе садовъ
И скирды золотомъ пылающихъ сноповъ;
Доколѣ, осенью по вѣявшему хладу,
Лѣнивому не дастъ созрѣть онъ винограду,
И житницъ не стѣснитъ богатствами полей.
Придётъ зима — тамъ льютъ сребрящійся елей,
Тамъ идутъ съ пажитей волы подъ кровъ дебелы,
Столы корзинами плодовъ отяготѣли.

Вкругъ шеи ласковый малютокъ вьется рой,
И скрашенъ чистый домъ стыдливою женой;
Тамъ полны кравъ сосцы на зовъ руки привѣтной
Въ сосуды льютъ млеко струею снѣгоцвѣтной ;
Тамъ рѣзвые козлы, гордясь красой роговъ,
Зовутъ на мирну брань товарищей — враговъ.
Придутъ ли праздники — и, щастіемъ довольный —
Досужій селянинъ, благоговѣнья полный,
Простершись у огней на дернѣ луговинъ,
Гдѣ спутники его вѣнчаютъ чаши винъ,
Тебѣ, Леней! творитъ съ мольбою возліянья,
И ставитъ пастухамъ съ наградой состязанья
Для копій легкихъ цѣль на дремлющемъ дубу,
Или полунагихъ сзываетъ на борьбу.

Такъ древняя цвѣла Сабиновъ жизнь простая,
Такъ Ромулъ съ братомъ жилъ, такъ чадъ Этрусскихъ стая
Возстала, вознеслась — и кто во слѣдъ ей могъ ?
И Римъ, вселенной градъ, седьмь горъ собой облёгъ.
До дней Юпитера, какъ смертный нечестивой
Тельцовъ незакалалъ для снѣди прихотливой,

Такою жизнью цвѣлъ Сатурна вѣкъ златой;
Тогда по гласу трубъ не мчалися на бой,
Тогда еще мечи, изшедшіе изъ стали
На пагубу людей, подъ млатомъ не стенали.

Но поприще свершивъ въ безмѣрности путей,
Спокоимъ у меты дымящихся коней.

# ПѢСНЬ ТРЕТІЯ.

# ПѢСНЬ ТРЕТІЯ.

Внемлите мнѣ — и ты, о юная Палеса,
И ты младый пастухъ — великій сынъ Зевеса,
Вы, рѣки и лѣса — Аркадскихъ чада горъ;
Вамъ сельской пѣсни гласъ, къ вамъ мысль моя и взоръ!
Давно истощены богатые предметы,
Для праздности ума стократъ они воспѣты;
Въ чей слухъ не проникалъ Гиласъ и Геркулесъ
И злобный Бузиридъ — врагъ смертныхъ и небесъ;
Кому невѣдомы и Пелопса трофеи,
И кони пламенны отца Гипподомеи,
И Делосъ, отъ пучинъ воздвигнутый жезломъ,
Къ божественной четѣ склонившійся челомъ?
Отважусь въ новый путь, и, славой окрыленный,
Промчусь изъ устъ въ уста и въ роды отдаленны.
Я первый низведу съ холмовъ Парнасса Музъ
Къ вамъ, Мантуи поля! когда не преселюсь

Отъ міра свѣтлаго въ страны Айдеса темны ;
Я первый принесу вамъ пальмы чужеземны,
И тамъ, гдѣ Минція кристальный токъ влекомъ
Въ излучистыхъ брегахъ, вѣнчанныхъ тростникомъ,
И пажити кропитъ и радостныя нивы, —
Въ долинѣ тишины — безпечностью щастливый —
Воздвигну дивный храмъ искусною рукой ;
Въ срединѣ вознесу ликъ Цезаря златой ,
И самъ — одѣянный въ Сидонскую порфиру,
Я жертву воскурю души моей кумиру.
По гласу моему, по манію возницъ
Исторгнись изъ забралъ сто быстрыхъ колесницъ,
У храма возшумятъ; тогда сыны Эллады
Въ рысчаньяхъ и борьбѣ искать вѣнцовъ награды
Пріидутъ въ Мантуу; и будетъ позабытъ
Алфеевъ токъ и лѣсъ Молорха знаменитъ;
Я самъ, увѣнченный священною оливой,
Награды раздѣлю отважности щастливой . . .
Уже провижу я торжественный обрядъ,
Тельцы закланія божницамъ предстоятъ,

Уже отверстый зрю театръ великолѣпной, —
Британіи сыновъ рукою раболѣпной
Завѣса поднята, строптивости въ укоръ
На яркомъ пурпурѣ начертанъ ихъ позоръ . . .
На блещущихъ вратахъ по злату изваяю
Гангеса по брегамъ враговъ бѣгущихъ стаю,
Квирина грозный мечь, кровавый брани слѣдъ
И величавый Нилъ, склонившій свой хребетъ
Подъ бремя кораблей, летящихъ въ путь побѣды ;
Отъ вражескихъ судовъ столпы горящей мѣди
Поставлю при вратахъ въ свидѣтельство вѣкамъ :
Увидятъ Азіи поникши грады тамъ ,
И стонущій Нифатъ въ брегахъ окровавленныхъ,
И Парѳовъ, мещущихъ изъ луковъ обращенныхъ
Свистящихъ тучи стрѣлъ въ часъ гибели своей,
И двойственный тріумфъ и двойственный трофей
Отъ двухъ великихъ царствъ, отъ двухъ морей далёкихъ;
Простру къ Паросу длань, изъ нѣдръ его глубокихъ
Кумиры изведу, искуствомъ жизнь имъ дамъ ,
Воскреснетъ Ассаракъ, воскреснетъ въ нихъ Пріамъ,

Возстанетъ Зевсовъ родъ и боги и герои;
И Цинтій возблеститъ — создатель гордой Трои,
Тамъ Зависть блѣдная увидитъ Евменидъ,
Сизифа тяжкій трудъ и тинистый Коцитъ,
И змій и колесо страдальца — Иксіона —
Узритъ — содрогнется на казни обречённа.

Но вступимъ въ сѣнь Дріадъ невѣдомымъ путемъ,
Будь въ поприщѣ пѣвцу, о Меценатъ, вождемъ!
Твой взоръ — и мысль родитъ и пѣсни возвышенны;
Приди! и эхи горъ зовутъ насъ отдаленны,
И ржаніе коней и вой Тайгетскихъ псовъ
И руноносныхъ стадъ блеянье средь лѣсовъ.
Когдаже для селянъ цѣвницы смолкнутъ пѣсни,
Трубою оглашу предѣлы поднебесны,
И слава Цезаря промчится въ родъ и родъ,
Доколѣ солнца свѣтъ въ послѣдніе зайдётъ.

Плѣненный пальмою Молорховой дубравы,
Питаешь ли коня — любимца бранной славы,
Иль крѣпкаго тельца — сподвижника въ поляхъ, —
Грядущихъ доблестей ищи и въ ихъ матеряхъ.

Юница, — племени надежная опора —
Отлична гордою угрюмостію взора
И въ безобразіи красивою главой
И длиннымъ рядомъ ребръ и выи широтой,
Власистыми ушьми, загнутыми рогами
И тучной грудію — дрожащею волнами.
И пятны бѣлыя, разсѣянны по ней,
Красивой пестротой пріятны для очей;
*Люблю когда она рогами угрожаетъ,*
И тягостный яремъ упорно отражаетъ;
Подобная волу — съ возвышеннымъ челомъ
Идетъ, и по пути сметаетъ пыль хвостомъ.

Для кравъ назначенъ вѣкъ не щедрою Природой;
Съ четвертою весной прощаются съ свободой;
Два люстра — и конецъ ихъ бракамъ — ихъ трудамъ;
Въ дни жизни молодой позволь твоимъ стадамъ
Упиться сладостью любови легкокрылой,
Дай жить въ потомкахъ имъ за самою могилой.
Отъ жизни первые златые дни летятъ,
За ними по слѣдамъ болѣзни посѣтятъ

И старость скучная, и вѣстница Плутона
На берегъ насъ зоветъ печальный Ахерона.
Угаснуть племени избранному не дай,
Паденье чадами младыми упреждай;
Пусть каждая весна ревущихъ стадъ подъ кровы
Приводитъ въ ихъ семью питомицъ роды новы.

Будь строгъ и прозорливъ при выборѣ коней,
Старайся замѣчать отъ первыхъ дѣтства дней
Грядущи доблести назначенныхъ тобою
Потомство населять и быть стадамъ красою.
Самой Природы перстъ отличья на коняхъ
Знакъ вѣрный положилъ въ отливахъ и цвѣтахъ.

Питомецъ молодой избранной кобылицы,—
Надежда табуновъ, веселье колесницы,—
Съ пріятной гибкостью и легкостью въ ногахъ,
Надменно шествуетъ въ смѣющихся лугахъ,
Безтрепетно летитъ чрезъ воды быстротечны,
Незѣдомымъ мостамъ ввѣряется безпечный,
И шумъ ему — ничто, онъ первый идетъ въ путь;
Всѣ части — прелесть въ немъ: отваги полна грудь

Средь жилъ трепещется роскошными волнами,
Красивая глава съ горящими глазами,
Осанка гордая, короткія чресла,
Хребетъ у заднихъ бедръ округлость облекла.
Раздастсяль трескъ мечей и гласъ трубы далёкій, —
Дрожитъ, ушьми прядетъ — готовый въ бой жестокій,
И пѣну сѣетъ съ браздъ, и синій дымъ клубитъ,
И стонетъ долъ подъ нимъ отъ топота копытъ;
Съ страны его десной по выѣ горделивой
Играетъ бурный Эвръ съ густоволнистой гривой.
Такъ Циллярь Поллуксовъ, воспитанный въ бояхъ,
И копья презиралъ и смерти близкій страхъ;
Таковъ вдохнула огнь непостижима сила
Конямъ — сорашникамъ Арея и Ахилла;
Такимъ въ Ѳессаліи узрѣлъ на высяхъ горъ
Сатурна легкаго ревнивый Опсы взоръ,
Любовникъ развѣвалъ по выѣ статной гриву,
И ржаньемъ устрашилъ Филиру боязливу.

Когда болѣзней рой и тяжко бремя лѣтъ
Въ конѣ угаситъ огнь, и силы больше нѣтъ;

Покой его, — умѣй щадить почтенну старость;
Тогда и легкій трудъ раждаетъ въ немъ усталость,
Согбенный дряхлостью — онъ холоденъ къ любви,
Безчувственъ къ славѣ битвъ, и жаръ въ его крови
Какъ рдяно-быстрый огнь соломы воспаленной,
Мгновенно вспыхнувшей и гаснущей мгновенно.
Измѣрь и дней число и духа бодрость въ нёмъ,
Изслѣдуй родъ, узнай отца и мать, потомъ
Пусть будетъ для тебя предметомъ испытаній,
Каковъ сподвижникъ твой на поприщѣ рыстаній.

Отверзли Гипподромъ, — сто быстрыхъ колесницъ
Исторгшись изъ забралъ по манію возницъ,
Стекаются, шумятъ, за пальмою несутся;
Сердца младыхъ вождей надеждою біются,
И страхомъ зыблются, и жаромъ грудь кипитъ;
По ребрамъ ихъ коней извитый бичь свиститъ,
Ослабленны бразды струятся надъ хребтами,
Отъ пламенныхъ осей бьетъ сизый паръ волнами;
Едва касаяся копытами земли,
Напрягшись борзые, по долу прилегли,

То вдругъ подъемлясь вверьхъ на крылїяхъ Зефира,
Несутся въ пустотѣ бездоннаго эѳира,
И пышутъ и дрожатъ, и съ ребръ валится дымъ,
И облакомъ песокъ взвивается златымъ,
На побѣдителяхъ отъ побѣжденныхъ пѣна.
Такъ слава имъ мила, такъ пальма драгоцѣнна!

Впервые двѣ четы неопытныхъ коней
Эрихтонъ съединилъ у пламенныхъ осей,
И ввѣрилъ честь побѣдъ колесамъ быстротечнымъ;
Лапитъ вложилъ бразды въ уста дотоль безпечнымъ,
И борзыхъ научилъ подъ всадникомъ въ бронѣ
Опасностей искать и славы на войнѣ,
И стройно бить стопой по манїю возницы.
И всадника хвала и слава колесницы —
Отважный, молодой и рьяный конь въ бѣгу;—
Пускай стократно онъ поставилъ грудь врагу,
Пускай онъ жизнь прїялъ въ Эпирѣ иль Микинахъ,
Пусть родъ его изшелъ изъ нѣдръ земли въ Аѳинахъ;
Но если устарѣлъ и силы больше нѣтъ,—
Въ покоѣ дай ему изжить остатокъ лѣтъ.

Супруга и вождя юницъ твоихъ дебелыхъ —
Избраннаго тельца — отъ дней любви веселыхъ
Роскошно нѣжь луговъ душистыхъ муравой
И тучнымъ молокомъ и влагой ключевой;
Иль тощему любовь не будетъ въ наслажденье,
Безсильный — изведетъ безсильное рожденье.
Но если въ юницахъ зажжется нѣгой кровь,
И вспыхнетъ въ первый разъ знакомая любовь, —
Имъ роскошь возбрани и зелени и тока.
И часто, какъ цѣпы крутясь, стучатъ средь тока,
И скачутъ по снопамъ, и вьется надъ главой
Солома тощая мятелью золотой,
У нихъ отъемлютъ тукъ, полуденной порою
Гоняя по лугамъ дрожащею лозою,
И — новой жизнію засѣянны *бразды* —
Пріемлютъ съ жаждою грядущіе плоды . . .

Съ тѣхъ поръ забудь вождя, и всѣ къ его супругамъ
Заботы устреми; не покоряй ихъ плугамъ,
Отъ тяжкаго ярма чреватыхъ отрѣши,
Не позволяй блуждать въ лѣсистой имъ глуши,

Утесы преходить и преплывать стремнины;
Пускай, уединясь въ безмолвныя долины, —
У полныхъ береговъ прозрачною водой —
Росистою онѣ питаются травой,
Гдѣ тѣнь и волны имъ прохладу разливаютъ,
И гроты мрачныхъ скалъ ко сну ихъ призываютъ.

На красныхъ дебрями Силяра берегахъ
И въ чащахъ ясеней — въ Альбурновыхъ лѣсахъ
Въ кипящій полдня часъ летаетъ чернымъ роемъ
Животное — врагъ стадъ — раждаемое зноемъ,
И жаломъ ядъ ліетъ и ужасомъ жузжитъ,
И стадо въ трепетѣ, разсыпавшись, бѣжитъ
По рощамъ и холмамъ; горя безплоднымъ гнѣвомъ,
Потрясшійся эѳиръ пронзаетъ страшнымъ ревомъ,
И стонъ даетъ Танагръ, изсякшій отъ лучей.
На юницу — на дщерь отъ племени Царей —
Сіе чудовище карающею силой
Юноны мщеніе ревнивой ополчило. —
Чреватыя стада, спасая отъ врага,
Иль утромъ созывай иль вечеромъ въ луга.

Когдаже изведутъ на свѣтъ онѣ рожденье,
О новыхъ жителяхъ — о чадахъ всё раченье;
Клади на чела имъ отличія печать:
Однихъ опредѣли потомство населять,
Иныхъ для алтаря, другихъ назначь для плуга,
Сестеръ ихъ призови на пиръ богатый луга.
Къ Цереринымъ трудамъ назначенныхъ тобой
Покорности учи въ дни жизни молодой, —
Тогда легки для нихъ уроки полевые;
Пусть зыблется изъ лозъ кольцо на юной выѣ;
Склоняться передъ нимъ привыкнувшихъ челомъ
Попарно сопрягай нечуждымъ ихъ ярмомъ;
Тогда вели ступать имъ ровными шагами, —
Смотри — уже они веселыми ногами
Предыдутъ каткому порожнему возку,
Чуть виденъ легкій слѣдъ за ними по песку;
Смотри — и для возовъ уже они созрѣли,
Колеса на оси лѣнивы заскрыпѣли,
И проложили слѣдъ глубокой бороздой.

Не влажнымъ камышемъ, не зеленью одной

Питаютъ въ дѣтствѣ ихъ, не горькимъ листомъ ивы, —
На пиръ имъ приноси избытки щедрой нивы,
И полные сосцы — даръ нѣжныхъ матерей —
Для милыхъ имъ оставь — для лакомыхъ дѣтей;
Въ сосуды молоко цѣдили снѣговые
Владѣльцы бѣдныхъ стадъ — отцы Римлянъ скупые.

Плѣняетъ ли тебя кровавый чести путь,
Иль мирной славою твоя пылаетъ грудь,
Когда стекаются къ Алфею колесницы, —
Питомца юнаго избранной кобылицы —
Ретиваго коня — отъ дѣтства пріучи
Съ веселіемъ взирать на яркіе мечи,
И слышать гласъ трубы и звукъ удилъ знакомыхъ,
И быстрыхъ громъ колесъ, безъ ропота влекомыхъ;
Пусть жаждетъ похвалы младый любимецъ твой,
И радостно дрожитъ, ласкаемый рукой.
Доколь не опытенъ, доколь въ немъ юны силы,
Пока довѣрчивъ онъ, вложи ему удилы;
Съ четвертою весной учи его скакать,
И землю звонкими копытами топтать,

И быстрыми въ бѣгу ворочаться кругами,
И гибкими разъ въ разъ перебирать ногами.
Смотри — ужь онъ въ поляхъ — не чувствуетъ удилъ
Помчался — полетѣлъ и вѣтръ опередилъ,
Чуть видный слѣдъ копытъ возлегъ на прахъ зыбучій.
Такъ съ Полночи возставъ, и пламенныя тучи
И бури Скиѳіи волнистою грядой
Сердитый Аквилонъ предводитъ предъ собой, —
И, стихнувъ, кроткими подуетъ онъ устами,
Играетъ съ нивою, лобзается съ кустами,
И шепчетъ съ муравой, и длинные валы
Подъ крылами его чуть плещутъ о скалы,
Въ полетѣ онъ мететъ и воздуха равнины
И свѣтлый водъ кристаллъ и спящія долины.
Въ дни мира воздоенъ заботливой рукой
Побѣдой возблеститъ младый питомецъ твой,
Предстанетъ предъ мету покрытый потомъ славы,
Безстрашно потечетъ съ тобою въ путь кровавый.
Позволь ему тучнѣть, когда уже обыкъ
На твой привѣтный гласъ и на журливый крикъ

Склонять чело, или надежному на силы
Ничто жестокій бичь и крѣпкіе удилы.

У пламенныхъ коней и ревностныхъ тельцовъ
Отъемлетъ крѣпость силъ заботлива любовь;
Игриваго тельца съ подругою младою
На паствѣ раздѣли широкою рѣкою,
Или оплотами непреходимыхъ скалъ,
Или — чтобъ день и ночь у яслей онъ стрѣпалъ.
Предъ нею таетъ онъ — задумчивый — унылый,
Ни рощи тѣнь ему, ни красный лугъ не милы. —
И часто прелестью погибельной своей
Она соперниковъ изводитъ въ поле прей,
Сама — спокойная — блуждаетъ вдоль дубравы,
Любовники ея вступаютъ въ бой кровавый;—
Сошлись — чело съ челомъ — во взорахъ пышетъ гнѣвъ,
Сразились — кровь струей изъ-подъ роговъ, и ревъ
Пронзаетъ дальній лѣсъ и воздуха пучины. . . .
И тѣсны двумъ врагамъ широкія долины,
И миру нѣтъ у нихъ; соперникомъ попранъ —
Одинъ въ изгнаніе подъ небо чуждыхъ странъ

Идетъ оплакивать позоръ неотомщенный
И язвы и предметъ у страсти похищенный;
Воззрѣвъ въ послѣдній разъ на прелести луговъ
Заноситъ томный шагъ съ родимыхъ береговъ.

Далеко отъ врага и родины блуждая,
На жоскихъ терніяхъ межь скалъ обнощевая,
Питаясь камышомъ и острой осокой,
Онъ силы новыя готовитъ въ новый бой;
Разитъ дебелы пни сердитыми рогами,
И воздухъ бьетъ челомъ и прахъ крушитъ ногами;
И, силы испытавъ, къ струямъ знакомыхъ водъ —
Къ безпечному врагу нежданный месть ведётъ.
Такъ легкая волна въ равнинахъ океана
Едва бѣлѣется въ далекой мглѣ тумана;
Но ближе къ берегамъ — свивается въ валы,
Вздымается, реветъ и хлещетъ о скалы,
И вставъ угрюмою надъ безднами горою
Падетъ, и черный илъ вращаетъ надъ водою.

Тебѣ покорно всё, могущая любовь!
И смертный — Царь земли, и дикій сынъ лѣсовъ,

И чада синихъ волнъ, и жители эѳира,
Твой пламенникъ горитъ для всѣхъ питомцевъ міра:
Тамъ львица страшная, забывъ своихъ дѣтей,
Гонимая тобой, рыкаетъ средь степей;
Медвѣдей черный полкъ, Ливійскихъ тигровъ стая
Блуждаетъ по пескамъ, убійство разсѣвая;
Неистовымъ вездѣ предходитъ смерти страхъ,
И горе путнику въ безлюдныхъ сихъ краяхъ!

Смотри, какъ юный конь трепещетъ вожделеньемъ,
Коль вѣтръ къ нему дохнетъ знакомымъ наслажденьемъ;
Тогда ничто ему и крѣпкія бразды,
И свистъ крутыхъ бичей, и мрачна глубь воды,
Стремленьемъ каменны вращающей громады;
Утесы и скалы — безплодныя преграды.
Пустыни дикой вепрь, готовяся на бой,
Исходитъ изъ пещеръ, о землю бьетъ ногой,
О дубы ребра третъ, и силы укрѣпляетъ,
И страшный рядъ зубовъ о камни изощряетъ.

Чтожъ юноша, коль страсть кипитъ въ крови младой?..
Подъ грознымъ воемъ водъ, объятый нощи мглой,

Онъ мчится по волнамъ на брегъ любви знакомый, —
И тщетно надъ главой ревутъ сердиты громы,
И вьются молніи, и пѣнисты валы
Дробятся съ грохотомъ о твердыя скалы,
И тщетенъ вопль родныхъ и тщетны слезы милой,
Готовой влажною сопречься съ нимъ могилой.

Тамъ воетъ волкъ сѣдой, и будитъ спящій лѣсъ,
Тамъ вѣрный дома стражъ — на брань исходитъ — песъ.
Тамъ рыси зоркія и робкіе елени
Несутъ врагамъ войну, забыты мирны сѣни . . .
Но кто изобразитъ неистову любовь
Игривыхъ кобылицъ — красавицъ табуновъ?
Отмщеніемъ за нихъ на Главка пламенѣя
Имъ страсти огнь сама вдохнула Діонея ;
Могущая любовь чрезъ выси горъ крутыхъ,
Чрезъ хляби грозныхъ водъ преноситъ быстро ихъ.
Повѣявшей веснѣ, когда младый Фавоній
Вливаетъ пламень въ кровь дыханьемъ благовоній;
Онѣ на крутизнахъ стоятъ высокихъ горъ,
На западъ обратя и влажный нѣгой взоръ

И страстныя уста, пьютъ вѣтровъ ароматы,
И, чудо! Зефиромъ повѣявшимъ чреваты,
Отъ горной высоты по доламъ и холмамъ
Разсыпавшись, бѣгутъ не къ Эвровымъ странамъ,
Не въ свѣтозарный край Востока золотаго
И пурпурной зари и утра молодаго;
Но въ сѣверны поля, но въ мрачныя страны,
Отколѣ осень къ намъ приводитъ въ буряхъ дни.
Тогда неистовымъ онѣ восторгомъ млѣютъ,
И ядъ погибельный и ядъ любовный сѣютъ,
Жестоки мачихи съ полей его собравъ,
Мѣшаютъ съ чарами и сокомъ вредныхъ травъ . . .
Куда, полна любви, несешься мысль крылата?
Часы бѣгутъ, летятъ и нѣтъ для нихъ возврата.

Я славилъ табуны и кравъ стада; отсель
Овецъ и рѣзвыхъ козъ поетъ моя свирѣль.
Имъ часть твоихъ трудовъ, питомецъ сѣлъ и мира!
Отъ нихъ жди мягкихъ рунъ и лакомаго сыра.
Дерзнулъ Парнасскими цвѣтами увѣнчать
Дѣла, носящія ничтожества печать?

Но верхъ горы святый небесною красою
Блеснулъ, и съ полною веселія душою, —
Любовью горнихъ Дѣвъ въ безвѣстный край влекомъ, —
Стремлюся по степямъ, подернутымъ волчцомъ,
Приди — возвысь мой гласъ, великая Палеса!

Доколѣ въ вѣтвіяхъ осиротѣвшихъ лѣса
Бунтуетъ Аквилонъ, нѣтъ сѣни молодой, —
Подъ кровлей отъ стоговъ питай овецъ травой,
Роскошно устилай съ рожденіемъ денницы
Соломой мягкою ихъ жоскія ложницы,
И нѣжныхъ не дерзнетъ зимы коснуться хладъ
И гибельныхъ заразъ неизцѣлимый ядъ.
Козамъ съ прибрежныхъ ивъ въ корзинахъ снѣдь сухую
И воду приноси въ сосудахъ ключевую;
Пусть солнце южное подъ кровы ихъ скользитъ,
Доколь подъ бременемъ зимы тяжелымъ спитъ
Унывшая земля, и Водолей холодной
Ненастіе дождитъ изъ урны водородной.
Раченье удѣляй и имъ, и мздой заботъ
Сторицей воздадутъ въ благое время плодъ.

Пускай мѣняется на злато чужеземно
Милетское руно, багрянцемъ напоенно, —
И козы пастыря сокровищемъ дарятъ;
Онѣ семействами весной изводятъ чадъ,
Сосцы ихъ бѣлою амврозіей богаты;
Точимое въ дойникъ, исполненный стократы,
Млеко ихъ — каждый разъ потокомъ снѣговымъ
Ліется по перстамъ завистливымъ твоимъ;
Козлы съ густой брады — идущихъ въ путь далёкой
Дождливой осьнью — подъ бурею жестокой —
Одеждою дарятъ — и ратныхъ и пловцовъ;
Взойдетъ ли день, — одни блуждаютъ межъ кустовъ,
Подъ тѣнію дубравъ и по холмамъ Ликея;
Нисходитъ ли въ моря отъ Геспера блѣднѣя, —
И, чуждый твоего надзора и заботъ
Брадатый вождь — подъ кровъ супругъ и чадъ ведётъ;
Веселы матери едва влекутъ чрезъ праги
Тяжелые сосцы и бѣлой полны влаги. —
Безпечныхъ огради отъ хлада и снѣговъ,
И въ зиму не жалѣй для лакомыхъ стоговъ.

Дохнутъ ли нѣгою крылатые Зефиры,
И юную весну сведутъ на долы сиры, —
Сзывай стада твои съ денницею младой
На пиршество луговъ, блистающихъ росой,
Весельемъ дышущихъ и роскошью прохладной;
Но минетъ утра часъ и—нѣтъ росы отрадной,
И пѣсни стрекоза докучны разольётъ, —
Томимыхъ жаждою веди къ потоку водъ;
Полуденной порой ищи прохладной тѣни,
Гдѣ вѣтви распростеръ свидѣтель поколѣній—
Величественный дубъ—Юпитеру священъ,
Гдѣ ивы блѣдныя сплетаютъ мрачную сѣнь;
И снова ихъ зови къ источникамъ сребристымъ,
И снова имъ позволь блуждать по доламъ мшистымъ,
Доколь свѣтило дня сокроется въ моря,
И воздухъ охладитъ вечерняя заря,
Росистая Луна дастъ нову дебрямъ силу,
И Гальціона пѣснь переліетъ унылу
Внимательнымъ брегамъ, и Филомелы гласъ
На долы призоветъ восторговъ тихій часъ.

Въ пустынной Ливіи, подъ чистымъ кровомъ неба,
Гдѣ льется вѣчный зной съ власовъ огнистыхъ Феба,
И дальній небосклонъ скрываетъ отъ очей
Разсѣянны въ степяхъ убѣжища людей, —
Тамъ бѣдныя стада и пастырь одинокой
При яркомъ свѣтѣ дня и ночью — въ тьмѣ глубокой —
По цѣлымъ мѣсяцамъ скитается въ поляхъ;
Вожатый ихъ влачитъ и лукъ на раменахъ,
И тулъ пернатыхъ стрѣлъ; съ нимъ отческіе боги,
Съ нимъ Амиклейскій песъ, весь бытъ, весь домъ убогій.
Такъ доблестныхъ Римлянъ побѣдоносный строй
Подъ тяжкимъ бременемъ безропотной стопой
Во всеоружіи идетъ на подвигъ бранный,
И ставитъ предъ врагомъ шатры свои нежданный.

Въ угрюмой Скиѳіи — у Меотійскихъ водъ,
Гдѣ бурный Истра токъ въ крутыхъ брегахъ ревётъ,
Вращая черными златой песокъ волнами,
Гдѣ къ Полночи Родопъ простерся раменами, —
Печальныя стада печальной стороны
Подъ кровомъ день и ночь срѣтать осуждены.

Тамъ нѣтъ въ поляхъ травы, дубравы помертвѣли,
Тамъ горы цѣлыя навѣяли мятели,
Тамъ сѣетъ хладъ Зима недремлющей рукой,
Тамъ дышетъ мразомъ Кавръ и вьюгою сѣдой,
Тамъ солнце блѣдной мглы не побѣждаетъ свѣтомъ,
Ни радостнымъ землѣ въ часъ утренній привѣтомъ,
Ни яркимъ пламенемъ, облекшимъ неба сводъ,
Ни въ часъ, когда оно отъ пурпурныхъ высотъ
Въ чертоги влажные нисходитъ Амфитриты;
Тамъ рѣки плещущи, мгновенно льдомъ покрыты,
Незыблемо стоятъ подъ тяготой колесъ,
Гдѣ плавали суда и мачтъ крылатыхъ лѣсъ;
Тамъ хладъ у путника оковываетъ вѣжды
И мягкіе власы и грубыя одежды,
Дыханье инеемъ ложится на брады;
Тамъ цѣльнымъ льдомъ до дна срастаются пруды,
Тамъ влажное вино желѣзомъ разсѣкаютъ,
И чаши мѣдныя морозы расторгаютъ.
Въ сгущенномъ воздухѣ надъ спящею землёй
Мятели плаваютъ станицею сѣдой,

И гибнутъ агницы надъ сонными лугами;
Дебелые волы, осыпанны снѣгами,
Недвижимы стоятъ, и смерть во взорахъ ихъ;
Тамъ цѣлыя стада еленей молодыхъ
Погрязли въ хладный пухъ на тундрахъ прежде мшистыхъ,
Чуть видимы роговъ верхи многовѣтвистыхъ;
Тогда ни мѣткій лукъ, ни выжлятъ рѣзвый рой,
Ни сѣть разставленна, — облегшій снѣгъ горой
Имъ гибель вѣрная, и робкіе безплодно
Д белой грудію біютъ оплотъ холодной;
Ревущихъ жалобно ловцы, пронзивъ копьёмъ,
При кликахъ радости влекутъ въ подземный домъ,
Отколь, на очагахъ пылающіе вязы
И дубы цѣлые, со тьмою гонятъ мразы.
Тамъ въ ночи долгія при заревахъ огня,
Безпечные сидятъ за чашами вина —
За нектаромъ ихъ странъ — рябины алымъ сокомъ, —
И радость въ ихъ сердца ліется чистымъ токомъ.
Такъ въ Сѣверѣ народъ — свободы вѣрный другъ —
Свершающей лунѣ седмькраты полный кругъ,

Проводитъ день за днемъ; покровъ ему отъ хлада—
Пушистый мѣхъ звѣрей и жоски волны стада.

Когда же для руна разводишь ты овецъ, —
Бѣги кустовъ и мѣстъ, гдѣ стелется волчецъ,
И пастбы лакомой роскошною травою.
Пусть волною онѣ гордятся снѣговою
И шелковистою; — но если у овна
При яркой бѣлизнѣ, при нѣжности руна
Языкъ погибельной облекся чернотою, —
Разстаться повели нещастному съ семьёю; —
Иль пятна перейдутъ въ наслѣдіе дѣтей; —
Овцамъ другаго дай вождя съ твоихъ полей.
Самъ Панъ — гласитъ молва — подъ волной убѣленной
Младымъ предсталъ овномъ Діанѣ изумленной,
И, взоры дѣвственны покровомъ обаявъ,
Несклонную воззвалъ въ густую сѣнь дубравъ.

Плѣненъ ли ты млека амврозіей пріятной, —
И лотосъ приноси рукою щедродатной
И лакомый щавелъ на сытый пиръ овцамъ,
И солью снѣдь приправь, зовущею къ струямъ;

Тогда исполненны душистою росою

Сосцы ихъ изліютъ твой даръ передъ тобою.

Иные, отдоивъ мужающихъ дѣтей,

Не позволяютъ имъ касаться матерей,

Бодающимъ главы булатомъ воружая;

Блеснетъ ли въ небесахъ денница молодая,

Иль фебъ взойдетъ, — доятъ завистливой рукой

Бѣлолилейное въ сосуды молоко;

Въ ночи готовятъ сыръ, и съ первыми лучами

Исходятъ въ городъ съ нимъ веселыми стопами;

Иль въ темны погреба съ приправою кладутъ,

И въ зиму для пировъ безплодную блюдутъ.

И выжлятъ не забудь, отъ Спарты, отъ Эпира

Пріятнымъ, удѣляй млеко — останки сыра;

Не ихъ ли бдѣнію повѣривщій овновъ

Ты дремлешь, не боясь ни татя, ни волковъ?

Не ими ли порой еленей вѣтвероrихъ,

Онагровъ трепетныхъ и зайцевъ быстроногихъ

И серну легкую слѣдишь изъ края въ край;

Иль съ звуками роговъ и съ крикомъ сливъ ихъ лай.

И сѣти скрытныя разстлавъ у высей холмныхъ,
За вепремъ гонишься среди степей безмолвныхъ?
Вокругъ веселыхъ стойлъ, подъ мирнымъ кровомъ стад
Гальбана возжигай и кедра ароматъ;
Тамъ сѣрая змія подъ яслями сокрыта,
Тамъ ящерица спитъ, и мракъ для нихъ защита,
Рожденнымъ въ пагубу вертепъ злодѣйства тамъ,
Оттоль износятъ ядъ и агнцамъ и воламъ.
Но если змій, крутясь, сверкаетъ чешуею,
И вдругъ, шипящую подъемля грозно шею,
Встаетъ . . . жезломъ его и камня тягостой
Низринь . . . глава твоей безтрепетной рукой
Отторгнута, ползетъ въ ущелья тьмой объяты,
За нею медленно влечется хвостъ колчатый . . .
На сѣнолиственныхъ Луканскихъ берегахъ
Есть змій и пастуховъ и стадъ безпечныхъ страхъ;
Блистаетъ чешуей хребетъ его извистый,
По чреву краплины эмальныя разлиты;
Дождливой осенью и влажною весной,
Когда и брегъ и долъ упитаны водой,

Роскошный тины гость во мракѣ блатъ витаетъ,
И алчность рыбами несытую питаетъ;
Изсякнетъ ли вода отъ пламенныхъ лучей, —
Неистовый бѣжитъ изъ хрупкихъ камышей,—
Гонимый жаждою и зноемъ утомленный,—
Онъ трепетъ на поля наводитъ обновленны,
Сверкаетъ гнѣвомъ взоръ, клубится ядомъ грудь; —
Тогда я не рѣшусь усталый отдохнуть
На лонѣ сна въ тѣни кустарниковъ вѣтвистыхъ,
На Флориныхъ коврахъ и мягкихъ и душистыхъ;
Тогда коварный змій забывъ и домъ и чадъ,
Совлекшись вѣтхихъ ризъ и въ новыхъ снова младъ,
Излучистой стезей віется межь кустами,
И вдругъ, привставъ, грозитъ трижальными устами.

Еще вниманіе ко мнѣ — къ урокамъ сёлъ!
Начало и вину тебѣ открою золъ,
Разсѣевающихъ въ семействахъ стадъ заразы.
Осенніе дожди и спутники ихъ мразы,
Проникши рунный кровъ трепещущихъ овецъ,
И жала остреемъ язвящій ихъ волчецъ,

И охладѣвшій потъ съ остриженныхъ несмытый,
Наводятъ тайный ядъ и раны имъ открыты.
Чтобъ язвы упредить, позволь твоимъ стадамъ
Ввѣряться зеркальнымъ безъ трепета водамъ,
Пускай стремнины рѣкъ овенъ преплывъ отважный,
Стрясаетъ на брегу съ руна жемчуги влажны;
Иль мягку волну снявъ, убійственну больнымъ,
Тѣла ихъ умасти бальзамомъ восковымъ,
Сліяннымъ съ тучными останками елея,
Со ртутью рѣзвою, младыхъ снѣговъ бѣлѣя,
Съ горючей сѣрою и блѣдно-золотой,
Съ цвѣтами чемерицъ и черною смолой.
Ты хочешь по трудамъ узрѣть конецъ желанный,—
Желѣзомъ извлеки свирѣпый ядъ изъ раны;
Безмолвный притаясь подъ язвою Недугъ
Питается, ростетъ въ то время, какъ пастухъ
Не хочетъ дланію коснуться къ ней цѣлебной,
И въ праздности къ богамъ возноситъ гласъ молебной.
Когда жестока боль, проникнувъ до костей,
Проходитъ огненной изъ члена въ членъ струей,

Надрѣжь у самыхъ стопъ Халивской сталью жилу,
И пламени умаль неистовую силу.
Такъ чада быстрыя Родоповыхъ холмовъ
Подъ лезвіемъ меча струящуюся кровь
Пріемлютъ отъ коней въ скудельные фіалы,
И сливъ ее съ млекомъ, въ пирахъ пьютъ нектаръ алый.

Смотри — когда овца, иль стада вождь — овенъ
Чуждается подругъ, уходитъ часто въ сѣнь,
Иль щиплетъ мураву лѣнивыми устами,
Иль медленно идетъ за рѣзвыми овцами,
Или отставъ отъ нихъ, ложится средь полей,
Или торопится съ угасшею зарей
Къ начлегу мирному безъ кровныхъ, одинокой; —
Зло смертью упреди, доколь Недугъ жестокой
Всемѣстной по стадамъ заразы не промчалъ.

Не столько въ морѣ волнъ о грудь дробится скалъ,
Сколь много немощей убійственныхъ для стада . . .
И гдѣ предѣлы имъ, гдѣ вѣрная преграда?—
Несытыя — онѣ изъ края въ край идутъ, —
И дѣти и отцы и матери падутъ,

И гаснетъ цѣлый родъ на мѣстѣ разрушенья.

Тотъ зрѣлъ обширнаго слѣды опустошенья,

Кто Альповъ высоты и Норики предѣлъ

И дремлющи брега Тимавскіе прешелъ.

Уже листы съ деревъ стократно облетѣли,

Какъ паствы—мирныя для стадъ—осиротѣли ;

Гдѣ нѣкогда былъ край щастливыхъ пастуховъ,

Тамъ вѣтры томные надъ степью вокругъ мховъ.

Тамъ язва лютая подъ знойнымъ лѣта небомъ

Взросла, питаема огнеродящимъ Фебомъ;

Въ туманахъ осени тлѣтворный ядъ созрѣлъ,

И воды заразилъ и пажитей удѣлъ . . .

Все было смерти плѣнъ, и—украшенье стада —

Дебелые волы, и мрачныхъ дебрей чада.

Кончина ихъ была — ужасный муки часъ :

По жиламъ черный огнь трепещущимъ ліясь ,

Съ палящей жаждою перебирался въ члены;

И вдругъ, съ потокомъ влагъ кипящимъ растворенный,

По слякшимся костямъ съ отравой пробѣгалъ ,

И тающую жизнь по каплямъ истощалъ . . .

И жертвы многія, представшія божницѣ,
Тѣмъ временемъ какъ ножъ дремалъ еще въ десницѣ,
Какъ лентіемъ главы вѣнчалися жрецовъ,
Безкровны падали на жоскій одръ песковъ;
Иль кровь закланныхъ жертвъ до часу роковаго
Едва багрила зыбь помоста золотаго.
Угасли алтари, безплодно волю жрецъ
Испытывалъ боговъ во внутреннихъ сердецъ.
Смерть рыщетъ по лугамъ, обходитъ мирны селы,
Забытъ и пажитей и яслей пиръ веселый;
Простерта всюду скорбь: тамъ палъ овенъ младой,
Тамъ гибнетъ крѣпкій волъ надъ лакомой травой,
Тамъ вѣрный дома стражъ, объятый солнца зноемъ,
Пророчитъ смерть свою протяжно-томнымъ воемъ.

Питомецъ славы — конь задумчиво стоитъ,
И шумный гипподромъ и лѣсъ знаменъ забытъ,
Не щиплетъ муравы, бѣжитъ потоковъ хладныхъ,
Копытомъ землю бьетъ въ мученьяхъ безотрадныхъ,
И уши чуткія небрежно опустилъ;
По членамъ хладный потъ, взоръ мутенъ и унылъ,

Изсякъ и отвердѣлъ покровъ костей наружный . . .
Но если потерялъ надежду всю недужный,
Но если въ немъ разлитъ неизцѣлимый ядъ, —
Мученье новое: — глаза огнемъ горятъ,
Дыханье тяжкое изводитъ стонъ страданій,
Вся внутренность дрожитъ, языкъ, прильпнувъ къ гортани,
Раждаетъ огнь въ устахъ, и духъ спираетъ вновь,
И хлещетъ изъ ноздрей потокомъ черна кровь.

Недужному вино отраду приносило;
Но скоро, побѣжденъ неистовою силой,
Въ приливахъ ярости сгарающій огнемъ,
Нещастный открывалъ источникъ смерти въ немъ,
И, скорбной жизни врагъ, въ послѣднія минуты, —
О небо, отврати отъ насъ ударъ сей лютый! —
Онъ зубы острые на гибель отверзалъ,
И съ скрежетомъ себя въ безпамятствѣ терзалъ.

Въ поляхъ унывшихъ волъ, дымящійся подъ плугомъ,
Надъ зыбкой бороздой застигнутый недугомъ,
Упалъ — изъ устъ и кровь и пѣна бьетъ волной.
Печальный земледѣлъ дрожащею рукой

Сложивъ яремъ съ тельца, скорбящаго о братѣ,
Идетъ къ женѣ своей вздыхать о горькой тратѣ,
И рало сирое подъ хрупкой глыбой спитъ.
Ни дебрей горныхъ сѣнь — отъ зноя вѣрный щитъ —
Ни красные брега, ни токи водъ кристальныхъ,
Шумящихъ радостно по дну песковъ янтарныхъ,
Ничто не возвратитъ страдальцамъ прежнихъ силъ;
Изсякли ихъ чресла, взоръ мутенъ и унылъ,
Отяготѣвшая склонилась долу выя.

Что ревностнымъ въ трудахъ работы полевыя,
Что въ потѣ ихъ лица объятія земли
Отверсты сѣменамъ — что пользы принесли? . . .
Отколь нещастнымъ зло? и сокъ Ленея пѣнный
И брашны чужды имъ, искуствомъ утонченны;
Ихъ пиршество — струи у полныхъ береговъ,
Младыя вѣтви древъ и мурава луговъ;
Ни жизни суеты, ни мрачныя печали
Сновъ кроткихъ никогда у нихъ не похищали.

Въ тѣ дни, гласитъ молва, чтобъ гнѣвъ смягчить боговъ,
Вотще на пажитяхъ искали двухъ воловъ;

Съ завѣтной жертвою въ Юнонину божницу
Два буйвола влекли неровныхъ колесницу.
Оратай раздиралъ и въ потѣ и въ пыли
Тяжелымъ заступомъ дебелу грудь земли,
Ввѣрялъ ей сѣмена холодными перстами,
Кропимы не росой — горючими слезами,
И выю подклонивъ, чрезъ тонкіе пески
На выси горны влекъ скрыпучіе возки.

Несытый прежде волкъ — недугомъ пораженной,
Овецъ не стережетъ въ засадѣ потаенной;
И серна робкая и быстронога лань
Въ станицахъ бродятъ псовъ межъ кровами селянъ.
Какъ снасти корабля, разбитаго водами,
Простерты по брегамъ питомцы волнъ стадами;
Въ пещерахъ смертію застигнута змія,
И дыбомъ возстаетъ на гидрахъ чешуя;
Погибшихъ стаи птицъ въ эѳирѣ полномъ яда
Безъ жизни падаютъ на землю тучей града.

Безъ пользы преселялъ заботливый пастухъ
Страдальцевъ немощныхъ изъ луга въ новый лугъ;

Хиронъ и самъ Мелампъ не притупляли жала;
Врачующая длань болѣзни умножала;
Мегера блѣдная отверзла мрачный Адъ —
Ей Страхъ сопутствуетъ, Недуги предлетятъ;
Подъявшая главу надъ трупами высоко,
Питаетъ тьмами жертвъ ненасытимо око.
Блеянiе овновъ и ревъ падущихъ кравъ
Лiется по водамъ, и будитъ сонъ дубравъ;
Смущаетъ берега, наводитъ грусть на долы,
И полны мертвыхъ тѣлъ и пажити и сёлы;
Погибшiя землѣ ввѣряются съ руномъ.
Вотще струями водъ и рдѣющимъ огнёмъ
Ихъ волну мягкую отъ яду свобождали;
Возросшей немощи ничѣмъ не побѣждали,
И горе смертному, кто дерзкою рукой
Касался вредныхъ рунъ и ткани роковой!
По тѣлу краплины вздымались воспаленны,
Тлѣтворный потъ росой переливался въ члены,
Неугасимый огнь по жиламъ пробѣгалъ,
И смерти близкiй часъ страдальцу прорекалъ.

---

# ПѢСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

# ПѢСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Прославимъ даръ боговъ — горящій златомъ мёдъ,
Душистою росой сходящій къ намъ съ высотъ!
Приди, о Меценатъ! и — узришь предъ тобою
Твореній слабыхъ родъ съ великою душою: —
Царей — престоловъ честь, ихъ мудрости слѣды,
Права, народы, брань и мирные труды.
Предметы малые . . . но блескъ обыдетъ славы,
Кому Парнасса Богъ внимаетъ величавый.

Въ началѣ избери селеніемъ для пчелъ
Долину тишины, гдѣбъ Эвръ дышать не смѣлъ;
Безжалостный въ пути свиваетъ легкихъ крылы,
Несущихъ дань съ полей подъ кровъ отчизны милый;
Гони оттоль овецъ и кравъ и рѣзвыхъ козъ,
Стрясающихъ съ цвѣтовъ жемчужны капли росъ;
Гони и черныхъ змѣй и ящерицу скрытну
И ласточку и жолнъ — всю стаю ненасытну;

Имъ ужасъ предлетитъ, имъ алчна смерть во слѣдъ,
Онѣ уносятъ пчелъ на лакомый обѣдъ.

Люблю, когда вблизи, сверкая влагой чистой,
Прудокъ въ безмолвіи лобзаетъ берегъ мшистой;
Иль вьющійся ручей въ травѣ журчитъ младой,
И древняя ветла склонилась надъ водой;
Когда слетитъ весна на мирныя долины,
И юные вожди и юныя дружины
Играютъ, удалясь отъ сотовъ золотыхъ:
Имъ древо влажну тѣнь въ вѣтвяхъ даетъ густыхъ,
Сосѣдніе брега усталыхъ призываютъ,
И въ знойные часы прохладу разливаютъ,
И нѣжатъ роскошью на пурпурныхъ цвѣтахъ.
Среди бѣгущихъ водъ, иль дремлющихъ въ брегахъ
Эѳирнымъ путникамъ надежными мостами
И камней набросай и гибкихъ лозъ мѣстами;
Когда подувшій Эвръ ихъ стаи разнесётъ,
Иль быстро съ высоты низринетъ въ зыби водъ:
На перекладинахъ собравъ послѣдни силы,
Спасенные прострутъ на солнце влажны крылы,

Люблю, чтобъ вкругъ дышалъ и ландышъ и ясминъ
И роза дикая и благовонный тминъ;
Фіалки преклонясь съ бреговъ къ водѣ главами,
По волѣ Зефира лобзалися съ струями.

Для пчелъ покойный домъ искусною рукой
Изъ гибкихъ ивы лозъ иль изъ коры устрой,
Пусть малыя врата для входу онъ имѣетъ;
Отъ жару медъ течетъ, отъ холоду густѣетъ,
Жестокость ихъ грозитъ погибелью пчеламъ . . .
Смотри, какъ легкія нахлынули къ ульямъ,
Съ запасомъ восковымъ, станицей внутрь влетѣли,
И всѣ наперерывъ къ одной стремятся цѣли;
Спѣшатъ, несутъ цвѣты, въ разсѣлины кладутъ,
И клей растопленный и смолу въ нихъ ліютъ.
Онѣ и подъ землей жилища созидаютъ,
Въ распадшихся древахъ и въ камняхъ обитаютъ, —
Невѣрный отъ бѣды для домовитыхъ край! —
На кровы ихъ вѣтвей зеленыхъ набросай,
И глиною обмажь зіяющія стѣны:
Тогда ничто имъ зной и хладъ ожесточенный.

И тисса не сади, гдѣ царство ихъ цвѣтётъ,
И рака не сжигай — питомца мутныхъ водъ;
И черна глубь озеръ и сиза влага ила
Ихъ алчности слѣпой отверстая могила;
Страшись отзывныхъ скалъ, гдѣ эхо, пробудясь,
По дебрямъ вторитъ трескъ, скрыпъ древъ и врана гласъ.

Едва слетитъ весна, и, хладъ зимы суровой
Прогнавъ, на дольній міръ повѣетъ жизнью новой;
Игривыя летятъ по рощамъ и лугамъ,
Жнутъ пурпурны цвѣты, ласкаются къ водамъ,
Надъ мрачной глубиной ихъ носятъ легки крыла;
Весна имъ нова жизнь, весна имъ нова сила;
Тогда заботы ихъ — потомство, кровъ родной,
Тогда готовятъ воскъ, льютъ въ соты медъ златой.
Смотри, какъ по зыбямъ весенняго эѳира
Плыветъ ихъ черный полкъ въ дыханіи Зефира,
И облакомъ живымъ віется надъ тобой; —
Стремись за ними въ слѣдъ внимательной стопой:
Ихъ цѣль — токъ чистыхъ водъ и тѣнь лѣсовъ густая,
Тамъ ищетъ вкусныхъ брашнъ легкорылатыхъ стая,

Тамъ нѣжный ароматъ по воздуху разлей
Мелиссы лакомой и дѣвственныхъ лилей,
И слухъ ихъ поразя бряцающимъ кимваломъ, —
И въ домъ свой бѣглецы кипящимъ хлынутъ валомъ.

Коль въ царствѣ два царя въ раздорѣ межъ собой, —
Въ народѣ миру нѣтъ, и дышетъ все враждой.
Легко предугадать мятежныя волненья,
Гнѣздящійся въ сердцахъ духъ распри и киченья;
Возстанетъ бранный шумъ, какъ трубъ прерывный гласъ
Нѣмѣющій вдали въ кровавый битвы часъ.
Тогда всѣ въ трепетѣ стекаются полками,
И воздухъ вкругъ струятъ дрожащими крылами,
Готовятъ къ бою грудь и жалы изостря,
Несутся къ знаменамъ, толпятся вкругъ царя,
И кликами зовутъ врага на страшну сѣчу,
И мужество въ сердцахъ несутъ ему на встрѣчу.
Едва проглянетъ день сквозь утренній туманъ,
Эѳирныя поля откроютъ битвы станъ, —
Всѣ ринутся изъ вратъ, всѣ къ бою понесутся,
И рати двухъ вождей смѣшаются, сольются,

И шумомъ бурной при окрестность огласятъ,
Совьются вихремъ въ клубъ и воздухъ огустятъ;
И слабый и герой — жестокой сѣчи жертвы —
Съ ѳѳирной высоты падутъ на землю мертвы.
Такъ долу градъ падетъ, такъ дубъ дождитъ плоды.
Царей блистательны доспѣхи и труды; —
Вожди дружинъ — они изъ строя въ строй летаютъ,
И въ *малой* ихъ груди великій духъ питаютъ,
Вливаютъ въ воевъ огнь и съ поля ни на шагъ,
Доколь въ позорный бѣгъ не обратится врагъ.
Такъ рати бранію волнуются крамольной, —
Брось пыли горсть на нихъ — спокоятся невольно.

Отъ брани уклонивъ враждебные полки,
Безсильнаго царя въ дань смерти обреки;
Онъ бремя подданныхъ несытою алчбою:
Осиротѣвшій тронъ повѣрь вождю — герою.
Защитникъ родины, гроза противныхъ силъ,
Блистаетъ чешуей златогорящихъ крылъ
И важностью чела и свѣтлостію взора;
Другой — народныхъ благъ невѣрная опора —

И нѣгой изможденъ и чрева тяготой.

И рати двухъ вождей различны красотой:
Однихъ презрѣнный видъ, чешуйчатыя крылы,
Щетинистый хребетъ — подобны влажной пыли,
Которую отъ устъ запекшихся отрясъ
На землю пѣшеходъ, идущій въ знойный часъ;
Эмалью у другихъ покрытъ хребетъ и выя,
И капли по крыламъ разлиты золотыя;
Имъ славу уступи, имъ предковъ милый кровъ, —
И соты полные въ возмездіе трудовъ
Въ благой пріимешь часъ; ихъ медомъ искрометнымъ
Пріятный винамъ вкусъ вливаютъ многолѣтнымъ.

Но если бѣглецы оставя кровъ родной
И соты хладные, станицею густой
Безъ пользы, безъ заботъ по воздуху кружатся, —
Вели — и рѣзвыя къ Пенатамъ обратятся;
Безжалостно крыле исторгни у вождей, —
И кто изъ ихъ толпы отважною стезей
Дерзнетъ изъ стана вдаль, развить хоругви въ полѣ,
Сѣдящему царю смиренно на престолѣ?

Безпечную орду манятъ подъ отчій кровъ
Душистые цвѣты смѣющихся садовъ;
Тамъ птицамъ лакомымъ и хищникамъ грозою
Лампсака воружи ракитовой косою;
И сосны тучныя и благовонный тминъ
Пересели туда съ любимыхъ имъ вершинъ;
Тамъ розы и шафранъ разсаживай рядами,
Лелѣй и оживляй прохладными водами.

Когда бы мой корабль, кончая путь въ моряхъ,
Ко брегу не спѣшилъ на быстрыхъ парусахъ;
Быть можетъ, кисть моя, плѣненная цвѣтами,
Живописала бы игривыми чертами
Луканскіе сады, гдѣ Флора каждый годъ
На шелковыхъ коврахъ двукраты пиръ даётъ;
Тогда бы, можетъ быть, подъ пѣснію моею
Прохладныя струи поили цикорею,
Извитый огурецъ чреватѣлъ подъ травой,
Задумчивый нарцисъ склонялся надъ водой,
И кудрями акантъ согбенный величался,
И блѣдно — гибкій плющь съ древами обнимался,

И мирты — нѣжные любовники бреговъ —
Сплетались межъ собой среди моихъ садовъ.

Въ странѣ, гдѣ въ камышахъ Галезъ віясь лѣнивый,
Водами черными поитъ златыя нивы,
Корцирскій старецъ жилъ отъ родины вдали.
Укромный уголокъ оставленной земли,
Презрѣнной пастыремъ, забытой земледѣломъ,
И Вакхомъ брошенной — пришельца былъ удѣломъ.
Разсаживая тамъ заботливой рукой
И овощи и макъ и крины и левкой,
Владѣнья бѣднаго богатыми дарами —
Некупленнымъ добромъ — равнялся онъ съ царями;
Вечернею зарей спѣшилъ подъ мирный кровъ,
И столъ обременялъ кошницами плодовъ;
И розу первую весна ему дарила,
И осень первый плодъ щастливцу приносила;
Еще трескучій мразъ и камни разрывалъ,
И токи водъ въ цѣпяхъ уснувшіе держалъ;
Сердясь на медленность и лѣта огневаго
И позднихъ Зефировъ, съ аканта молодаго

Дрожащею рукой онъ кудри мягки стригъ,
И первый медъ точилъ изъ сотовъ золотыхъ
Кипящею струей въ скудельные фіалы,
И пчелы никогда ему не измѣняли,
У перваго роясь съ воскресшею весной;
Тамъ липа съ гордою знакомилась сосной,
И каждый цвѣтъ весны — питомецъ юный Флоры —
Былъ осенью плодомъ, манившимъ жадны взоры.
Онъ первый видами свой край обогатилъ;
Близь хижины своей рядами разсадилъ
И вязы древніе и тополи младые
И груши дикія и яворы густые,
Зовущіе подъ тѣнь пирующихъ друзей . . .
Но пѣть сады не мнѣ, другихъ ждетъ подвигъ сей,
Другимъ вѣнецъ отъ рукъ Помоны благодатной;
Я славлю добрыхъ пчелъ и медъ ихъ ароматной
И мудрость зоркую — благой Зевеса даръ.
Когда оставленъ былъ всемъ міромъ міра Царь,
И Корибанты вкругъ кимвалами гремѣли;
Въ тѣ дни къ божественной младенца колыбели

Слетѣвшійся на шумъ медоточивый рой,
Гонимаго питалъ амврозіей златой.

У пчелъ все общее: отечество и чада,
Богатства и права великаго ихъ града;
У всѣхъ одинъ обѣтъ и цѣль одна трудовъ —
Пенаты мирные — отчизны милый кровъ;
Онѣ заботливо на будущность взираютъ,
Въ дни лѣта для зимы сокровища сбираютъ:
Однѣ, пріемля дань съ ясминовъ и лилей,
Обогащаютъ кровъ добычами полей;
Другія въ теремахъ нарциса нѣжны слёзы
И смолу влажную и капли алой розы
Строеньямъ восковымъ основою кладутъ;
Иныя чистый медъ въ янтарны соты льютъ;
Другихъ раченію и строгому надзору
Ввѣряютъ юныхъ чадъ — отечества опору;
Иныя при вратахъ у града по чредамъ
Недремленно стоятъ, и наблюдаютъ тамъ
Готовые возстать стихій воздушныхъ споры;
Иль отъ сподвижниковъ пріемлютъ дани Флоры,

Иль трутнямъ въ пагубу собравшися толпой,
Изъ царства роскоши лѣнивыхъ гонятъ рой;
Работа ихъ кипитъ, и медъ, горящій златомъ,
Вкругъ дышетъ розовымъ и тминнымъ ароматомъ.

Таковъ во мглѣ пещеръ Циклоповъ тяжкій трудъ,
Когда лѣнивое желѣзо въ громъ куютъ:
Тамъ угли рдяные мѣхами раздуваютъ,
Тамъ ропщущій металлъ во влагу погружаютъ,
Тамъ слитки грубые кладутъ въ разженный горнъ,
По Этнѣ сѣется и трескъ и стукъ и стонъ,
Тамъ раскаленную вращая сталь щипцами,
Съ могучаго плеча разъ — въ разъ бьютъ молотами.
Такъ, если малое съ великимъ мы сравнимъ,
Такъ пчелы всѣ горятъ желаніемъ однимъ,
Одною страстію, Природою внушенной —
Для блага общаго трудиться неизмѣнно.
Старѣйшинъ строгій долгъ — во градѣ предсѣдать,
И дивный лабиринтъ и соты созидать;
Младыя, раздѣлясь на разныя станицы,
Сбираютъ по лугамъ амврозію корицы

И тучный липы сокъ и благовонный тминъ
И блѣдный ивы цвѣтъ и мрачный розмаринъ;
Одинъ ихъ часъ зоветъ къ работамъ и покою.
Едва проглянетъ день — и шумною толпою
На прежніе труды всѣ рынутся изъ вратъ,
Вечерняя звѣзда сзываетъ ихъ во градъ;
Тамъ слышенъ томный шумъ слетѣвшейся станицы,
Усталыя жузжа, спѣшатъ въ свои ложницы;
И скоро смолкнутъ всѣ, настанетъ тишина,
Сподвижники уснутъ на мирномъ лонѣ сна.
Грозитъ ли дождь пчеламъ, иль бурный Эвръ повѣетъ,—
Никто изъ ихъ толпы пускаться вдаль не смѣетъ,
Но воду черпаютъ въ сосѣднемъ ручейкѣ;
И часто, какъ пловецъ на зыбкомъ челнокѣ
Кладетъ тяжелый грузъ, въ волнистый понтъ вступая,
Запасшися пескомъ легкокрылатыхъ стая,
Безтрепетно плыветъ эѳира по волнамъ.
Дивитеся въ пчелахъ Природы чудесамъ!
Они цѣпей любви и брачныхъ узъ не знаютъ,
Не страждутъ отъ родовъ; но чадъ усыновляютъ,

Въ златыя лѣта дни пріемля ихъ подъ кровъ
Съ душистой муравы, съ развившихся цвѣтовъ;
Оттолѣ граждане отечества младые,
Оттолѣ юный царь въ чертоги восковые
Пріемлется въ вождя дружинѣ молодой.
Ихъ краткій вѣкъ есть даръ Природы къ нимъ скупой;
Седьмь кратъ любуются онѣ улыбкой Мая;
Но родъ безсмертенъ ихъ, одни другихъ смѣняя
Въ грядущихъ временахъ преемники живутъ,
Гдѣ отжили отцы, тамъ чада чадъ цвѣтутъ.
Не рѣдко о скалы крыле они стираютъ,
И ношу на пути и юну жизнь теряютъ,
Такъ слава имъ мила — обогащать свой кровъ
Добычами полей, амврозіей цвѣтовъ!

Какой Востока царь столь свято чтимъ рабами?
Живъ вождь — и цѣль и духъ одинъ между пчелами;
Онъ палъ — все рушилось — нѣтъ сотовъ золотыхъ,
И сами — хищницы сокровищницъ своихъ;
Онъ стражъ священныхъ правъ, къ нему благоговѣютъ,
Предъ нимъ полки дружинъ крылами робко вѣютъ,

На браняхъ вкругъ него спекаются толпой,
Пріемлютъ на хребты въ часъ битвы роковой,
И грудью твердою его обороняютъ,
Защитники царя — со славой умираютъ.

Глубокіе умы по чуднымъ симъ дѣламъ
Часть Бога — огнь небесъ — присвоили пчеламъ:
» Животворящій Духъ, связуяй цѣпи міра,
Простертый въ нѣдрахъ водъ и суши и ѳеира,
Все жизнію даритъ — пернатыхъ и звѣрей
И смертныхъ гордый родъ и гробовыхъ червей;
И все, отживъ свой вѣкъ, въ небесное селенье
Течетъ. — Чтожъ долу смерть? — одно преображенье,
Единый переходъ къ превыспреннимъ звѣздамъ;
Все, тлѣнія стезю прешедъ, безсмертно тамъ. »

Отъемлешь ли у пчелъ сокровища работы:
И нектаръ золотой и яровые соты, —
Согрѣтою въ устахъ водой ихъ ороси,
И дымъ въ курильницѣ враждебный поднеси;
Ихъ гнѣвъ неукротимъ, свиваясь въ вереницы,
Онѣ износятъ месть на хищника столицы;

Въ кипящей ярости вливая въ жилы ядъ,
Ни жала скрытаго, ни жизни не щадятъ,
И въ ранахъ хищника конецъ ихъ произвольный.

Сокровищницы ихъ въ году двукраты полны,
Двукраты медъ златой отъемлется у нихъ:
Когда блеснетъ челомъ, изшедъ изъ волнъ морскихъ,
Тайгета юная надъ радостной землею;
И въ тѣ угрюмы дни, какъ томною стопою
Нисходитъ въ океанъ съ туманной высоты.
Когда же, слабыхъ другъ, за нихъ страшишься ты
И бодрости въ трудахъ и силы истощенья
И хлада зимняго и градовъ запустѣнья; —
Оставь имъ медъ, онѣ въ возмездіе заботъ
Сторицей воздадутъ въ благое время плодъ;
И тминомъ окуривъ чертоги ихъ столицы,
Обрѣжь безплодный воскъ; не рѣдко гусеницы
Безпечно въ ячеяхъ гнѣздятся восковыхъ,
Тамъ лакомая снѣдь, тамъ домъ готовъ для нихъ;
И моль, которой лучь дневнаго свѣта страшенъ,
И трутень — врагъ заботъ — сидятъ у чуждыхъ брашенъ

И ящерица пьетъ ихъ нектаръ золотой,
И шмель съ безсильными вступаетъ въ смѣлый бой,
И разставляетъ сѣть у входа Арахнея . . .
Избытки отнимай, трудовъ ихъ не жалѣя;
Народъ, не знающій усталости въ дѣлахъ,
Заботы не щадитъ и силъ для общихъ благъ,
Сбираетъ дань съ полей, и вновь его Пенаты
Амврозіей цвѣтовъ и нектаромъ богаты.

Не смертныхъ только родъ болѣзни тяготятъ,
И въ царствѣ пчелъ онѣ разсѣеваютъ ядъ.
Тогда и цвѣтъ и видъ недужныхъ измѣнится,
Веселый прежде взоръ уныньемъ омрачится . . .
Тамъ трупы хладные износятъ изъ домовъ,
Тамъ полумертвыя — готова снѣдь гробовъ —
Въ преддверіи висятъ, сплетшися въ вереницы;
Другія, заключась въ унылыя столицы,
До смерти мертвыя — чуждаются заботъ,
Забыта ими снѣдь, хладѣетъ влажный мёдъ;
Тамъ шумъ встаетъ глухой и томное жужжанье,
Какъ Эвра хладнаго по дебрямъ завыванье,

Какъ гулъ валовъ морскихъ подъ пѣною сѣдой,
Какъ скрытаго въ пещи огня сердитый вой.

Ты хочешь отвратить недуговъ бичь суровый,
Гальбаномъ окури страдальцевъ скорбны кровы,
И напоивъ тростникъ растворомъ медовымъ,
Недужныхъ призови на пиръ знакомый имъ;
Къ раствору примѣшай и розы огневыя
И стертый дуба плодъ и вина дорогія,
Прешедшія сквозь огнь, и тминный ароматъ,
И на лозѣ родной изсохшій виноградъ.
Есть сельный цвѣтъ, ему отчизна — берегъ Меллы,
Отъ корня одного онъ лѣсъ изводитъ цѣлый,
Весь златомъ покровенъ, обставшіе вѣнцомъ
Пушистые листы, блистаютъ багрецомъ,
И часто изъ него свивая плетеницы,
Приносятъ украшать торжественны божницы;
Пріятный для очей наружной красотой —
Онъ горькою внутри напитанъ остротой,
Изрытые сваривъ въ душистыхъ корни винахъ,
Недужнымъ предложи въ исполненныхъ корзинахъ.

Когдажъ враждебный Рокъ твоихъ похитилъ пчелъ,
Угасло племя все, и градъ ихъ запустѣлъ,—
Есть средство древнее воздвигнуть родъ ихъ новый,
И снова населить осиротѣвши кровы;
Имъ первый въ дни скорбей Аркадіи пастухъ
Къ безжизненнымъ воззвалъ изъ крови жизни духъ.
Но мрачное вѣковъ расторгнувъ покрывало,
Искусства дивнаго повѣдаемъ начало.

Подъ небомъ щастливымъ взлелѣянный народъ,
Живущій на брегахъ боготворимыхъ водъ,
Гдѣ, веслами шумя, раскрашенные челны,
Дробятъ надъ нивою растлавшіяся волны;
Сосѣди Пареских̆ъ ордъ, которымъ щедрый Нилъ
Приводитъ на поля плодоносящій илъ,
И благодатный край, гдѣ Мелонъ отъ истока
Седьмь отраслей изведъ, поитъ страны Востока,
И по слѣдамъ влечетъ благословенье селъ,
Сіе искусство чтутъ спасительнымъ для пчелъ.

Обрядъ свершается на мѣстѣ сокровенномъ,
Далекомъ отъ жилищъ, стѣнами обнесенномъ,

Подъ кровлей черепицъ; — отъ четырехъ сторонъ
Въ стѣсненну храмину чрезъ коственный наклонъ
Сквозь окна чуть скользитъ лучь солнца золотова,
И вводятъ подъ наметъ таинственнаго крова
Двулѣтняго тельца, избраннаго отъ стадъ,
И сыплется надъ нимъ бичей жестокій градъ,
И тщетно борется и въ силахъ нѣтъ отрады;
Мучители его не вѣдаютъ пощады,
И не растерзанный, но мертвый, онъ падетъ
На смертный одръ; къ нему приносятъ подъ наметъ
И травы мягкія и вѣтви древъ зелёны
И тминный ароматъ и ландышь благовонный.
Единый разъ въ году свершаютъ сей обрядъ:
Когда равнину водъ Зефиры заструятъ,
Но лугъ и долъ еще цвѣтами не пестрѣетъ,
Болтлива ласточка излучисто не рѣетъ,
Не вьетъ еще гнѣзда подъ кровлею домовъ . . .
Межь тѣмъ сліянная въ тельцѣ со влагой кровь
Кипитъ, и оживясь непостижимой силой,
Изводитъ чудный рой безногой и безкрылой,

И скоро, измѣняясь, онъ пчелъ пріемлетъ видъ,
И скоро, возмужавъ, въ ѳирѣ зашумитъ,
Какъ падающій дождь изъ облакъ воспаленныхъ,
Какъ черны тучи стрѣлъ, убійствомъ окрыленныхъ,
Когда ихъ легкій Парѳъ, вступая въ первый бой,
Съ дрожащей тетивы на вражій сыплетъ строй.

Подруги Цинтія, богини вдохновенья!
Вѣщайте, кто сей Богъ — виновникъ откровенья,
Кто первый опытъ свой успѣхомъ увѣнчалъ,
И смертнымъ путь къ нему надежный указалъ?...
Бѣжавшій родины злощастный сынъ Кирены,
Въ тѣ дни, какъ моръ и гладъ на землю низведенны,
Избили пчелъ его — отраду мирныхъ дней, —
Отъ дальнихъ береговъ, гдѣ стелется Пеней,
Задумчивый пришелъ къ священному истоку,
И растворяя тамъ слезами скорбь жестоку,
Онъ къ родшей возопилъ: » Царица сихъ пучинъ,
» О матерь милая! къ чему твой нѣжный сынъ
» Даръ жизни отъ тебя пріялъ Тимбрійскимъ богомъ?
» Мнѣ скорби суждены Судьбой въ совѣтѣ строгомъ...

» И гдѣ твоя любовь? и что мнѣ твой обѣтъ —
» Безсмертныхъ почести? подъ тяготою бѣдъ
» Межь смертныхъ я влачу безславные дни жизни;
» Оставленный тобой, бѣгу моей отчизны.
» Тамъ славы я искалъ и трудъ весь истощилъ;
» Что пользы? вѣрный плугъ и волъ мнѣ измѣнилъ;
» Остались пчелы мнѣ отрадой въ скромной долѣ,
» Я щастливъ ими былъ . . . и пчелъ моихъ нѣтъ болѣ;
» И ты мнѣ мать?... нѣтъ, нѣтъ! что медлить? доверши,
» И нивы и сады мои опустоши,
» Исторгни всѣ древа безжалостной рукою,
» Разлей враждебный огнь, и пламенной рѣкою
» И поле и стада и пажить попали,
» Сѣкиру тяжкую на виноградъ пошли;
» *Забывшей и любовь и святость обѣщанья*
» Тебѣ, жестокая! ничто мои страданья. »

Уныньемъ омраченъ, вѣщалъ, и скорбный гласъ
Раздавшись въ глубинѣ, слухъ матери потрясъ.
Вокругъ нее руно младыя Нимфы пряли;
Разсыпанны власы ихъ перси осѣняли,

По выямъ перловымъ спускаяся волной:
Тамъ Кліо гордая съ Вероею сестрой, —
Двѣ дщери Бога водъ — въ хитонахъ златошвейныхъ
Блистали нѣжностью раменъ бѣлолилейныхъ;
У Ксанты прелести дышали на устахъ,
У нѣжной Таліи двѣ розы на щекахъ,
У Лиды пламенной, у томной Галатеи,
На дѣвственныхъ грудяхъ раскинулись лилеи;
Ѳеиры — легкій станъ, Опиды — бровь дугой,
Въ очахъ Ликориды — цвѣтъ неба голубой —
Трехъ Грацій красота; — тамъ скромная Лигея
Тамъ легкая стопой любовница Алфея.

Климена межь подругъ въ потокѣ красныхъ словъ
Живописала имъ Арееву любовь,
И ревность тщетную супруга Афродиты,
И подвиги любви безсмертныхъ знамениты;
Онѣ внимали ей; — и мягкое руно
Ложилося въ кругахъ на бѣгло врѣтено. —
И снова юноши раздался гласъ печальный,
Промчался по водамъ, проникъ въ чертогъ кристальный,

И снова поразилъ Кирены нѣжный слухъ,
И ужасомъ объялъ младыхъ ея подругъ,
И первая изъ *Нимфъ любовница Алфея*,
Божественнымъ челомъ блеснувъ изъ волнъ Пенея:
» О милая сестра! не тщетенъ страхъ твой — нѣтъ!
» Твой сынъ, *рекла она*,—заботъ твоихъ предметъ —
» Съ слезами на очахъ въ отчаяньи жестокомъ
» Взываетъ горестно съ бреговъ къ тебѣ съ упрёкомъ.»
» Мой сынъ? » прервала мать, мой нѣжный Аристей? . . .
» Введи его, введи въ чертогъ пучины сей;
» Ему дозволенъ входъ въ безсмертное селенье. » . . .
    Рекла, и легкое богини мановенье
Раздвигнувъ хляби водъ, сгустило ихъ стѣной;
Покорная волна, склонясь на брегъ горой,
На лоно влажное пріяла Аристея,
И низвела на дно глубокаго Пенея.
И долу юною сопутницей ведомъ,
Зритъ царство влажное и свѣтлый родшей домъ,
И спящи озера въ пещерахъ заключенны,
И воющи лѣса и холмы вкругъ ихъ пѣны;

Предъ нимъ алмазная истоковъ колыбель
И урны перловы великихъ рѣкъ; отсель
Исходитъ кроткій Фазъ и Эпиней бурливый
И Аніо и Тибръ — поитель щедрой нивы —
И въ мрачну Скиѳію несущій радость Ликъ,
И Мизіи брега лобзающій Каикъ,
И шумный Гипанисъ, дробимый о пороги,
И быстрый Эриданъ, златогорящи роги
Склонившій на поля Сатурновой страны,
И льющій въ море токъ съ прибрежной крутизны.

Едва младый пришлецъ дрожащею стопою
Вступилъ въ прохладный гротъ, висящій надъ скалою,
Повѣдалъ слезъ вину, — и стекся легкій рой
Младыхъ подругъ: однѣ изъ урны золотой
Льютъ воду чистую на трепетныя длани,
Другія подаютъ пришельцу нѣжны ткани,
Тамъ брашны ставятся, тамъ чаши винъ кипятъ,
Съ курильницъ біетъ волной Панхейскій ароматъ.
» Мой сынъ! прими фіалъ, и Вакха даръ священной
» Въ честь бога водъ излей! . . . » О ты, Отецъ вселенной,

» И вы, о Нимфы горъ, истоковъ и лѣсовъ,
» Примите скорбнаго подъ вѣрный вашъ покровъ,
» Кирена молитъ васъ! . . . » Рекла, и отъ фіала
Лидійское вино трикраты изліяла,
Трикраты вспыхнулъ огнь и осіялъ чертогъ.
Тогда вѣщала мать, благой пріявъ залогъ:
» Витаетъ въ хляби водъ Карпатовыхъ глубокой
» Пророкъ царя пучинъ — Протей голубоокой,
» На сребророзовыхъ чешуйчатыхъ коняхъ
» Торжественны пути свершающій въ моряхъ;
» Въ сей день Эмаціи утесы возвышенны
» Обозрѣваетъ онъ и брегъ родной Паллены;
» Его и Нимфы чтутъ и древній богъ Нерей,
» Все зримо быстротѣ пророческихъ очей;
» Летящіе часы, протекши въ вѣчность годы,
» Грядущіе вѣка по чертежамъ Природы —
» Для прозорливаго мгновеніе одно.
» Ему владыкой водъ всевѣденье дано;
» Чудовища морей, покрыты чешуею, —
» Нептуновы стада повѣрены Протею; —

» Его оковами, мой сынъ, обремени,
» И — тяжкихъ золъ твоихъ повѣдаетъ вины;
» Къ мольбамъ не прибѣгай, предъ нимъ моленье тщетно,
» Подъ бременемъ оковъ и силой ненавѣтной
» Могущій ковами на гласъ склонится твой.
» Когда свѣтило дня возстанетъ надъ главой,
» Въ часы, какъ блекнетъ злакъ и нива золотая,
» Стада спѣшатъ подъ тѣнь отъ зноя убѣгая;
» Сама введу тебя въ безмолвный старца гротъ,
» Гдѣ спитъ онъ мирнымъ сномъ, изшедъ изъ лона водъ.
» Подъ бременемъ оковъ пріемлетъ виды новы:
» Левъ-пышетъ гнѣвомъ, тигръ-вращаетъ взоръ багровый,
» Вепрь-пыль крушитъ, змія, віясь, льетъ ядъ съ трехъ жалъ,
» Огонь — трещитъ, вода — реветъ, и вверьхъ бьетъ валъ.
» Съ безтрепетной душой въ туманѣ обаяній
» Оковы крѣпкія сжимая въ крѣпкой длани,
» Держи коварнаго, доколѣ приметъ онъ
» Тотъ видъ, въ какомъ объялъ его зеницы сонъ;
» И, вѣрный самъ себѣ, въ безмолвіи глубокомъ
» Звучащи потрясай оковы надъ пророкомъ. »

Рекла, и влажную амврозію росой,
На сына излила; съ главы его младой
Дыханье вѣтерка мастику разносило,
И юный полубогъ облекся новой силой.

Въ утесистой скалѣ у пѣнящихся водъ
Рукою времени изсѣченъ мрачный гротъ;
Гонимы вѣтрами валы туда стремятся,
И съ ревомъ о брега кремнистые дробятся;
Тамъ пристань мирная, въ часъ бури, кораблей,
Тамъ въ полдень возлегалъ на лонѣ сна Протей,
Тамъ Нимфа юношу въ излучинѣ сокрыла,
И облакомъ себя отъ взоровъ оградила.

Уже отъ горнихъ странъ кипящій зноемъ валъ
Огнистый Сиріусъ надъ Индомъ разливалъ,
Эѳиръ горѣлъ; уже великое свѣтило
На пурпурныхъ осяхъ полпоприща свершило;
Уже отъ пламени разсыпанныхъ лучей
Злакъ юный увядалъ, и сиротѣлъ ручей;
Пророкъ изъ безднъ морскихъ знакомой шелъ тропою
Въ прохладный гротъ; предъ нимъ чудовища толпою

Однѣ громады волнъ вздымаютъ вверьхъ столпомъ,
Другія по брегамъ лежатъ объяты сномъ.
Подобный пастырю, когда зарница нощи
Зоветъ подъ кровъ стада изъ влажныхъ сѣней рощи,
Когда блеяніе и агницъ и овновъ
Изводитъ изъ берлогъ на добычу волковъ, —
Пророкъ въ пещерной мглѣ возсѣлъ на одръ высокой,
И долго на стадахъ его блуждало око . . .
И члены сладкій сонъ усталы разрѣшилъ.
Все тихо, — юноша отважно въ гротъ вступилъ,
И съ воплями повергъ на спящаго оковы.
Протей вспрянулъ, — призвалъ на помощь древни ковы:
Что мигъ, то видъ, что видъ, то страхъ: трещитъ огнёмъ,
Реветъ водой, шипитъ зміей, рыкаетъ львомъ;
Но къ бѣгству нѣтъ пути, безплодны всѣ обманы,
И силой побѣжденъ, предсталъ необаянный,
И смертный зракъ пріявъ, къ безстрашному воззвалъ:
» Кто дерзкому стезю къ Протею указалъ?
» За чѣмъ? . . » » Извѣстна скорбь тебѣ моя жестока,
» И тщетно обмануть хотѣлъ бы я пророка,

» Безсмертныхъ волею нещастный предъ тобой;
» Прорцы и примири гонимаго съ Судьбой,
» Прорцы! . . » И въ ярости скрежещущій зубами,
И полными огня сверкающій очами,
Протей расторгъ Судьбы таинственный покровъ:
« Внимай и трепещи! единый отъ боговъ
Разсыпалъ надъ тобой карающія стрѣлы;
О мщеньи вопіетъ Орфей осиротѣлый,
Лишившему его супруги молодой
Тебѣ — весь гнѣвъ небесъ! . . . Но Рокъ защитникъ твой.
Твоимъ неистовствомъ гонимая, жестокій!
Бѣжала отъ тебя чрезъ быстрые потоки . . . .
Нещастная! — она не зрѣла предъ собой
Погибельной змѣи, сокрытой подъ травой, —
Въ пяту излился ядъ, она смѣжила взоры, —
И хоръ ея подругъ наполнилъ воплемъ горы:
Стоналъ Родопъ и Гебръ и Скиѳіи поля,
Рыдала Гетовъ степь и Марсова земля.
Тамъ, въ слезы погруженъ — одинъ — съ любовью сирой —
Тамъ нѣжный твой супругъ съ сострадущею лирой

Тебя, о свѣтъ очей! тебя у мрачныхъ скалъ,
Тебя съ денницею, тебя въ часъ ночи звалъ . . .
И спящій въ мглѣ Тенаръ—преддверье вѣчной нощи,
И чернымъ ужасомъ одѣянныя рощи
Безтрепетный прешелъ, проникъ во градъ Тѣней;
Предъ грозный тронъ Царя отжившихъ мѣру дней,
Предъ Дѣвъ, шипящими увѣнчанныхъ зміями,
Неумоляемыхъ ни стономъ, ни слезами,
Предсталъ—коснулся струнъ—воспѣлъ пришлецъ младой,—
Изъ безднъ Эребовыхъ смятенныя, толпой
На сладкій лиры гласъ подвиглись тощи Тѣни,
Повлекся длинный рядъ безплотныхъ привидѣній,
Такъ птицы Весперомъ иль вихремъ—бурь вождемъ—
Гонимы въ дебри съ горъ, несутся тьмами темъ.
Тамъ матери, отцы, тамъ дѣвъ мелькали строи—
Отъятыхъ у любви, —тамъ призраки—герои,
Тамъ сонмы юношей, предъ взорами сестёръ,
Супругъ и матерей взнесенныхъ на костёръ . . .
Всѣ жертвы блѣдныхъ Паркъ и всѣхъ Коцитъ безмолвный
И блата въ камышахъ и сизо-мглисты волны

И черный илъ и Стиксъ, облегшій девять кратъ,
За неисходными забралами хранятъ . . .
И Тартаръ встрепенулъ отъ сладостнаго гласа,
По челамъ Евменидъ улыбка разлилася,
Въ отверстыхъ Цербера трехъ зѣвахъ лай уснулъ,
И вѣтръ, смѣживъ уста, впервые отдохнулъ
На спящемъ колесѣ страдальца—Иксіона.

Всѣ ужасы прешедъ, уже изъ безднъ Плутона
Изнесъ послѣдній шагъ, и трепетной стопой
Онъ текъ къ краямъ земли, съ ожившею душой,
И, — сердцу нѣжному завѣтъ жестокій Ада! —
За нимъ — *незримая* — супруга—дней услада . . .
Внезапно страстнаго слѣпой восторгъ объялъ,
Простительный восторгъ, когда бы Адъ прощалъ:
Уже рѣдѣла мгла, уже въ преддверьи свѣта
Любовью побѣжденъ, забывшій гласъ завѣта,
Увы! стопой землѣ приникъ . . . взглянулъ . . . и весь
Мгновенно трудъ погибъ. Безжалостный Айдесъ
Торжественной завѣтъ расторгъ, — Аверна блаты
На злобный смѣхъ Тѣней отгрянули раскаты.

Изъ устъ сопутницы безропотный упрёкъ
Супругу излетѣлъ : » Какой нещастный рокъ,
» Какая слѣпота, какая страсти сила
» Одной минутой насъ на вѣки погубила?
» Жестокія Судьбы назадъ влекутъ меня
» И влажный огнь очей тускнѣетъ въ хладѣ сна;
» Прости!.. одѣянна глубокой ночи тьмою,
» Несусь и, не твоя, — слабѣющей рукою
» Тебя въ растущей мглѣ ищу въ послѣдній разъ.»
И въ мигъ, какъ легкій дымъ, въ эѳирну зыбь свилась,
Вотще изъ устъ пѣвца неслись за нею клики,
Вотще онъ звалъ ее—нѣтъ болѣ Эвридики!
И трепетная длань одну ловила тѣнь,
И путь ему чрезъ Оркъ Харономъ воспященъ;
Вотще онъ простиралъ слезящій взоръ чрезъ блаты.
Куда еще идти лишенному двукраты
Супруги молодой? чѣмъ горесть усладить?
Какою жалобой безжалостныхъ смягчить?
Какой воззвать мольбой къ богамъ неумолимымъ?
Стигійскій челнъ умчалъ путемъ ее незримымъ.

Луна въ краяхъ небесъ свершила седьмь путей,
Отчаянный супругъ не осушалъ очей,
И лира томная, слезами орошённа,
Подъ мрачною скалой у дикихъ водъ Стримона
Пустынямъ и лѣсамъ ввѣряла скорбь пѣвца,
И тигровъ злобныя растрогала сердца,
И дубы сжалились — сыны вѣковъ дебелы.
Таковъ подъ тополемъ гласъ слышенъ Филомелы, —
Бездѣтной матери, у коей птицеловъ
Безжалостной рукой младыхъ отъялъ птенцовъ.
И чуждъ ея покой и сна не знаютъ очи,
И сѣтующей стонъ пронзаетъ мраки ночи,
И жалобная пѣснь, ліяся въ тишинѣ,
Унынье мрачное наводитъ всей странѣ.

Безчувственъ для любви и мертвъ для Гименея,
По льдистымъ высотамъ безлюднаго Рифея,
По дебрямъ Скиѳіи, въ странѣ Зимы сѣдой
Орфей блуждалъ одинъ, преслѣдуемъ тоской;
Тамъ взоромъ горести на степь, на холмы дики
Склонясь, оплакивалъ потерю Эвридики

И вѣроломный даръ Плутоновыхъ щедротъ . . .
Тамъ жрицы Вакховы презирителя красотъ
На Оргїяхъ ночныхъ при кликахъ растерзали ;
И члены по холмамъ и доламъ разметали ;
Отторгнута глава отъ мраморныхъ раменъ
Скатилась въ бурный Гебръ; съ хладѣющихъ устенъ
Слетѣвшій гласъ твердилъ съ волнами : Эвридика!
И вторили брега уныло : Эври́дика ! ! ! »

Прорекъ и свергся въ хлябь, и скрылся подъ водой
Разгнѣванный Протей; и сребреной браздой
По влажной синевѣ разстлались волны пѣны.
Содрогся Аристей, но свѣтлый взоръ Кирены
Спокоилъ духъ его. « Мой сынъ, рекла она,
» Таинственныхъ Судебъ завѣса раздрана :
» Тебя преслѣдуетъ хоръ Нимфъ осиротѣлый,
» Ихъ местью за сестру твои погибли пчелы.
» Священный имъ обѣтъ и жертву принеси,
» И временный ихъ гнѣвъ мольбами угаси.
» На тучныхъ пажитяхъ отъ стадъ твоихъ игривыхъ
» Четыре избери младыхъ тельца красивыхъ,

» Четыре юницы, незнающихъ ярма,
» Четыре алтаря воздвигни средь холма,
» Гдѣ высятся богинь осиротѣвши храмы;
» Туда направь стопы съ священными дарами,
» И сердца въ чистотѣ у новыхъ алтарей,
» Разгнѣванныхъ призвавъ, кровь жертвенну излей;
» Закланныя тѣла оставь въ тѣни дубровы.
» Когдаже девять кратъ Авроры свѣтъ багровый
» Разлившись въ небесахъ, разсѣетъ ночи мракъ,
» Орфеевымъ тѣнямъ воздай снотворный макъ;
» Супругу успокой и пламенной мольбою
» И черной агницей и юницей младою.
» И снова посѣти священну сѣнь дубравъ. »

Завѣтное число отъ стадъ своихъ избравъ
И юницъ и тельцовъ, пастухъ надежды полный,
Поспѣшною стопой течетъ на выси холмы.
Аврорѣ девять кратъ изведшей юный день,
Почтивъ Орфеевъ прахъ, вступилъ въ священну сѣнь,
И чудо пришлеца внезапно поразило:
Пріявшій жизни духъ непостижимой силой

Въ тельцахъ—кипящихъ пчелъ журчалъ безкрылый рой,
И —узы разрѣшивъ, изрыгнулся волной,
И черным облакомъ предъ взорами сгустился,
И гроздами съ вѣтвей живыми ниспустился.

Такъ славилъ я стада, работы мирныхъ селъ
Роскошный виноградъ и домовитыхъ пчелъ,
Какъ Цезарь по брегамъ Евфрата отдаленнымъ
И ужасъ разсѣвалъ перуномъ окрыленнымъ,
И міру щастіе въ законахъ изрекалъ,
И быстрою стопой къ Олимпу востекалъ;
Въ безвѣстной тишинѣ—въ объятіяхъ свободы
Безпечный—я красы живописалъ Природы;
Меня лелѣялъ край Неаполя златой—
Меня, который пѣлъ въ дни жизни молодой,—
Покояся въ тѣни подъ зыбкимъ сводомъ ивы,—
Забавы пастуховъ и жребій ихъ щастливый.

# ПРИМѢЧАНІЯ.

# ПРИМѢЧАНІЯ.

## ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

*Страница 4, ст. 6.*

**И ты, предъ взорами соперницы — Паллады. . .**

Нептунъ по случаю спора съ Палладою—кому изъ нихъ принадлежитъ честь—сообщить имя свое Аѳинамъ, ударомъ трезубца извелъ изъ земли коня, а Паллада создала оливу и одержала побѣду надъ соперникомъ.

*Тамъ же, ст. 11.*

**И ты, Кирены сынъ! . . .**

Аристей, сынъ Кирены, дочери Пенеевой и Аполлона Тимбрійскаго.

*Тамъ же, ст. 14.*

**На Цейскихъ берегахъ. . . .**

*Цея* одинъ изъ островов Цикладскихъ въ Эгейскомъ морѣ.

*Тамъ же, ст. 17.*

**. . . Любимый твой Меналъ, сойди съ холмовъ Ликея.**

*Меналъ* и *Ликей* горы въ Аркадіи, посвященныя Пану.

*Тамъ же. ст. 18.*

**. . . . . . . . . . . И ты, о сынъ Целея.**

т. е. Триптолемъ, изобрѣтатель плуга, наученный Церерою воздѣлывать землю.

*Стран. 5, ст. 17.*

**Тебѣ и Ѳулы сынъ въ краяхъ далекихъ свѣта. . . .**

Подъ именемъ *Ѳулы* — Thule—Римляне разумѣли Исландію или, можетъ быть, Шотландію.

*Стран.* 5, *ст.* 20.

**Все царство влажное отдаст Фетида с ней. . . .**

*Фетида*, сестра и жена Океана, имѣла три тысячи дочерей, извѣстныхъ подъ именемъ Океанидъ.

*Стран.* 6, *ст.* 3.

**И гибки рамена сжимаетъ Скорпіонъ. . .**

Льстецы дѣйствительно помѣстили Августово созвѣздіе *между Скорпіономъ и Эригоною.*

*Тамъ же, ст.* 19.

**Претерпитъ ли земля, взоранная тобой,**
**Двукраты зимній хладъ, двукраты лѣтній зной.**

Bis quae (seges) soles, bis frigora sensit.

Въ Италіи, по словамъ Колумелы, иногда четыре раза *подымали землю:* разъ весною, разъ *лѣтомъ* и два раза осенью.

*Стран.* 7, *ст.* 14.

**На Тмолѣ дышетъ Эвръ шафраннымъ ароматомъ. . .**

*Тмолъ* гора въ Лидіи, славившаяся винами и шафраномъ. *Халивы*, народы царства Понтійскаго, обитавшіе на берегахъ рѣки Термодона; тамъ находились рудники богатые желѣзомъ, изъ котораго дѣлалась лучшая сталь.

*Тамъ же, ст.* 17.

**Эвксинъ бобровъ поитъ. . . .**

Бобровая струя — castoreum — какъ лучшее лѣкарство противъ *нервическихъ болѣзней, употреблялась* и у Римлянъ:

Castoreoque gravi mulier sopita recumbit.—

Говоритъ Лукрецій. — Они получали ее съ береговъ Понта Эвксинскаго.

*Стран.* 8, *ст.* 8.

**Приникшему челомъ Аркасу отъ небесъ. . .**

*Аркасъ,* сынъ Калисты, по превращеніи помѣщенъ въ число созвѣздій подъ именемъ *малой Медвѣдицы*, которая показывается надъ горизонтомъ въ концѣ Августа.

*Стран.* 11, *ст.* 17.

**И блатъ Стримонскихъ гость-журавль ненасытимый...**

*Стримонъ* рѣка на границахъ Ѳракіи и Македоніи: низменные ея берега въ нѣкоторыхъ мѣстахъ болотисты.

*Стран.* 17, *ст.* 9.

**Умѣй читать горѣ, гдѣ блещетъ Амалтея**
**И чада вкругъ нее..**

*Амалтея,* коза вскормившая своимъ молокомъ младенца Юпитера, включена съ дѣтьми въ число созвѣздій.

*Тамъ же, ст.* 11.

**Сіяетъ искрами Драконъ....**

*Драконъ* и *Аркасъ* также извѣстныя созвѣздія.

*Тамъ же, ст.* 16.

**Когда съ явленіемъ Астреиныхъ вѣсовъ...**

*Вѣсы*—одинъ изъ двѣнадцати знаковъ Зодіака, показываются надъ горизонтомъ съ осеннимъ равноденствіемъ.

*Стран.* 18, *ст.* 7.

**Когда въ сіяніи лилейной бѣлизны**
**Телецъ, блеснувъ челомъ съ заоблачной страны,**
**Златогорящими откроетъ годъ рогами...**

Астрономическій годъ начинается въ Мартѣ, когда показывается надъ горизонтомъ созвѣздіе Овна; но Виргилій заставляетъ открыть новый годъ *Тельца* — созвѣздіе Апрѣля, безъ сомнѣнія потому, что плодородящія нѣдра земли вполнѣ отверзались только въ Апрѣлѣ, что показываетъ самое его названіе — aperire— *открывать, отверзать.*

Тогда эөира богъ отъ горняго селенья
Въ объятія спустясь супруги молодой,
Животворящей съ ней сливается душой,
И сыплетъ жизнь во всемъ. . . . Георг. II. Ц.

*Стран.* 18. *ст.* 16.

Доколѣ не сойдутъ Плеады въ океанъ,
И радужный вѣнецъ любовницы Тезея
Горѣ не возблеститъ. . . .

*Плеады* — созвѣздіе между Овномъ и Тельцомъ, восходятъ въ Апрѣлѣ, а заходятъ въ Сентябрѣ. — Вѣнецъ Аріадны показывается надъ горизонтомъ въ Италіи въ первой, — у насъ, — во второй половинѣ Октября.

*Стран.* 19, *ст.* 1.

Иные сѣяли, Природу упреждая,
Когда на небесахъ еще блистала Мая. . . .

*Мая*, одна изъ Плеадъ; она означаетъ здѣсь осеннее равноденствіе.

*Стран.* 20, *ст.* 7.

На Сѣверѣ Драконъ, —стражъ древній Гесперидъ,
Потокомъ огневымъ Калисту облежитъ
И сына горестной — бѣгущихъ океана. . . .

*Драконъ*-стражъ Гесперидскихъ садовъ — убитый Геркулесомъ, переселенъ Юноною въ небо. Онъ составляетъ созвѣздіе и касается хвостомъ большой и малой Медвѣдицы. *Большая Медвѣдица—Калиста, — малая — Аркасъ*, сынъ ея.

*Тамъ же, ст.* 13.

Когдажъ Аврора здѣсь въ вѣнцѣ встаетъ перловомъ,
Тамъ Гесперъ заблеститъ на западѣ багровомъ. . . .

*Гесперъ*, сынъ Япета, въ одно время взошелъ на вершину горы Атласа и, долго разсматривая звѣзды, изчезъ. Спу-

стя долгое время, увидѣли его въ новомъ образѣ — онъ превратился въ *вечернюю звѣзду* — *Hesperus* или *Vesperus*.

*Стран.* 24, *ст.* 11.

**Пріемлетъ въ дань плоды отъ миртовъ молодыхъ. . .**

Миртовыми плодами, или просто, ягодами Римляне приправляли вино.

*Стран.* 26, *ст.* 6.

**Онъ молнію на высь Родопа и Атоса**
**Послетъ — ихъ гордость въ прахъ. . . .**

*Родопъ* и *Атосъ* горы — первая во Ѳракіи, вторая въ Македоніи.

*Тамъ же, ст.* 11.

**Сатурна хладнаго кругообразный слѣдъ**
**И сына Маина. . . .**

Виргилій называетъ Сатурна *хладнымъ* — frigidus — или какъ планету, отдаленнѣйшую отъ Солнца, или какъ бога времени, хладѣющаго отъ старости. — *Сынъ Маинъ*, Меркурій, одна изъ планетъ. Подъ непостояннымъ свѣтомъ должно разумѣть скорость обращенія ея по орбитѣ.

*Стран.* 29, *ст.* 9.

**И древніе враги отчаянной Латоны**
**Унылымъ берегамъ переливаютъ стоны . . . .**

Латона, преслѣдуемая Юноною безъ пристанища, безъ надежды, проходила изъ страны въ страну. Однажды томимая жаждою, она остановилась близь болота въ Киликіи, гдѣ жители занимались работою, и просила воды для утоленія жажды; *жители отказали ей въ просьбѣ* и возмутили воду: раздраженная богиня превратила ихъ въ лягушекъ.

*Тамъ же, ст.* 5.

**Смотри, какъ стаи птицъ Каистровыхъ луговъ ...**

*Каистръ* рѣка въ Мизіи, по берегамъ коей простираются тучныя пажити.

*Стран.* 30, *ст.* 14.

**И свѣтлости лучей у брата не заемлетъ.**

Познанія древнихъ въ Физикѣ недалеко простирались!!!

*Тамъ же, ст.* 17.

**Подруга Цеикса ......**

Гальціона жена Цеикса по смерти его (онъ погибъ въ морѣ) была безутѣшна; боги, тронутые ея горестію, вѣрныхъ супруговъ превратили въ птицъ.

*Стран.* 31, *ст.* 3.

**И Низосъ горестный, несущій месть за ковъ ...**

Сцилла измѣнила отцу своему — царю Мегарскому, отрѣзавъ у него роковой локонъ, отъ коего зависѣла судьба его города, осажденнаго Миносомъ. Боги превратили Сциллу въ жаворонка, а Низоса въ коршуна.

*Стран.* 32, *ст.* 15.

**Но если Цинтію .......**
**Одѣнутъ облака, сгущенныя кругомъ ...**

Діана, которая на небѣ называется Луною, именуется иногда *Цинтіею* по горѣ на островѣ Делосѣ, гдѣ получила она жизнь.

*Стран.* 37, *ст.* 2.

**Долины тучнятъ Эмаціи широки...**

Эмаціею прежде называлась Македонія.

---



# ПѢСНЬ ВТОРАЯ.

*Страница* 41, *ст.* 3.

. . . . . . . . . . . И вамъ древа лѣнивы,
Рукой Тритоніи лелѣемы оливы! . . .

Въ подлинникѣ:—et prolem tarde venientis olivae . . .

Оливы растутъ очень медленно: Oleae e semine nascituræ. tardissima sunt incrementa, говоритъ Плиній.—*Тритонія* — Минерва.

*Тамъ же*, *ст.* 5.

Приди Леней, все здѣсь цвѣтетъ въ твоихъ дарахъ.
Huc pater o Lenaee! . . .

Вакхъ называется *Ленеемъ* отъ Греческаго слова Ληνος, что значитъ *точило.*

*Стран.* 45, *ст.* 19.

Веселый виноградъ, склонившiйся дугою
Исходитъ изъ-подъ-глыбъ, обласканный семьёю.

Виноградныя лозы размножаются отводками и черенками, можно ихъ и прививать и даже разводить отъ сѣмени; но послѣднее средство невыгодно; оно требуетъ многихъ лѣтъ. —

Древа отъ сѣмени подъемлются лѣниво.

*Стран.* 46, *ст.* 15.

*Два средства—прививать—искуство начертало . . .*

Намъ извѣстны пять средствъ; 1) *въ расщепъ*, 2) *въ щелъ*, 3) *дудкою*, 4) *щиткомъ* и 5) *прикосновеніемъ*. Впрочемъ *три* новые способа прививанія суть только виды двухъ древнихъ.

*Стран.* 48, *ст.* 1.

На семьи виноградъ веселый раздѣлёнъ:
У чадъ Гесперіи дружится съ вязомъ онъ,
Въ Лесбосѣ, огнеѣымъ румянцемъ пламенѣя,
Вкругъ сановитыхъ пальмъ віется Метимнея,
На влажныхъ берегахъ Мереотійскихъ блатъ,
На Ѳазѣ, гдѣ пески зыбучіе горятъ....

Гесперъ, сынъ Япета, изгнанный братомъ своимъ Атласомъ изъ отечества, удалился въ Италію. Съ тѣхъ поръ она называлась по его имени *Гесперіею*; — *Метимна* или *Метимней*, городъ на островѣ Лесбосѣ; — *Мереотійское* болото въ Египтѣ; — *Ѳазъ* — Thasos — островъ въ Эгейскомъ морѣ.

*Тамъ же*, *ст.* 14.

Кто Ретскаго вина всю власть изобразитъ?
Фалернъ—одинъ Фалернъ въ пирахъ его сильнѣя.

Реція находилась между Альпами и Германіею. *Ретскія* вины въ особенномъ уваженіи были при столѣ Августовомъ. — *Фалернское* вино изъ виноградниковъ горы *Фалерна* въ Кампаніи, въ такомъ же уваженіи было у Римлянъ, въ какомъ у насъ Шампанское. — *Фаней* — нынѣ Хіо—островъ въ Эгейскомъ морѣ.

*Стран.* 50, *ст.* 9.

Въ душистыхъ Мидіи смѣющихся лѣсахъ
Есть древо, въ золотыхъ блестящее листахъ.

Виргилій подъ симъ древомъ разумѣетъ померанецъ—citrium.

*Стран.* 51, *ст.* 7.

И Гермъ, вращающій въ потокѣ черномъ злато,
Но Бактръ, но Индіи сокровища богатой,
И нѣгой, дышущей Панхеи ароматъ
Твоей, Италія, хвалы не помрачатъ.

*Гермъ* — Hermus — рѣка въ Индіи, вращавшая золотой песокъ какъ всѣ глубокія рѣки. — *Бактры* — или Бактріана, провинція древней Мидіи. — *Панхея*, часть щастливой Аравіи.

*Стран.* 51. *ст.* 11.

**Не страшные волы Колхиды златорунной ....**

*Виргилій*, намѣкая о походѣ Аргонавтовъ, хочетъ показать, что Италія не баснословными подвигами — но существенными благами можетъ гордиться.

*Стран.* 52, *ст.*

**Божественный Клитумнъ! ...**

*Клитумнъ* рѣка въ Умбріи.

*Тамъ же, ст.* 19.

**Здѣсь тихоструйный Ларъ небесъ рисуетъ своды,**
**Тамъ ропщущій Бенакъ крушитъ, какъ море, воды ...**

*Ларъ* большое озеро у подошвы Альповъ, нынѣ Lago di Campo — *Бенакъ* другое большое озеро въ Веронѣ — нынѣ Lago di Garda.

*Стран.* 53, *ст.* 3.

**И спящій водоемъ, гдѣ смертныхъ дивна сила**
***И море и Лукринъ съ Аверномъ подружила.***

*Лукринъ и Авернъ* два озера. Агриппа соединилъ ихъ съ моремъ и образовалъ спокойную пристань: portum Julium apud Baias, immisso in Lucrinum et Avernum mari (Agrippa) effecit, говоритъ Светоній.

*Стран.* 54, *ст.* 4.

**Пою Аскрейску пѣснь ....**

Аскра отечество Гезіода, пѣвца *Трудовъ и Дней.*

*Стран.* 55. *ст.* 7.

**Когда священный гимнъ съ цѣвницъ Тирренскихъ льется.**

У Римлянъ при жертвоприношеніяхъ священные гимны пѣты были Тирренцами—Тосканцами.

Pingvis Thirrenus, говоритъ Виргилій, inflavit ebur ad aras.

*Стран.* 68, *ст.* 2.

**И, рѣзвясь легкихъ рой, чрезъ скользкій скачетъ мѣхъ.**

Греки дѣлали этотъ мѣхъ изъ козьей кожи, надували, умащали масломъ и прыгали чрезъ него на одной ногѣ. Неловкіе падали и производили громкій смѣхъ въ толпѣ зрителей.

*Тамъ же, ст.* 10.

**И вѣтромъ зыблется твой образъ на древахъ.**

Кажется одно изъ сихъ изображеній — oscilla — на древнемъ камнѣ находится въ собраніи древнихъ памятниковъ во Флоренціи.

*Стран.* 73, *ст.* 5.

**Не онъ ли смертію Центавровъ укротилъ?**

Центавры, приглашенные на брачное пиршество Пиритоемъ, царемъ Лапитовъ, за чашами винъ нарушили спокойную радость торжества и почти всѣ погибли въ бою.

*Стран.* 75, *ст.* 5.

**Когдажъ не мой удѣлъ расторгнуть сей покровъ,**

**И сердце пылкое обляжетъ хладна кровь . . .**

То есть ежели угаснутъ способности души моей. По мнѣнію Философовъ Итал. школы, престолъ души, который нынѣ полагаютъ въ мозжечкѣ — cerebellum — находился въ сердцѣ.

*Тамъ же, ст.* 11.

**Гдѣ Сперхій, гдѣ Тайгетъ? . . .**

*Сперхій* рѣка въ Ѳессаліи, *Тайгетъ* гора близъ Спарты; на ней воздвигнутъ былъ храмъ Вакху, у коего подъ открытымъ небомъ Спартанки приносили жертвы и совершали таинства *Оргій*—Вакховыхъ празднествъ.

*Тамб же, ст.* 13.

О кто на мшистый Гемъ меня перенесетъ! . .

*Гемб* гора во Ѳракіи, покрытая густыми лѣсами.

*Тамб же, ст.* 15.

Щастливъ, кто мыслію небесъ проникнувъ своды,
Таинственны пути изслѣдовалъ Природы . . . .

Виргилій разумѣетъ здѣсь Лукреція—творца поэмы: De rerum natura.

*Стран.* 76, *ст.* 4.

Ни братьевъ за корысть раздоръ непримиримый.

Въ то время, когда писаны были Георгики, два брата—*Фраатъ* и *Тиридатъ* спорили о Персидскомъ престолѣ.

*Тамб же, ст.* 9.

И къ братіямъ своимъ онъ сострадания чуждъ.

Потому что въ селахъ нѣтъ разительныхъ нещастій, раждаемыхъ быстрымъ, неожиданнымъ переворотомъ слѣпой фортуны; состояніе поселянина чуждо измѣны—Vita nescia fallere.

## ПѢСНЬ ТРЕТІЯ.

*Стран*ица 83, *ст.* 1.

Внемлите мнѣ — и ты, о юная Палеса,
И ты, младый пастухъ — великій сынъ Зевеса,
Вы, рѣки и лѣса — Аркадскихъ чада горъ!...

*Палеса*, богиня пастуховъ и пажитей. — *Младый пастухъ* — Аполлонъ; оставивъ небо, онъ пасъ Адметовы стада. — *Вы, рѣки и лѣса* ... Въ Аркадіи посвящена была богу Пану, покровителю пастуховъ, гора Ликей, и потому — vos sylvae amnesque Lycaei, говоритъ Виргилій.

*Тамъ же, ст.* 7.

Въ чей слухъ не проникалъ Гиласъ и Геркулесъ,
И злобный Бузиридъ — врагъ смертныхъ и небесъ?
Кому невѣдомы и Пелопса трофеи......
И Делосъ, отъ пучинъ воздвигнутый жезломъ...

*Гиласъ*, любимецъ Геркулеса, похищенный у него одною изъ Нереидъ, т. е. утонувшій. Виргилій упоминаетъ о немъ въ *VI* Эклогѣ.

Напрасно ждутъ его, зовутъ повсюду; — нѣтъ!
Въ струяхъ источника жизнь красная затмилась, —
И берегъ тронутый взываетъ: Гиласъ, Гиласъ! — перев. А. Ѳ. М

— *Бузиридъ*, царь Египетскій, приносившій въ жертву богамъ своимъ всякаго *иностранца, вступавшаго* въ его владѣнія; — *Пелопсъ*, побѣдитель въ рысталіи и супругъ *Гипподомеи.*

*Стран.* 84, *ст.* 16.

Алфеевъ токъ и лѣсъ Молорха замѣнитъ ...

На берегахъ *Алфея* близь Олимпіи въ Пелопоннисѣ отправлялись Олимпійскія игры. — У лѣса *Молорхови* бывали игры Немейскія въ честь Геркулеса.

*Стран.* 85, *ст.* 2.

Британіи сыновъ рукою раболѣпной
Завѣса поднята; стропотивости въ укоръ
На яркомъ пурпурѣ начертанъ ихъ позоръ ...

Въ Римѣ съ Августово время были Британскіе плѣнники, осужденные поднимать занавѣсъ во время театральныхъ представленій.

*Тамъ же, ст.* 13.

И стонущій Нифатъ въ брегахъ окровавленныхъ ...

*Нифатъ* рѣка, протекающая въ предѣлахъ Арменіи и Палестины и впадающая въ Тигръ.

*Тамъ же, ст.* 20.

Воскреснетъ Ассаракъ ....

*Ассаракъ* одинъ изъ царей Троянскихъ.

*Стран.* 88, *ст.* 11.

*Самой Природы перстъ отличья на коняхъ*
*Знакъ вѣрный положилъ въ отливахъ цвѣтахъ ...*

Въ подлинникѣ : — Honesti
Spadices, glavcique; color deterrimus albis,
Et gilvo.—Переводчикъ былъ въ необходимости отказаться отъ близости перевода въ сихъ стихахъ и прибѣгнуть къ перифразису, дабы, при точномъ выраженіи подлинника, не уронить достоинства слога. *Конь рыжій, бѣлый и проч.* въ поэзіи слишкомъ оскорбительны для вкуса.

*Стран.* 91, *ст.* 17.

*Пускай онъ жизнь пріялъ въ Эпирѣ иль Микинахъ ...*

*Эпиръ и Микины* славились въ древности отличною породою коней.

*Стран. 93, ст. 7.*

**На красныхъ дебрями Силяра берегахъ**
**И въ чащахъ ясеней въ альбурновыхъ лѣсахъ.**

*Силяръ* рѣка, раздѣляющая Луканію отъ Пицента; въ нее впадаетъ Танагръ, небольшая рѣчка, часто въ лѣтнее время пересыхающая. —*Альбурнъ* гора въ Луканіи.

*Тамъ же, ст. 16.*

**На Юницу – на дщерь отъ племени царей ...**

Т. е. на Io, которую Юпитеръ превратилъ въ корову, дабы спасти ее отъ мщенія ревнивой Юноны.

*Стран. 99, ст. 19.*

**Чтожъ юноша, коль страсть кипитъ въ крови младой?**

Виргиліи разумѣетъ здѣсь Леандра, погибшаго въ проливѣ Геллеспонтѣ, когда переплывалъ волны его для свиданія съ любовницею Герою, жрицею Венеры.

*Стран. 105, ст. 10.*

**Съ нимъ Амиклейскій песъ ...**

*Амиклъ* городъ въ Лаконіи, славивившійся отличною породою охотничьихъ собакъ.

*Тамъ же, ст. 16.*

**Гдѣ бурный Истра токъ въ крутыхъ брегахъ ревётъ.**

*Истромъ* въ древности называли Дунай. — Меотійскія воды или Меотійское болото —Palus Meotis, нынѣ Азовское море.

*Стран. 106, ст. 4.*

**Тамъ дышетъ мразомъ Кавръ ....**

*Кавръ* одинъ изъ вѣтровъ.

*Стран. 114, ст. 3.*

**Кто Альповъ высоты и Норики предѣлъ**
**И красные брега Тимавскіе прешелъ ...**

Древнюю Норику составляли нынѣшняя Баварія, Стирія Каринтія и часть Австріи.

*Стран.* 119. *ст.* 1.

**Хиронъ и самъ Мелампъ не приступляли жала . .**

*Хиронъ и Мелампъ* извѣстные врачи баснословныхъ временъ. Имена сіи означаютъ у Виргилія искусныхъ врачей.

*Тамъ же . ст.* 19.

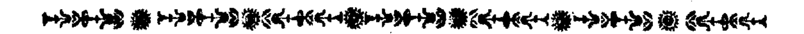
**Неугасимый огнь, по жиламъ пробѣгалъ . . .**

— , contractos artus sacer ignis edebat , сказано въ подлинникѣ. Этотъ sacer ignis —( проклятыи огонь — въ средніе вѣка названъ *Антоновымъ огнемъ* , потому что монахи ордена Св Антонія имѣли главною обязанностію врачевать болѣзнь сію.

P. S *Стран.* 92. *ст.* 15.

**И—новой жизнію засѣянны бразды**
**Пріемлютъ съ жаждою грядущіе плоды.**

Переводчикъ *надѣется, что читатели* простятъ *ему* за *благонамѣренную* темноту *сихъ* стиховъ.



# ПѢСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Кто любопытнымъ окомъ наблюдателя смотрѣлъ на пчелъ во время всеобщаго ихъ движенія — весною и лѣтомъ, на ихъ занятія внутри и внѣ ульевъ; тотъ никогда не оставлялъ ихъ безъ благоговѣйнаго удивленія. Виргилій—земледѣлецъ, любимецъ и любитель Природы, не разъ пріятно поражаемъ былъ симъ чудеснымъ зрѣлищемъ. Онъ смотрѣлъ на царство пчелъ какъ на царство людей. Вотъ почему онъ пчеламъ *своимъ* далъ не только страсти человѣческія, но и все, что видимъ мы въ быту людей; вотъ почему такъ часто употреблялъ выраженія, изъ обстоятельствъ и образа жизни нашей заимствованныя, какъ то: *кровы, домы, терема, ложницы, врата грады, царство, лабиринтъ* и проч.

*Стран.* 124. *ст.* 8.

**И юные цари и юныя дружины...**

Древніе *Царицу* пчелъ называли *Царемъ* — Rex. Заблужденія ихъ открыты новѣйши наблюдателями.

*Стран.* 127. *ст.* 5.

**Коль въ царствѣ два царя въ раздорѣ межь собой...;**

Описываемая здѣсь со всею прелестію поэзіи междуусобная воина происходитъ у пчелъ въ то время, когда онѣ роятся и убиваютъ лишнихъ — ненадежныхъ царей. Но у нихъ бываютъ и внѣшнія наступательныя и оборонительныя войны.

*Стран.* 130, *ст.*

Луканскіе сады, гдѣ Флора каждый годъ
На шелковыхъ коврахъ двукраты пиръ даётъ.

Луканія или Калабрія славилась прекрасными розами, которыя цвѣли два раза въ годъ.

*Стран.* 131, *ст.* 13.

Въ странѣ, гдѣ въ камышахъ Галезъ віясь лѣнивый,
Водами черными поитъ златыя нивы.
Корцирскій старецъ жилъ отъ родины вдали.

*Галезъ* рѣка, впадающая въ Тарентинскій проливъ. — Корцирскимъ старцемъ Виргилій называетъ одного изъ (морскихъ разбойниковъ) пиратовъ, переселенныхъ Помпеемъ въ Тарентъ.

*Стран.* 135, *ст.* 18.

Дивитеся въ пчелахъ Природы чудесамъ!
Онѣ цѣпей любви и брачныхъ узъ не знаютъ...

Пчелы, называемыя *рабочими*, дѣйствительно не знаютъ цѣпей любви, но сами обязаны жизнію царицамъ и — трутнямъ!!!

*Стран.* 137, *ст.* 7.

Глубокіе умы по чуднымъ симъ дѣламъ
Часть Бога, огнь небесъ присвоили пчеламъ.

По мнѣнію Пиѳагора и Платона всѣ существа земныя какъ части божества *или всеобщей Души*, разлитой по всей вселенной, безсмертны, и, отживъ здѣсь свой вѣкъ, переселяются въ звѣзды.

*Стран.* 139, *ст.* 3.

И разставляетъ сѣть у входа Арахнея....

Арахнея или Арахна искусная златошвея изъ города Колофона, нѣкогда оспоривала славу искуства у Минервы; побѣжденная богиня бросила въ соперницу челнокъ; Арахнея съ отчаянія повѣсилась. Боги сжалились надъ нещастною и превратили ее въ паука.

*Стран.* 140. *ст.* 10.

**И на лозѣ родной изсохшій виноградъ**

Это, кажется, наша коринка — psithia vitis.

*Тамъ же. ст.* 11.

**Есть сельный цвѣтъ, ему отчизна берегъ Меллы.**

Ученые изслѣдователи полагаютъ, что этотъ *сельный цвѣтъ*, названный у Виргилія amello.

Est etiam flos in pratis, cui nomen amello —,

Есть *Астра*, Aster Atticus, coeruleus, vulgaris, — Stern-Kraut. L'Aster или Oeil de Christ. Star-wort. Справедливость мнѣнія сего можетъ быть доказана болѣе всего тѣмъ, что Линнеевъ *Aster Atticus* у Италіанцевъ называется Amello, слѣд. тѣмъ же самымъ именемъ, которое дано ему Виргиліемъ: — *cui nomen Amello*. — *Мелла* — рѣка въ нынѣшней Ломбардіи.

*Стран.* 141, *ст.* 15.

**И благодатный край, гдѣ Мелонъ отъ истока....**

*Мелономъ* у Грековъ назывался Нилъ.

*Стран.* 143, *ст.* 11

**Бѣжавшій родины злощастный сынъ Кирены...**

Сынъ Кирены, Аристеи, преслѣдовалъ Эвридику; она бѣжала и, уязвленная зміею, умерла. Орфей для изведенія ея изъ Царства мертвыхъ, нисходитъ въ Адъ. Плутонъ и Прозерпина, тронутые жалобными звуками лиры его, возвращаютъ ему супругу въ условіемъ — не обращать взоровъ назадъ — не смотрѣть на нее, пока не выдетъ на свѣтъ. Побѣжденный нетерпѣніемъ, онъ забылъ завѣтъ Ада, оглянулся и — все погибло.... Вотъ содерженіе превосходнѣйшаго въ Георгикахъ Эпизода.

*Стран.* 147, *ст.* 1.

**Предъ нимъ алмазная истоковъ колыбель**
**И урны перловы великихъ рѣкъ: отсель**
**Исходитъ кроткій Фазъ и Эпиней бурливый...**

Платонъ думалъ, что во внутренности земли есть общее водохранилище рѣкъ. Вотъ почему Виргилій собираетъ въ одно мѣсто многія рѣки, далеко другъ отъ друга протекающія. *Фазъ* рѣка въ Колхидѣ, *Эпиней* въ Ѳессаліи; *Аніо* р. впадающая въ Тибръ, *Ликъ* р. въ Скиѳіи, *Каикъ* въ Мизіи; *Эриданъ* нынѣ По, *Гипанисъ* нынѣ Кубань.

*Там же, ст.* 19.

**Мой сынъ, прими фіалъ, и Вакха даръ священной**
**Въ честь бога водъ излей! .. О ты Отецъ вселенной! ..**

Виргилій называетъ бога водъ-Океана *Отцомъ вселенной*,

—Simul ipsa (Cyrene) precutur
*Oceanumque patrem rerum*, Nymphasque sorores.—

сообразуясь съ мнѣніемъ Ѳалеса, полагавшаго *воду* первою стихіею всѣхъ вещей, и слѣд. вселенной. —

*Стран.* 148. *ст.* 7.

**Витаетъ въ хляби водъ Карпатовыхъ глубокой**
**Пророкъ царя пучинъ — Протей голубоокой . . .**

*Карпація* островъ въ малой Азіи, который сообщилъ свое *имя* : Carpathius gurges — омывающимъ его водамъ. — *Протей* изъ Египетскаго Царя краснорѣчиваго, мудраго, хитраго политика посвященъ въ Пророка Нептунова. — *Паллена* полуостровъ въ Эмаціи или Македоніи. — *Нерей* сынъ Океана, отецъ Ѳетиды и другихъ сорока девяти Нереидъ.

*Стран.* 152, *ст.* 17.

**Стоналъ Родопъ и Гебръ и Скиѳіи поля,**
**Рыдала Гетовъ степь и Марсова земля. . . .**

*Гебръ* рѣка во Ѳракіи. — *Геты* жили на берегахъ Понта Эвксинскаго. — *Марсова* земля — Ѳракія.

КОНЕЦЪ.